NODDY HOLDER

'His sheer pop-eyed fanatical presence is positively defying the world not to Get Down and Get With It' DAILY MAIL

WHO'S CRAZEE NOW?

FULLY UPDATED EDITION

SHOUT
SHARE
IT

- Кто теперь ненормальный? Автобиография
  -
  - Предисловие
  - Ничего с этим, парень, не поделать!
  - Прекратите этот грохот!
  - Парни, у вас есть будущее!
  - На полпути в Рай
  - Пугающие волосы
  - В свободном полете в Л.А.
  - Сумасшествие турне
  - Я готов закрыть лавочку
  - Что Бог не делает, всё к …
  - Вперёд в Линолиум!
  - P.S. автора перевода.

Кто теперь ненормальный? Автобиография

Редактор Лиза Веррико
Пилотный вариант перевода — В. Овчинников

В книге лидера легендарной группы Slade Нодди Холдера описана его автобиография и история создания и становления группы. Книга полна интересных наблюдений и фактов из жизни рокеров Британии в шестидесятые годы прошлого столетия, когда такого названия "Slade" еще не существовало, но сам ансамбль уже сформировался, и носил разные имена.

Предисловие

Это сложная задача – положить на бумагу свою жизнь, особенно если ты никогда не вёл дневников. Каждый рождённый в конце войны - «шумное поколение» имеет отношение к моему детству и юношеству. Надеюсь, что ухватил настроение времени и моё, как и всех, стремление состояться. Мораль старого рабочего класса, состоящая в использовании задатков, выполнении тяжелого труда и в том, чтобы поймать немного удачи, будучи в нужном месте в нужный час, послужила на славу.

Лиза Веррико была неоценима, помогая разложить в некоторое подобие порядка моё житьё-бытьё. Она молодая итальянка (хотя и уроженка Глазго) ещё на свет не родилась, когда я уже ощутил вкус успеха. Несмотря на то, что она опытная журналистка в области музыки, у неё не было предвзятого отношения к моему прошлому, и я считаю это выигрышной позицией для свежего взгляда на события.

История Slade хорошо описана, но в этой книге я хотел показать то, что прошло через мои глаза. Как это влияло на меня лично и борьбу за выживание в течение многих лет в бизнесе, не пользующегося хорошей репутацией, по разным причинам, в зависимости от степени их влияния.

Когда издатель предложил мне написать автобиографию, возникла заинтересованность, поскольку занятные истории о людях моё любимое чтиво. Вы считаете себя проницательным в том, что может зацепить читателя, но существует проблема изложения содержания без причинения обид. Адвокаты зависают коршунами и бдительно следят за каждым неверным шагом. Вы должны следовать собственному чувству, что интересного представить читателю. Происходящее за занавесом сцены в какое-то время отражается в музыке, но публичный человек не может быть на людях 24 часа в сутки, даже если некоторые этого ожидают. Это может свести с ума любого человека. Будучи типичным «близнецом», я умудрился удержать равновесие в профессиональной карьере и частной жизни. Я больше не являюсь честолюбивым животным, которым когда-то был, возможно, это случается с возрастом. Я счастлив прошедшей работой и игрой с множеством талантливых людей, встретившихся на жизненном пути в течение карьеры и шлю всем искреннюю благодарность. Семья, старые и новые друзья - это суть и основа моего мира.

Надеюсь, книга развлечет Вас на несколько часов, а если нет, денег назад все равно не получите!

Смотрел на жёлтые огни вдоль Миссисипи
Мосты смыкались жутковато надо мной
Бортов багровые огни
От столкновенья берегли
Поверить не могу!

Я видел утренние горы на Аляске
Рассвет, закат, восток и запад все мое
Я славил звонкой песней Рим
И «Гончих Псов» не позабыл
Всё будет хорошо!

И я там далеко…….

Ничего с этим, парень, не поделать! 1

Я стою посреди сцены в темноте тускло освещенной комнаты, лица обращены в мою сторону. Тепло фонарей усиливает нервную испарину на лбу. Сердце колотится так, что вот-вот разорвёт грудь. Руки, держащие микрофон, трясутся, так же, как и голосовые связки, выпускающие в свет и в чарты запись №1. Зал Рабочего Клуба в Уолсалле, 1953 год и песня Frankie Laine «Я верю». Это было дебютным пением перед живой аудиторией. Мне семь лет и все в слезах.

По словам матушки, я был рожден шумно. Словно сумасшедший я пробивался на свет и, когда появился, отметил событие диким криком. Это было знаком, а я всегда верил, как начнёшь, так и продолжишь. И ещё верю, что есть вещи, для которых предназначен, и, что есть нечто, дающее уверенность в выполнении предначертанного. Не пускай пыль в глаза, следуй за мечтой.

Отец был выходцем из большой семьи, и у мамы была сестра, поэтому родней меня бог не обидел. Море дядюшек и тётушек, кузин и кузенов. Мы всегда болтались в домах друг друга. Соседи подбрасывали своих детей поиграть, так, не имея братьев и сестер, я никогда не скучал. Но отсутствие брата или сестры подтолкнуло к исследованию собственных способностей в очень раннем возрасте. Я часто уходил в свой маленький мир. Причудливые истории в моей голове прерывались криком матери «Невилл, обед готов!». Но и сегодня пробую урвать часок, чтоб уйти в себя. Прежде, выступая с группой, случалось, что в поездке прихватывал на это время, сидя в гримерной и сосредотачиваясь на предстоящем выступлении. Как лидер, обдумывал ход событий, которые могли пойти не совсем гладко, разговоры с публикой между песнями, новые идеи – что-нибудь отражающее верное восприятие выступления. Это происходило везде и постоянно, отчего складывалось впечатление, будто бы я человек замкнутый, с неровным капризным характером.

Но большую часть времени я был в центре событий, создавая всеобщий хаос, и запускал в окружающих чертей. Так было.

Воспоминания о детстве – только счастье и больше ничего. Мы были типичной рабочей семьёй, где родители просто не могли позволить себе испортить детей. Присутствовал практицизм с войны вплоть до 1954г. и излишка денег не было. Никто не мог скопить. Жили одним днём. Не могу припомнить

безденежное состояние, но видимо от детей это скрывали. Это было не наше дело. В доме всегда были на столе еда и горящий уголь в камине гостиной.

Я был ребенком конца войны, рожденный в 8 утра субботы 15 июня 1946г. в доме №31 1\3, Ньюхолл стрит, Уолсалл. Не спрашивайте о странном обозначении номера дома, не знаю, что означает, но видимо что-то в этом было.

Уолсалл - просто северная часть Бирмингема и часть Чёрной Страны, называющаяся так, поскольку в течение долгого времени была индустриальным сердцем Англии. В годы моей юности там были преуспевающие угольные шахты, сталеплавильные и прокатные производства с огромными трубами, источающими дым и оставляющие отложения сажи везде, где только можно. Это действительно была Черная Страна по названию и по сущности. Я чрезвычайно горжусь мидлендскими корнями. Народ Чёрной Страны есть соль земли и без него я не сумел бы говорить так здорово, как сейчас.

Наш общественный дом находился в конце длиной террасы. Открытость Коронейшн стрит всегда напоминает мне о Ньюхолл стрит. Расположение домов очень похожее. Входная дверь открывалась прямо на тротуар и вы попадали в переднюю, которая использовалась для особых случаев. Словами мамы – «держали для наилучшего»- многое тогда « держали для наилучшего». Затем вы оказывались в гостиной, где был обеденный стол, стулья, пара кресел вокруг здоровенной черной угольной плиты. Огромный котёл, полный горячей воды всегда оставался на месте. Друзья мои, в те времена не было центрального отопления и постоянной горячей воды в кране. В гостиной также располагался набор для отскабливания в крошечной ванной. Буфет дополнял общую картину, и, конечно, была такая вещь, как «беспроводник» или радио для тех, кто родился после 1960г.

Дверь на лестницу прикрывала две спальные комнаты. Ванная комната отсутствовала. Не было и туалета внутри. Если прихватило ночью – пользуйся горшком под кроватью. По этим причинам рождались отличные идеи. В суровую холодную зиму для согрева приходилось зарываться под одеяло с бутылкой горячей воды. Сегодня вся моя семья жалуется на недостаточно эффективное отопление. Видимо это отголосок тех дней, но я, точно, теплокровный парень. Вниз по ступенькам путь в заднюю комнату с газовой плитой и большим тазом для стирки вручную. Задний двор бы общим с другими тремя семьями, и в конце двора стоял единственный туалет, с задвижкой изнутри на рахитичной деревянной двери. Это было хорошее убежище для нашкодивших

ребят. Для церемонии завершения дела висели листы газет. После заднего прицела передовицы Дейли Миррор уже не имели нарядного вида.

1945 был хорошим годом. Война закончилась, выжившие вернулись домой, и я был зачат. Мой отец, Джек, шесть лет служил в войсках Монтгомери в пустынных частях и Италии. Он потерял много друзей юности, и это сильно повлияло на него. Он никогда ничего не рассказывал о тех днях, даже когда сильно выпивал. Но всегда брал меня на каждое Воскресенье Памяти в центре города посмотреть парад в честь погибших героев. Война сделала его страстным ненавистником немцев, ведь многие из его дружков никогда не вернулись назад. Я не мог оценить степень влияния войны до более позднего жизненного случая. Подлинные чувства обнажились когда моей подружкой некоторое время была немка. Однажды она заявилась в Англию. Я всё ещё жил с родителями, и она остановилась у нас. Отец и трех слов не сказал за время её пребывания. Это вызвало общее смущение, хотя она даже не была уроженкой Германии.

Обычно, как ребенок, я вел себя неплохо. По крайней мере, когда от меня требовалось. Так получалось не потому, что я не мог получить шлепок от отца. В те времена дети редко выходили из-под контроля. Существовал общественный заговор, чтобы держать тебя в определенных рамках. В школе ты получал тростниковый прут, как заслугу за плохое поведение. Ты мог получить и по рукам, и по заднице до крови, что действовало очень эффективно. Учителя были представителями власти и могли наказывать так часто, как считали нужным. И не спрашивали разрешение родителей. Если тебя ловили за нарушение дисциплины, родители поощряли заслуженное наказание. Мы провели школьные годы, весьма опасаясь классных руководителей. Мы шарахались и полицейских, не помогало, что отец знал их всех. Он знал каждого. Его собственный бизнес заключался в чистке окон, что означало обслуживание всех соседей, магазины, местные фабрики, отделения полиции, школы и т.п. У него был замечательный характер. Он всегда был на улице и в процессе работы должен был разговаривать с людьми. Это была нелёгкая жизнь. Домой возвращался уже с рассветом. В поздние годы страдал сильным артритом из-за многих часов, проведенных на улице при любой погоде. Отец, вне всяких сомнений, был настоящим трудягой.

Оба деда умерли до моего рождения. Но я помню посещение домов бабушек. Бабушка со стороны матери обладала фантастическим пианино. Многие семьи держали инструменты, но её действительно было выдающимся, с подсвечниками и

инкрустацией бивнем слона. На нем не играли, но всегда держали настроенным. Несмотря на 2-3 летний возраст, я часами барабанил по клавишам. Вспоминаю те дни с величайшим сожалением на протяжении всей жизни, что никогда серьезно не обучался игре на фортепьяно.

Вне всяких сомнений я с малолетства любил пустить пыль в глаза. Мне было четыре года, когда я дал первое публичное выступление – это был театр марионеток. Дядя Эрик купил его для меня, и заднем дворе начались выступления для соседских детей, стоивших по старому пенни с головы. Я писал собственные пьесы, по большей части версии из жизни Панча и Джуди. Тогда я заставлял их играть некое подобие настоящего, как мне казалось, спектакля.

Позже, когда куклы наскучили мне, я повернулся в сторону музыки. Радио стало моим главным притяжением. Как только случалось услышать понравившеюся песню, я заучивал ее текст наизусть. Затем следовало многократное исполнение на заднем дворе с метлой вместо микрофона. Особо примечательное радио было у моей бабушки. Оно питалось от аккумуляторов - нечто похожее на автомобильную батарею. Пару раз в неделю они нуждались в зарядке в мастерской, я рвался отнести их, но груз был слишком тяжел. Тогда радио играло в жизни семьи большую роль, потому что в округе, где я жил, ни у кого не было телевизора. Ребята сидели со своими родителями и слушали «Шкатулку образования», жизнь среди львов и т.п. Не было споров по поводу музыки, поскольку то, что вы слышали, и было популярными песнями дня. Радиостанции не всегда передавали стоящие вещи, вместо этого предлагались различные танцевальные мелодии многих оркестров, что и являлось селекцией хитов.

Большой толчок к карьере певца я испытал, когда отец доставил домой первую радиолу. Проигрыватель пластинок и радио были объединены. Это был большой деревянный агрегат с управлением клапанами. Я был взволнован, сегодня трудно представить, что слушать любимые песни, когда захочешь, было неправдоподобно захватывающим. Заучивать тексты стало намного легче. Я был счастлив – отец немедленно стал покупать массу пластинок. Первой нашей пластинкой была '*Via Con Dias'* от The Beverley Sisters, тогда чрезвычайно популярная. Любимым исполнителем отца был Al Jolson, который произвел впечатление и на меня. Я до сих пор его поклонник.

Никогда раньше не задумывался, но моя семья по-своему была музыкальной. Старший брат отца пел, мама, будучи ребенком, играла на скрипке, а её сестра на фортепьяно. Я

помню, как постоянно натыкался на футляр, хотя с моим рождением мама стала занятой по дому, редко играла и почти забросила инструмент. Моя награда – мой отец, который также не был чужд музыкальных талантов. Любимой песней была вещица «Не могу не любить тебя» в оригинале исполняемой Judy Garland. Это была его «коронка». Он исполнял её для матери, когда возвращался выпившим домой из паба. Он исполнял номер и на публике, в рабочих клубах. Каждую пару недель, он забирался на сцену и исполнял несколько песен. Люди часто говорили, что его удел - профессиональное пение, поскольку публику «штормило» от его выступления.

В 50-е рабочие клубы были частью жизни общества, места для удовольствий, куда родители с детьми приходили раз или два в неделю, обычно пятницу или субботу. Нашим местным был рабочий клуб Уолсалла, прямо в центре города. В нижней части была бильярдная с огромнейшими столами, впрочем, на самом-то деле они были обычного размера, но тогда мне казались большими. Играли только мужчины. Когда играл мой отец, я носился между столами. Мне доставляло особое удовольствие собирать шары, ставить их на прежнее место. Я думал, это моя особая полезная работа, и старался присмотреть за всеми шарами на всех столах одновременно. Помощи, наверное, было мало, я больше являлся помехой. Наверху был бар, столы и стулья, сцена, на которой в конце недели кто-нибудь что-нибудь исполнял. Часть представления называлась «Свободно и легко». Любой из публики мог подняться и что-нибудь спеть или сыграть на фортепиано. Я думаю, что именно на той сцене вирус тяги к выступлениям поразил меня.

После тамошнего дебюта, я начал регулярное пение, исполняя известные на тот день вещицы. Иногда я пел дуэтом с кузиной Полиной, которая была немножко постарше. Но чаще всего выступал один. Не припомню других ребят с такими же стремлениями, родители также никак меня не подталкивали. Но я хотел быть там. Я слышал поощрения слушателей, когда выступление им нравилось, и это волновало меня. Я представлял, как я получаю аплодисменты и как это здорово!

В течение недели отец делал вылазку с дружками. Мужчины немного выпивали, пока жены дома готовили ужин. Возвращались к ужину уже «хороши». Так протекала жизнь рабочего класса, и мы не были исключением. Женщины не могли посещать пабы без мужей. Если они это делали, о них могли составить неправильное представление. В то время все мужчины любили выпить. Что касается отца, это было непременное жизненное удовольствие, также как и ставки на скачках лошадей и борзых. Он был ярым

болельщиком в любом спорте. Особенно поддерживал футболистов - Уолверхемптонских Странников и Уолсалл. Мы часто ходили на матчи, но главным образом посещали крикет. Ходили всей семьей по субботам после полудня. Крикетная площадка Уолсалл находилась в десяти минутах ходьбы от нашего дома, в роскошной части города. Крикет был ритуалом. Ездили и на выездные игры. Для этого нужно было воспользоваться автобусом, отец в то время еще не водил.

Особенно врезалось в память, что каждый сидел на своем привычном месте. Каждую неделю ты был окружен теми же лицами. Такая картина наблюдалась в рабочих клубах. Мы всегда сидели за одним и тем же столом, на тех же местах, как и каждый в комнате. Каждый знал каждого. Если новая семья переезжала в наш район, в течение недели они знакомились с членами всей общины. В сравнении с сегодняшним временем это было невероятно замкнутое общество. Люди жили друг у друга в «кармане». Соседи постоянно выкрикивали кому-то с улицы. Задние двери вообще не закрывались, и каждый знал, что делает другой. Даже выехав в отпуск, вы встречали знакомых, или, по крайней мере, семьи, которые были там годом прежде.

Мы не знали никого, кто бы выезжал за границу. Выезд на неделю в Rhyl или Margate уже считался удачей. Несколько раз выезжали в Торки, это считалось далекая даль. Семьи могли выехать только на неделю, ведь именно столько длился отпуск, поэтому приходилось выбирать не очень отдаленные места. Самое близкое место для отдыха на море был Северный Уэльс.

Моя семья была типичным представителем того поколения рабочего класса. Все, кого мы знали, были счастливы своей доле. Ты имел работу, свой спорт и мог пойти выпить - все составляющие счастья налицо. Каждый в общине чувствовал таким образом, каждый, за исключением меня. Я радовался своему времяпрепровождению, но всегда чувствовал, что предназначен для чего-то ещё. Помню роскошный парк в Саттон Голдфилде, который был окрестностью Бирмингема и куда я однажды попал с дружками. Мы приехали на автобусе, а затем пошли пешком через восхитительный район, где проживали состоятельные люди. Я всегда говорил себе, что когда-нибудь заработаю достаточно денег и куплю один из этих домов. Я так и сделал только много лет спустя.

Когда мне стукнуло восемь, семья переехала из террасного дома в новостройку муниципального владения, которая называлась Бичдейл. Наша улица была назначена к сносу и переехала первой. Дом был крайним и самым ветхим, поэтому и очередь была первой. При расселении никто не думал о

сохранении прежнего соседства и растерял многих старых друзей. Для ребенка это не очень хороший опыт. Я остался в той же школе, но вместо пеших прогулок был вынужден совершать длинные путешествия на автобусе каждый день. Новое место находилось на противоположной стороне города, посреди полей и прудов, где можно было ловить рыбу. Позже, мы гоняли по окрестным холмам на мотоциклах. Я знакомился с новой территорией и новыми друзьями. Это был самый волнующий период детства.

Если честно, я не очень бы возражал перейти и в другую школу. Я ходил в английскую церковь и молодежную школу не потому, что родители были очень набожными, просто это была ближайшая школа, по крайней мере тогда. Главным храмом Уоласса была церковь Святого Матфея, и сопряженная с ней школа носила название Синие Мундиры Уоласса. Некоторые ребята были из обеспеченных семей, и фон их жизни вне школы был пугающим. Я никогда не чувствовал комфорта, общаясь с ними. Когда я попадал в их дома на дни рожденья, не мог поверить глазам. Это другой мир. Было тяжело понять почему Некоторые живут так, а мы нет.

Смутно припоминаю, как меня дразнили на детской площадке. Причина – мой рост. Я был крошечный ребенок, физически унаследовал черты матери, которая была маленькой и хрупкой. От отца достались толстые волнистые волосы. Однако меня не очень задирали. Быстро понял, что если можешь насмешить людей, они считают тебя рисковым парнем и оставляют в покое. Это случай, когда мастерство исполнителя идет на пользу.

Я был крещен, как Невилл Джон Холдер и в младших классах получил первое прозвище Невилл зе Девил (чертила). Но, что приклеилось ко мне далее, изобрел малый по имени Джон Робинс. Когда мне было исполнилось семь, он стал называть меня Нодди (кивала). Я точно не могу сказать почему, но полагаю из-за привычки кивать на уроках, вместо ответа «да». Она сразу прилипла ко мне намертво, и я никогда по этому поводу не печалился. Спустя годы, когда я стал известен, кто-то спросил меня об этом. Просто все так меня звали. Только мама, тётушки и учителя звали меня Невилл. Я даже представлялся, как Нодди. Я не выбирал первое или второе, просто стал Нодди.

В школе я постигал жизнь, в том числе и по рассказам Джона Тейлора. Я сидел за ним, на задних рядах. Его отец был руководителем Скаутов, и он сам был в скаутском движении. По этой причине он знал кое-что о сексе. Не знаю почему, но он считался знающим парнем. В те времена не очень-то было

принято трепаться об этом. По нынешним меркам парнишки были безнадежно наивны. Мы постигали вещи только по наитию. Родители могли скорее умереть, чем рассказать тебе из жизни пчелок и птичек. Я имел только приблизительное представление обо всём этом, рассказы Джона о деталях отношений повергло в шок. Это отбросило желание присоединиться к скаутам.

В 50-е большинство людей ходили в кино не менее двух раз в неделю. В Уолсалле было 4-5 небольших кинотеатров. Сейчас их нет, только множество за чертой города. Как и все дети моего возраста, я вырос на субботних утренних показах. Я с двумя пареньками с нашей улицы посещал сеансы в 9.30 каждую неделю. Мы смотрели ковбойские фильмы с Hopalong Cassidy или Cisco Kid и, может быть, Flash Gordon в черно-белых оригиналах. Отчетливо помню ранние походы в кино, потому что путь лежал мимо почты. Кроме других вещей, там продавались игрушки, в окне была электрическая железная дорога в полном работающем составе. Ничего подобного я не видел. Мог стоять часами, наблюдая за движением поезда по путям.

Переехав, я стал уже достаточно взрослым, чтобы ходить на ранние вечерние сеансы. Поначалу я ходил со школьными друзьями или соседскими ребятами. Потом начались самостоятельные походы. Это было здорово ощутить себя независимым. Кино сделало меня более уверенным в себе, потому что приходилось делать поездки через город каждый день. Я считал, что самостоятельные походы делают меня более взрослым.

В девять лет я посмотрел первый рок-н-ролльный фильм. Это был «Рок сутки напролёт» с Биллом Хейли и фильм поразил меня. Рок-н-ролл только что пересек Атлантику, Билл Хейли и Кометы были нашим первым знакомством с Американской Мечтой. Я отправился на дневной просмотр в местный кинотеатр. Это была эра Тедди Боя и новости пестрили о проблемном поведении подростков. Я слышал, что при показе «Рок сутки напролёт», обдирались сидения и в проходах устраивались танцы. Мои родители тоже слышали об этом и отговаривали меня от просмотра. Я намазал волосы отцовским бриолином и все-таки пошел - влечение было неотвратимым. Я не позвал никого из дружков, они были не очень заинтересованы. Они были вне музыки. Так это все сложилось, и я был очень взволнован. Все подростки танцевали и подпевали экрану. Я был слишком молод, чтобы присоединиться к компании, но смотрел на всё широко раскрытыми глазами.

С того дня я взял под контроль все саундтреки. Посмотрел все фильмы с Tommy Steele, хотя не был его поклонником. Томми

был крупной фигурой, поп-идолом тех дней. Он исполнял кавер-версии Американских хитов. Когда пришли Элвис (Elvis) и Литтл Ричард (Little Richard) я понял, что это и есть настоящая музыка. Факт, что они были американцами, делал их более впечатляющими.

Никогда не забуду тот день, когда первый раз увидел Литтл Ричарда на экране. Исполнялась «Не печалься девушка». Не думаю, что было что-то лучше, чем эта вещь. Он барабанил по клавишам, крутя роскошной шевелюрой. Он был самый бесподобный живой исполнитель. Несколько лет спустя, я увидел его на концерте. Концерт проходил в Гаумонте (Уолверхемптон) в рамках совместного турне с The Rolling Stones, которые были открывающими артистами, и Everly Brothers в первой позиции афиши. Это моё первое шоу с сильнейшим впечатлением. Литтл Ричард был особенно ярким. Он танцевал на крышке рояля и, как угорелый, носился по сцене. В то время никто не знал, что он был гей. Похоже, что и организаторы шоу также не знали об этом. После Литтл Ричарда я запал на Элвиса. Впервые увидел его в *Jailhouse Rock* и затем в *King Creole*.

Открытие рок-н-ролла привело к коллекционированию собственных записей. Первая пластинка, купленная на собственные деньги, была *'Bony Moronie'* Ларри Вильямса (Larry Williams). Пластинки были единственным желанным подарком на дни рождения и Рождество. Подзаработав немного денег на мытье окон, я тратил их на пластинки. Прослушивание пластинок было замечательным делом. Это улучшало настроение. Каким-то образом я понимал, что это моё будущее. Когда я, наконец, приобрел собственный проигрыватель, часами сидел и слушал мои любимые 78 оборотов. Затем я начал представлять, как здорово бы было прозвучать и самому. Вот почему пришло решение купить гитару. В 50-е гитара не являлась столь популярным инструментом, как сейчас. Элвис сделал её символом рок-н-ролла, но никто из знакомых ребят не имел гитары. Первый инструмент я получил в двенадцать лет. Она была куплена родителями, как рождественский подарок, хотя я и сам уже отложил немного денег на эту покупку. Это была старая потрепанная вещь, не электрическая, из комиссионного магазина, располагавшегося неподалёку от дома. Я полюбил её с первого взгляда. Стоимость превышала три евро, что для подарка ребенку было сверх меры. Я не мог поверить своим глазам, когда родители вручили подарок. Она была самая лучшая. Мировой рождественский подарок. Но появилась проблема: я не знал , что с ней делать. К счастью, у мамы был знакомый – известный джазовый гитарист, проживавший в Уолассе. Это был Фреди

Дегвилл, который всю жизнь играл в оркестре. Когда мать увидела, что значит для меня гитара, она попросила его дать несколько уроков.

Первый год освоения гитары совпал с расцветом творчества Клифа Ричарда. Мне хотелось выучить все его песни. Он - негодный парень британского рока, хотя теперь в это трудно поверить. Он стал знаменит после телевизионного шоу «Oh Boy!», которое шло в 6.5. Я приклеивался к субботним музыкальным передачам во время вечерних чаепитий. Я должен был видеть Cliff, Marty Wilde, Billy Fury, Adam Faith, Dickie Pride и *Joe Brown*. Это подавалось прямиком в постель, с шейными платками, череда волнующих поп звезд, новый подарок господний для женской половины населения.

Кроме субботних телевизионных вечеров моим единственным источником оставалось радио. Хотя рок-н-ролл начал занимать своё место, большинство музыкальных композиций исполнялись большими оркестрами, делавших каверы недавних хитов. Я помню только две передачи, отвечавших моим вкусам - Brian Matthews' Saturday Club по утренним субботам и Легкий Ритм по воскресеньям. Все подростки слушали эти передачи. Это был почти ритуал. Единственная станция, постоянно передававшая популярные записи, была Радио Люксембург. Передачи велись поздно ночью, и качество приема было ужасное. Несколько раз предпринимались попытки к прослушиванию этой станции, что означало перетаскивание приемника в постель и бдение за нечётким ломким шумом.

▲ *Just checking everything is in order – aged 9 months*

▲ *Who's a pretty boy then? On holiday in Rhyl aged 2.*

▶ *Aged 11 with my first guitar, practising chords. The budgie was not impressed.*

Всё вокруг интересно и это в порядке вещей ведь мне 9 месяцев.

Кто этот малец? Два года, отпуск в Rhyl.

Мне 11. Моя первая гитара, идет заучивание правильных аккордов. Попугайчик недоволен.

Прекратите этот грохот!
2

Наступила пора средней школы, я мечтал о музыкальном будущем. Я учился неплохо и имел вполне хорошие оценки по многим предметам. После начальной школы следующей ступенью была 11-летняя школа. После экзамена учащиеся получали доступ к дальнейшей учебе. Если сдавал, что я и сделал, то переходил в грамматическую школу. Всё сделал хорошо, ведь я знал, родителей подводить нельзя, но уже тогда относился к экзаменам, как к ерундовому делу. Не думаю, что кто-то серьёзно оценивался в возрасте одиннадцати лет.

В грамматической школе проучился год, по каким-то причинам она закрылась. Все ученики были переведены в новую школу называвшуюся T.P. Riley. Это была одна из первых общеобразовательных школ в стране. Мне было всё равно куда ходить, но большое преимущество T.P. Riley заключалось в десяти минутной удаленности от дома. Это означало конец ежедневных поездок на автобусе. Походив туда, я открыл глаза на многие вещи. Школа была очень большой и охватывала всех детей округи. Тысячи учеников, в социальном плане были такие же, как и я. Впервые я не чувствовал дискомфорта, как ребенок из рабочей семьи.

На второй год обучения в этой школе я подружился с пареньком на год младше меня по имени Фил Бёрнел. Мы познакомились в последний день семестра. Занятия закончились, и обсуждались планы труда и отдыха. Фил и я оказались единственными умельцами по гитаре. Мы сели на противоположные стороны комнаты, изучая друг друга, и попытались выяснить, кто из нас лучше. В конце концов, я подошел и заговорил. Он был очень мал и худ, подстрижен под горшок. Я уже не помню, что спросил. Вероятно «Сколько аккордов знаешь?». Мы поболтали, и выяснилось, что любимые аккорды были те же самые. Наше умение было примерно равным, хотя я был немного впереди. Немедленно мы основали группу и стали лучшими друзьями. Он оказался единственным человеком моего возраста, ослеплённый музыкой, как и я.

В то лето нашего знакомства мы почти каждый день упражнялись на гитарах. Хотелось освоить побольше рол-н-ролльных мотивов. Игра с кем-то ещё также шла на пользу. Мы учили друг друга и определенно продвигались вперед. Мы постоянно вели обмен пластинок, часто обсуждали какие

пластинки приобрести и как неплохо бы купить хорошие гитары, подкопив достаточно денег. Полная наивность. Казалось, приобретя хорошие инструменты, мы автоматом станем великими исполнителями. Позже мы поняли, что это не так.

С Филом не разлучались более десяти минут, часами зависая в домах друг друга, обсуждая любимых артистов. Ходили вместе в кино на рок-н-ролльные фильмы. К началу нового учебного года мы решили основать собственную группу.

По плану мне досталась роль певца и лидер-гитары, а Фил должен был исполнять партию ритма. По началу, такой дуализм стал для меня проблемой. Петь-то я хотел, но играть и петь одновременно оказалось затруднительно. Дело заключалось в координации, похоже на освоение велосипеда. Начинать тяжело, внезапно это становится природным чувством. Помню, первой исполненной песней была *'Cathy's Clown'* от Everly Brothers. Это оказался настоящий прорыв. Дальше пошло, как по маслу.

Как только я научился петь и играть одновременно, Фил начал набирать команду. «Мы не должны привлекать дружков, а только тех, кто также помешан на музыке, как и мы» - говорил я Филу. Это было непросто. В это время других групп в нашей школе не было. Единственным человеком в нашем классе, кто стояще играл на гитаре, был Рой Браун. Но он уже играл в группе The Redcaps с горсткой старших ребят из другой школы. Я не знаю, как он умудрился туда попасть в таком юном возрасте, но его старший брат, как певец The Redcaps видимо приложил к этому руку.

Первый, кто присоединился к нам, был Мик Оултон, мой товарищ по классу. Он стал нашим барабанщиком. Его инструментами были старый большой скаутский барабан с маленьким «тревожным» барабаном и цимбалы. Первоначальным басистом стал Кенни Холланд. Когда он, спустя некоторое время, исчез, его заменил Пит Бикли - однолетка Фила. Мы дополнились вторым певцом, пареньком по имени Пузан Джон Купер. Визуально он был неотразим, весельчак и прирожденный шоумен. В наличие и прекрасный голос, хотя в обычном разговоре он заикался. Смотреть его исполнение было очень занятно. В классе он с трудом выдавливал фразы, с выходом на сцену всё изменялось.

Замысел состоял в том, что все популярные песни будет исполнять Пузан, мне же доставались вещицы с «песком». Его голос подходил для песен с простоватым ритмом, мои же являлись типичным рок-н-роллом. В один из дней появилось ясное понимание, каким звуком мы должны играть. Отношение к теме было самое серьезное, хотя никто прежде нигде не играл.

Решением оказалась организация правильного жесткого звучания. Фундамент был выбран основательно, хотя у нас не было приличных инструментов, и приходилось делить один усилитель на всех.

В первое время мы назвались The Phantoms. На репетиции собирались раз или два в неделю. Начали с песен, исполнение которых для нас с Филом было уже известно. Остальные разучивали свои партии на слух и совершенствовали их дома. Главным образом делали инструментальные вещи Shadows и хорошо известные хиты. В репертуар входили Gene Vincent, Eddie Cochran, The Everly Brothers, Little Richard, в общем все. В то время группы не писали собственных песен, даже и мыслей таких не было. Вначале мы были никто.

В школе репетировать не дозволялось, и, поскольку наше оснащение не занимало много места, тренировки проходили в наших домах. Обычно это был дом Фила, его мать не возражала против репетиций в передней. Моя матушка могла вытерпеть не более часа, после чего начинала ругаться: «Ребята, прекратите этот грохот!». Это немного смущало. Следующие репетиции мы проводили в молодёжном клубе «Блоксвич», который считался сельским залом. Молодёжные клубы представляли заметное явление, потому что там для молодёжи было несколько видов развлечений, как погонять птиц, встретить дружков из других школ. Никто не возражал против размещения инструментов и тренировок, пока народ резался в теннис и разговаривал около нас. Те вечера в клубе и были нашими первыми выступлениями. Когда у нас стало немного получаться, народ стал толпиться вокруг нас и просить исполнить какие-то песни. Поняв, что происходит, мы стали посещать и другие молодежные клубы, не исключая и те, в которых мы могли попросить за выступление немного денег. В нашем местном клубе деньги получались исключительно на танцевальных вечерах, хотя мы уже имели хорошую репутацию.

Прошло немного времени с того момента, когда мы «сделали имя» в рабочем клубе и нас начали приглашать в пабы и рабочие мужские клубы. Это неплохие места для выступлений. Однако, это не места для репетиций подростков. Нужно было отстаивать имя The Phantoms. Хотя мы играли таких исполнителей, как Элвис, Литтл Ричард и Shadows, начались пробы ритм-н-блюз, наподобие Чака Берри (Chuck Berry) и Мади Уотерса (Muddy Waters). «Нам нужно новое «американское» имя, которое больше подходит к набору исполняемых вещей» - втолковывал я Филу. На изобретение нового названия был потрачен вечер. На следующий день родились The Memphis Cut-Outs.

Наше первое выступление состоялось в пабе под названием The Three Men in a Boat, на углу местечка, где я жил. С того времени, после каждого удачного выступления мы разучивали новые номера. Определить заранее, что это будет за публика, было сложно, и приходилось подстраиваться под аудиторию. Мы могли играть ритм-н-блюз, рок-н-ролл, поп, инструментальные композиции - что пожелаете. По крайней мере, раз в неделю, нас приглашали в паб, мужской клуб или школьные танцы. Мы также начали играть на свадьбах и днях рождения. Все заказы хороши. Вскоре число приглашений дошло до четырех-пяти в неделю, обычно на выходные. Было даже несколько местных приемов в субботние вечера или воскресные обеды.

Родители никогда не беспокоились о наших выступлениях в пабах. Один из них всегда отвозил нас, куда было надо (туда и обратно), и прихватывал нашу аппаратуру. Частенько их представители следовали за нами просто посмотреть. Это были прекрасные люди, и если игра выпадала на выходные, для них была «ночь вне дома». Такая группа поддержки являлась большим подспорьем, они подбадривали нас, хотя никогда и не думали, что в будущем мы сможем стать профессиональными музыкантами. Все считали это увлечением. После выступления они говорили: «Сегодня вы молодцы ребята» или «женщине за соседним столиком понравилась ваша баллада».

От этих вечеров пришли первые деньги. Совсем немного, может 5-10 фунтов за ночь, крохи конечно, но родители считали это полезным. Мы не искали выгоды. Каждый пенни возвращался в группу. Деньги требовались на новые инструменты и струны для гитар или арендную плату за усилитель. Мы настойчиво обновляли технику. Мы стремились к тому, что хотя бы басист имел свой отдельный усилитель. Я купил новую гитару. Мой старый полу акустический инструмент был доработан до электрогитары. Новый оказался много лучше. Смотрелся как Фендер, а по правде - только дешёвый Хофнер. Тогда я не мог позволить такой роскоши, всё впереди.

С самого начала я знал, что наша команда была хороша. Почти все группы нашего круга были много старше, но мы не уступали, а кое в чём и превосходили их. Мы могли несколько раз выступить неудачно, но нас всегда приглашали вновь. Случались разные истории, которые могли закончиться очень плохо. Приходилось пройти и через это. Мы играли для грубой, подвыпившей публики, потасовки были не редкость. Но мы должны были продолжать играть. Споры могли возникнуть в том же месте, по тому же поводу, что и в прошлый раз. Люди выпускали пар. Но опыт пригодился в дальнейшем. Годами позже,

на концертах можно было видеть дерущихся и крушащих кресла. Несколько раз, стоя посреди сцены и еще не закончив песню, я наблюдал Дикий Запад со столами и стульями в руках публики вместо оружия.

Наступило время наших постоянных выступлений в пабах, я понял, что не только наша группа вполне хороша, но и я делал определённый прогресс. Это придавало уверенности. Характер также претерпел большие перемены. Я никогда не был особенно застенчив, но, вдобавок, становился напористым и энергичным. Появилась нетерпимость при неправильном поведении других. Вы можете сказать, это развязность и грубость - нет. Я чувствовал комфортно в той жизненной нише, которую обнаружил сам. Никогда не беспокоился, когда друзья сближались с криминальными делами. Я был близок к участникам группы, но когда мне что-то не нравилось, проводил время со своей гитарой.

Выходы во внешнюю среду ограничивались клубами и танцами. Иногда, по субботним вечерам, когда случался свободный выходной и родители шли в паб, приходили несколько друзей. Как большинство подростков, открывших алкоголь, мы начали влетать в истории. Пара пирушек проходила дома, но желание не расстраивать родителей оберегало от чрезмерности. Если собрание случалось в чужом доме, события разворачивались по-другому. Я помню первый раз, когда действительно напился. Мне было около четырнадцати. Выпита бутылка пива или портера, но перед этим весь вечер пил ром с соком черной смородины, очень популярный напиток в 60-е годы. Мне нравился этот вкус и выпивая баночку мне казалось, что появляется соответствующая манера поведения, как у известного артиста. После мне стало плохо, к счастью, это был дом товарища и его родители отсутствовали. Я помню кружение комнаты и падение на пол.

Другая провокация – девушки. Я дружил с двумя-тремя в средней школе. Они действительно являлись только подружками, которых можно встретить в молодежном клубе или пригласить в конце недели в кино. Серьёзное увлечение испытано только к одной девушке из моего класса. Её звали Кристина Уолкер. Это первая настоящая любовь. Я действительно полюбил, никаких сомнений. Она была прекрасна, высокая соблазнительная блондинка. Все в школе обращали на неё внимание. Я не помню, каким образом присоединился к общему течению, ведь она встречалась с парнями на пару лет старше меня. Я говорил с ней несколько раз, встречаясь в клубах. Она была непрофессиональной танцовщицей и выступала в рабочих клубах, где и мы, там то и приходилось сталкиваться. Припоминаю

жуткое чувство ревности, когда парни подруливали к ней. Мы закончили школу в одно и тоже время, и разошлись в разные стороны. Это разбило моё сердце. Она разбила его. Она была первой, кто сделал это.

По вечерам, когда мы не выступали, я ходил посмотреть на другие группы. Наиболее часто это случались The Redcaps, в которых поигрывал мой школьный товарищ Рой Браун. Мы хорошо ладили. С двумя другими, более старшими участниками-близнецами Миком и Дейвом Уокерами - прекрасными музыкантами - я также общался накоротке. Эти ребята уже чесали большие танцполы и хороший совет оказывался своевременным и полезным. Начался Ливерпульский «взрыв» и они играли вещи наподобие The Beatles, Gerry and The Pacemakers. Эта особенность привлекала внимание, тем более, что их гитарист оказался моих лет. Невозможно было поверить, что мой одноклассник уже достиг таких успехов. Прямой удар по самолюбию. Совсем не думалось, что когда-нибудь я буду успешней, или даже вообще стану профессионалом. Не виделось будущего за рамками местной сцены.

В Уолсалле было два музыкальных местечка: купальни Блоксвича и Городской Зал. Более солидные группы играли в Городском Зале, хотя множество других, ставших впоследствии знаменитыми, играли именно в купальнях. Я видел Shane Fenton и The Fentones, прежде чем Shane стал Alvin Stardust. В это же время выступали Screaming Lord Sutch & His Savages. Множество прекрасных музыкантов прошло через эту группу, таких как Ричи Блекмор (Ritchie Blackmore), позже участник Deep Purple. Screaming Lord Sutch оказали на меня большое влияние. Когда я смотрел на них, думал, какой волнующей может быть жизнь музыкантов. А мы продолжали играть по молодежным клубам. Но я знал, с хорошим оборудованием, в хорошем зале, мы могли выступать не менее успешно.

Другим артистом, оказавшим на меня сильное влияние, являлся Джо Браун. Теперь-то он считается артистом средней линии, но тогда он был мощный рок-н-ролльщик. Гитарные партии были очень выразительными, и я тратил недели, пытаясь скопировать его стиль игры. И в эти дни начинающие пытаются играть, как Хенк Марвин, который делал отражающийся звук, как разнузданный Джо Браун или Мик Грин из Johnny Kidd и The Pirates. Так обозначилось два пути. Я часто исполнял вещи Клифа и The Shadows, которые наша аудитория желала услышать, но моей страстью был чувственный ритм-н-блюз.

Первый важный урок, подсмотренный мною, относился к стилю поведения на сцене. Это считалось важным, я старался

вести себя подобающим образом на каждом выступлении, не обращая внимания на размер зала, как будто мы играли в Медисон Сквеа Гарден. Каждый из группы поступал таким же образом. Звучит нелепо, но это правда. Номера исполнялись с полной выкладкой, хотя в зале было не более ста человек. Мы считали себя профессионалами, а потому самодисциплина являлась обязательным элементом. Внимательное изучение любимых артистов приводило к копированию не только поведения на сцене, но и поведения до и после концерта. Мы не устанавливали оборудование на глазах публики, потому что так действовали наши любимцы. Они не зависали в баре до концерта, также делали и мы. Все это формировало первое впечатление, перед выходом на сцену.

А еще я уловил, что стоящие группы серьёзно относятся к видео ряду. Публика ликует, когда видит в артистах нечто особенное. Костюмы и наряды производили впечатление сильнее всего. Манера одеваться придавала элемент неожиданности. Как только это дошло до нас, мы перестали выступать в уличной одежде. Даже когда не хватало денег, умудрялись сделать различные костюмы, в основном более дешёвые версии, чего действительно хотелось. Идея простая, но работала здорово. Если удавалось завоевать аудиторию внешним видом - полдела уже сделано без единой сыгранной ноты. Если позаботился о преимуществе, ты его реализуешь. Я всегда следовал этому правилу в течение моей музыкальной карьеры, и это никогда не подводило.

Одной из первых групп, сильно поразивших меня, были Битлз. Первое знакомство состоялось в маленьком молодежном клубе Wednesbury, на окраине Уолссала. Это зал не совсем годился для рок выступлений, просто место для молодежи. Помню шокирующее чувство при их появлении на сцене. Все парни были в кожанках, неслыханное тогда дело и носили странные прически под «горшок»! Как будто незнакомцы, шагнувшие с улицы. Они подхватили эту манеру в Германии, никогда не видел что-либо похожее на это. Все другие группы в этом круге вращения носили аккуратные прически и отполированный вид, они же надели сверкающие кожаные костюмы и были похожи на *The Shadows.*

В те дни Битлз были бурными и готовыми переступать устои, так что они могли носить кожу, в согласии с необычным звучанием, хотя главная цель, ради которой всё и делалось – нанести публике удар. Я осознал это, когда мы разрабатывали свой внешний вид. Вы должны чем-то выделяться на фоне других групп. Битлз знали эту очевидную вещь и поступали, сообразно

своему знанию. Они не стремились к исключительному, я так думаю, но всегда «зарывали изюм» в сценическом появлении. Я наблюдал представление с двумя друзьями, но их не прошибло, как меня. Я полюбил резковатый звук Битлз. Они исполняли много из Чака Берри и ритм-н-блюз - моей любимой музыки. Тогда не представлялось, что они станут тем, чем в итоге стали. Если бы в тот момент кто-то сказал мне, что вижу величайшую в мире группу, я бы не поверил.

К счастью, родители относились легко к моим пропаданиям на выступлениях. Я ходил по залам Уолссала и Уолверхемптона, всегда где-то рядом. Но интереснейшие артисты выступали в Бирменгеме, довольно далеко от дома. В конце похода я должен оказаться дома. Прямого автобуса до нашего района не ходило, поэтому добираться пешком вместо двух пересадок было вернее. Из Уолверхемптона до дома ходил и по десять миль. Тогда можно было не беспокоиться, как ребенок сам доберется домой. Кроме того, я любил эти прогулки с концертов. Мы возвращались с друзьями и могли говорить об особо понравившихся эпизодах прошедшей ночи.

Когда начались постоянные выступления, мои школьные дела пришли в упадок. Чем более нагрузка усиливалась, тем менее я заботился об уроках. Я всё менее и менее успевал, получая заслуженные нарекания учителей. Я начал исчезать из школы и днем. Фил и я старались присутствовать на утренних уроках, а затем свинчивали для дневных тренировок в его доме. В эти часы дома никого не было, располагался он недалеко от школы. Единственный предмет, который я не мог игнорировать, была история. Я любил предмет, который вел вздорный и восхитительный учитель м-р Дикенсон. Он был очень увлеченным преподавателем, но строгим и дисциплинированным. Благодаря ему, весь класс сдал экзамены по истории с высокими отметками. Все стонали от его заворотов и занудливости, но он был действительно хорош. Мы с ним оказались друзья-ненавистники. Он любил меня, потому что я действительно интересовался предметом и получал хорошие оценки и ненавидел за внешний вид. «Холдер, посмотри на себя со стороны!» - обычный постоянный вопль. Мои длинные волосы приводили его в бешенство.

Я не очень беспокоился об экзаменах на аттестат зрелости, поэтому очень удивился, сдав шесть из восьми. Завалил французский и искусство. Моё несчастье - устный французский. С моим акцентом не удавалось хоть одно слово произнести, как следует. Я не очень сожалел об этом, в отличие от родителей. Внутри сидела убежденность, что моё будущее произрастает на

музыкальной ниве и дальнейшее образование полная чепуха, по крайней мере, для меня. Ничего более из школьной премудрости не могло пригодиться в дальнейшей жизни.

Ко времени начала уровня «А» я больше отсутствовал в школе, чем посещал. К моему удивлению, отец не очень беспокоился об этом. Он иногда одалживал грузовик, задействованный с оконном бизнесе, хотя обычно и так кто-то подвозил нас до места выступления. Думаю, однажды посмотрев нас, отец поверил в раскрывающиеся таланты.

Кроме того, в тот год, к полному изумлению, меня избрали старостой дома. Четыре дома носили имена адмиралов. Мой – Родни, другие – Дрейк и Нельсон и ещё не помню кого. Полагаю, на странный выбор оказало влияние мое доброжелательное отношение ко всем детям, даже младше меня. Никогда не имел начальственной жилки. Это так странно, получить такую ответственность, когда кругом все говорили о необходимости подстричься, и многие учителя не одобряли моего участия в группе. Но пара из них поощряла во мне мятежника. Казалось, они считали такое поведение проявлением характера, и это использовалось при организации поездок на футбол в дни спорта.

Последний год в школе совпал с прорывом Битлз. Всё в этой жизни для всех ребят моего возраста изменилось, позднее захватив и более старшее поколение. Не будет преувеличением сказать, что Битлз зажгли социальную революцию. Человек иной эры никогда не сможет понять, насколько ошеломляющим оказалось их влияние. Люди говорят о The Spice Girls, продающих миллионы альбомов и становящихся крупнейшей мировой группой. Но их успех даже отдаленно не может сравниться с влиянием Битлз. Они не только изменили лицо музыки, они изменили лицо 60-х и жизнь целого поколения. Влияние оказывали не только песни, но и поведение на сцене и в обществе. Они не походили ни на что из прежней жизни, вот почему подростки реагировали так чувствительно. Для нас это было дыхание свежести, в противоположность артистам, годами болтающимся в чартах.

Именно Битлз сформировали поп направление в Британской жизни. Когда они ворвались, каждый внезапно полюбил эту музыку. Не полюбить было невозможно. Каждый день появлялась новая история о Битлз и мучениях, которые они причиняли по прибытии куда-либо. Для меня все это было особо волнительно, поскольку ранее я видел много их местных выступлений. Просмотр их выступления по ТВ оказался очередным ударом. Я чувствовал связь с ними, потому что стал их поклонником, прежде чем они стали знаменитыми. Все ребята чувствуют то же

самое к группам, которые они увидели впервые. Я помню, специально оставался по субботним вечерам дома посмотреть Битлз в программе Thank Your Lucky Stars. Эта передача вышла на замену Oh Boy!, как крупнейшая программа о музыкальных звездах. Позже трансформировалась в Top Of The Pops (вершина популярного), вечерние выпуски которой по четвергам смотрели все. Семьи специально оставались дома для этих просмотров. Для подростка, мечтающего о профессиональной сцене - отличная возможность получить бесплатный подарок.

Как только Битлз проводили очередной концерт, все начинали копировать их одежду, и мы не были исключением. Ботинки с кубинскими каблуками, округлые с булавкой воротники курток. Это становилось стандартным набором любой начинающей команды, безотносительно к стилю исполняемой музыки. Помню восторг, когда был обнаружен магазин, в котором Битлз купили свои ботинки с кубинскими каблуками. Покупки сделаны в Лондонском магазине Anello & Davide, который существует, и по сей день. На поддержку стиля быстро откликнулись супермаркеты. Но заполучить, именно такую идентичную пару стало большим соблазнам. К тому времени я заработал немного денег и решил потратиться на стоящую вещь.

Насчет ботинок нам подсказал басист The Redcaps. Он подрабатывал в музыкальном магазине Уолссала с названием Harry's, куда после обеда по субботам мы обычно заглядывали. Он играл в большом Бирмингемском танцзале в одной афише с Битлз и спросил их про ботинки во время выступления. «Если хотите отхватить такие ботинки, то поспешите на Drury Lane в Лондоне». Я уже бывал в Лондоне, но поездка за ботинками, когда я один гулял по городу и атаковал магазины, была волнующим приключением.

Я приехал на поезде и воспользовался картой, чтобы разыскать Drury Lane. Anello & Davide - это магазин театральной обуви, в котором продавались балетные и танцевальные туфли. То, что вожделел я, было похоже на обувь танцоров фламенко с квадратными каблуками. Я разыскал магазин, купил пару и тут же одел, чувствуя, что мир начал вращаться вокруг меня.

Затем зашёл в Сохо. Каждый, возвращавшийся домой рассказывал о секс-шопах, и я пошел взглянуть. Слишком юный возраст, не позволял заходить внутрь. Зато можно было пялиться на окна. Сохо тогда был сексуальной столицей Британии. В Средней Англии эквивалента не было. Я не мог поверить глазам, оказавшись там. Женщины просто стояли в дверных проемах, запрашивая проходящих парней, чего они хотят. В Бирмингеме был стриптиз бар, но не было настоящего района красных

фонарей. Это совершенно неизведанный мир.

В ту ночь состоялся первый просмотр Лондонского шоу. Это был The Marquee club на Wardour Street. Только что случился прорыв The Who, но истинное удовольствие состояло в походе в The Marquee. Я читал об этом месте десятки раз, оно было специально организовано для выступлений новых ритм-н-блюз групп. Представлялось, что это большой, гламурный зал, полный знаменитых артистов. Местечко оказалось небольшим клубом, пещерного типа, но что за фантастическая атмосфера!

В семнадцать я покинул школу, чтобы целиком сконцентрироваться на музыке. Я совсем не мог учиться, потому что занятия с группой поглощали всё время. Приходил домой к часу-двум утра, затем предстоял ранний подъем на первый урок. Я был просто измотан, что бы уделять внимание учителям. В конце концов немало поколебавшись я принял решение покинуть школу. Для родителей это оказалось ударом. Они поощряли увлечение музыкой, но только как хобби. Когда отец услышал о моём решении, он сказал «нет». Вопрос состоял в том, что я собираюсь делать в жизни по окончании школы. Я сказал, что не вижу смысла оставаться в школе, если не заинтересован в дальнейшем образовании: «Дайте мне возможность попробовать, и если не получится, то я вернусь в колледж». Они почувствовали, как серьезно я настроен и постарались понять, хотя не очень-то верили, что музыкой можно зарабатывать на жизнь. В ту пору, они всё-таки не понимали, что отступать я не намерен.

Когда я сказал в школе, что ухожу, классный руководитель и пара учителей принялись за отца. Все знали его, потому что он мыл в школе окна. Полагаю, что главным мотивом являлись хорошие итоги экзаменов на аттестат зрелости, хотя если честно, я сильно забросил учебу, что вряд ли бы сдал «А» уровень. Особенно неистовствовал м-р Дикенсон. Он говорил отцу, что тот сумасшедший, позволяя мне бросить школу и стать музыкантом. Отец с ним соглашался. Это было неслыханно, бросить образование ради группы. Музыка была ужасным занятием.

Дикенсон был экс-армейцем, поэтому всегда ладил с отцом. Они оказались одного возраста, частенько встречались и болтали о войне и имели схожее мировоззрение. «Невилл растратит впустую свою жизнь, если не останется в школе для экзаменов» говорил он отцу. Отец был очень обеспокоен, но к его чести, больше не старался отговаривать меня. «Если ты хочешь попробовать свой шанс в группе, мы с мамой поддержим тебя». Он всегда считал меня талантом, хотя по-настоящему до конца не верил в решение задачи. По тем дням он вел себя очень уважительно. Отец выслушал от учителей нескончаемое число

комментариев на мой счет, ведь он продолжал мыть окна. Когда Slade достигли успеха в начале 70-х, я всегда посылал ему открытки из Австралии или Японии. Отец брал открытки в школу, невзначай упоминал обо мне и показывал открытку. Это был реванш за годы нравоучений.

Видя мои успехи в музыке, отец становился счастлив. Я уверен, что если бы ему самому выпал шанс и представилась удачная возможность, он последовал бы похожим путем. Отец обладал голосом, был и кураж. Но в его годы удариться в музыку было ещё большим безумием, чем для меня сейчас. Сегодня каждый ребенок хочет выступать в группе. А в ту пору ты просто выпадал из общества.

Когда я ушел из школы, Фил и Пит Бикли, наш басист, ушли вместе со мной. Мы решили стать профессионалами вместе. К тому времени Пузан оставил группу, а Мик Оултон, остался в школе. Сейчас он лектор в Loughborough University. Фил, Пит и я нашли нового барабанщика, классного парня по имени Герри Кибл. Муж сестры Фила – Терри, также присоединился к нам в качестве саксофониста, сам Фил дублировал электроорган.

В течение первых месяцев вне школы мы сыграли во множестве местечек, в том числе и довольно крупных, вдали от дома. Мы заработали неплохие деньги, чтобы прикупить приличные инструменты, но на жизнь не хватало. Был только один путь. Нужно было найти достойную работу.

Я поступил на работу в офис местной фирмы и стал продавцом автозапчастей. Зарплата составила 8 фунтов в неделю. С самого начала, ситуация оказалась невозможной, ещё хуже чем в школе. К 8 утра каждый день на работу. Бос говорил: «Нодди, ты выглядишь ужасно. Что ты делал всю ночь?» Очевидно, что душа моя активно сопротивлялась. После шести месяцев пришлось уйти. Я видел, что родители обеспокоены. Я пытался объяснить, что работа и группа не совместимы. «Насколько ты можешь содержать себя, настолько это и есть твоя жизнь» - говорил мне отец. Родители приняли мой стиль жизни и поддерживали, как могли, но в глубине души желали, чтобы я нашел хорошую работу. Они думали, что я оставил попытки обрести финансовую независимость. Я так не думал, любя и уважая их, всё-таки не мог объяснить свой взгляд на жизнь.

К счастью им не пришлось волноваться долго. После моего ухода из магазина, нас пригласили играть с певцом Стивом Бретом. В то время в Средней Англии он был хорошо известным артистом. У него даже было свое шоу на местном ТВ – «Только для подростков», в котором выступали The Beatles и другие группы ранних 60-х. Его главной работой являлось пение в

возглавляемой им группе Steve Brett and The Mavericks, которая была популярна по стране. Вы собираетесь играть со Стивом Бретом? Мама была очень удивлена.

Стив пригласил нас, потому что его старая команда ушла попробовать делать собственные вещи, и для него было легче, нанять новую группу, чем собирать горстку разрозненных музыкантов. Ребята, я ищу новых Mavericks, и вы - мой первый выбор. Это лестное предложение, хотя и не совсем неожиданное. The Memphis Cut-Outs уже имели определенную репутацию и многочисленных местных поклонников. Наша четверка собралась обсудить предложение, но мы уже знали, что скажем «да». Стив был намного старше нас и делал иную музыку. В репертуар входило много вещей Элвиса, Jim Reeves, Роя Орбисона и кантри-каверов, мы же предпочитали ритм-н-блюз. Хотя весь этот набор не очень совпадал с нашим вкусом, мы должны были зарабатывать на жизнь. Так, мы вошли в команду. «Будем выступать по всей стране - говорили мы себе - станем широко известными». Мы убеждали себя, что это хорошее решение. По крайней мере, это положительное изменение. Стив был талантлив и мы будем ассоциироваться с известным именем.

Присоединение к The Mavericks дало возможность кое-что понять в музыкальной индустрии. Как The Memphis Cut-Outs мы только начинали играть за пределами Средней Англии. Со Стивом мы отправлялись по таким городам, как Глазго, Манчестер и Ливерпуль, по крайней мере раз в неделю. В действительности, это не означало, что мы начали турне. Просто оставались на ночь в точке выступления, если обратный путь был слишком долог. Почти каждый день мы тратили часы, разъезжая в грузовике. Порой за один вечер мы умудрялись давать концерты в разных городах. Также исполнялись серии выступлений в каком-нибудь зале, еженедельно или ежемесячно. Это была очень профессиональная жизнь.

В танцзалах и пабах наша публика оказывалось разных возрастов. Фаны Стива вели себя, как спокойная публика, потому что он представлял собой образ хорошего парня, и музыкальный материал оказывался вполне традиционным. Где бы мы не играли, набор оказывался один и тот же. В первой половине концерта мы играли без Стива и могли подпихивать свои песни, в основном в стиле ритм-н-блюз, Motown, каверы Литл Ричарда и Фетса Домино (Fats Domino). Наша работа заключалась в разогреве публики до выхода Стива, и мы играли хорошо сбалансированный набор. Мы всегда выступали удачно, хотя в начале концерта люди непременно хотели видеть только Стива. Он появлялся в середине концерта и выкатывал наиболее

популярные песни. По сравнению с грубой публикой пабов прогресс на лицо, но из-за вынужденного компромисса, исполняя такую музыку, меня не покидало ощущение дискомфорта.

Начав, как The Mavericks, мы внезапно попали в определенный ранг индустрии. О нас начали писать местные газеты - Уолверхемптонские The Express и The Star, иногда Birmingham Mail. Появился и первый отклик в национальной прессе, когда вышел наш первый сингл, выпущенный в 1965 на Columbia Records, в маленькой студии Бирмингема. Я был очень взволнован, начав свою студийную карьеру, хотя всего исполнял партию гитары и фоновую партию голоса. Никто из нас прежде не был в студии. Мы потратили полдня и записали три или четыре песни. Одна - римейк песни Бадди Холли (Buddy Holly) «Желанная» - открывала «А» сторону сингла. Другие были из нашего концертного набора, и мы отыграли их так же, как и на сцене. Единственное отличие – избыток микрофонов среди усилителей. В те дни, таким образом записывались все пластинки, в студиях не было хитрого оборудования для изменения окраски звука. Ты приходил, отыгрывал пару часов - и свободен. Такой настоящий рок-н-ролл.

За несколько месяцев мы выпустили на Коламбии три сингла. Все записано в той же маленькой Бирмингемской студии, и все песни взяты из живого репертуара, плюс пара песен на стороне «Б», написанных Стивом. Второй сингл вышел под названием «Печальный, одинокий и грустный», третий «Оковы моего сердца», оба в стиле кантри. Сейчас это коллекционные вещи, но тогда, по выходу они вызвали некоторый всплеск. Песни оказались хорошо принятыми на местном уровне, но, конечно, не оставили следа в национальном масштабе. Меня не удручало отсутствие коммерческого успеха, зато радовало появление пластинок в местных магазинах. Стив был разочарован, потому что песни действительно оказались неплохими. Они обладали потенциалом хитов, но старомодная манера исполнения не привлекла другие компании к их переизданию, за исключением Средней Англии. Полагаю, что не хватило дорогостоящей работы по поддержке пластинок в других частях страны.

Следующие записи со Стивом проводились несколькими месяцами позже в Лондоне. Нашим продюсером выступил Джо Мик, который в то время представлялся крупным дельцом. В прессе Джо упоминался, как Легендарный Джо Мик. Вероятно, это первый независимый продюсер Британии. За спиной такие шедевры, как *'Have I The Right'* от The Honeycombs' и только что прогремевший мировой хит 'Telstar' от Tornados. Он держался пять недель №1 в Британии и стал первой английской

пластинкой, попавшей с американские чарты. Когда BBC показала Нейла Армстронга (Neil Armstrong), шагающего по Луне, *'Telstar'* использовалась в качестве саундтрека.

Стив знал кое-кого, кто знал Джо Мика и устроил нам совместную работу. Это изумительно выехать в Лондон и поработать с мастером такой величины, о котором так много слышали. Когда мы прибыли, то были немного смущены. Джо был известен странными техническими приемами записи. В основном, он устраивал студию в ванной, достигая эхо эффекта, именно там он и записывал все хиты. Нам представлялось, что знаменитая ванная будет уставлена аппаратурой, а дом похож на дворец. На самом деле, он занимал съёмное жильё над магазином, и там была крохотная ванная с усилителями и прочим оборудованием. Артисты там и писали, и играли. Мы не могли поверить своим глазам. Он - крупнейшая фигура - работал в мусорной куче.

Я не помню слишком много о Джо, за исключением, что он был внушительным парнем, много старше нас, с зачесанными назад волосами. За все время мы, кроме может быть Стива, не обменялись и парой слов. Не помню, что же мы все-таки там записали, потому что ничего не было выпущено. Это меня не удивило. Всё, что мы делали, оказалось навозной кучей. Как он вообще умудрился записать хиты в таком месте?

Во время записи мы стояли на лестничной площадке и играли на инструментах, пока Джо за пультом микшировал звук. Сцена как из *Spinal Tap*. Для нас было очевидно, что он ненормальный. А по правде, просто сумасшедший. Позже он покончил с собой, сначала застрелил хозяйку, а потом себя. Наш опыт общения с Джо не прошел бесследно. Первый раз общались с известным человеком и не понимали его обращения. Я считал его звездой, потому что каждую неделю читал о нем в *NME*. Внезапно я понял, что, выпустив множество хитов, он не был богом. Он был не лучше, чем мы - горстка деревенщины из Уолверхемптона.

Впечатления о Стиве сохранялись, пока мы играли с ним, почувствовав настоящий стиль рок-н-ролльной жизни. Благодаря хорошей концертной репутации, нам предложили первый заграничный тур. Восемь недель в Германии, две последовательных серии выступлений по месяцу в клубах Франкфурта и Кёльна. Тогда в Германии Британские группы были ужасно популярны, к этому приложили руку Ливерпульские группы, потратившие там немало времени, прежде чем стали известными. Эту линию начали Битлз. Их карьера началась в Гамбургском The Star Club. После этого все немецкие города захотели видеть Британских артистов. Местные группы

исполняли традиционную музыку в стиле ум-па-па, но никак не рок-н-ролл. Ко времени нашего прибытия во Франкфурт, некоторые группы выполняли непрерывные туры, потому что платили неплохие деньги. В первую неделю мы повстречали группу с Noel Redding, который позже стал басистом Джимми Хендрикса.

Мы оказались совершенно не подготовлены к жизни за границей. Думаю, что и Стив прежде не посещал Германию. Не знали чего ожидать. Первые четыре недели были потрачены на выступления во Франкфуртском клубе с названием The Storyville, который являлся звеном из цепи заведений одного и того же владельца. Местечко располагалось недалеко от баз американских военно-воздушных сил, половина публики приходило оттуда. Мы каждый вечер отыгрывали два различных набора. С девяти вечера до полуночи нашей публикой являлись немцы, для них исполнялись наиболее популярные песни. Затем наступал комендантский час, местная молодежь расходилась по домам. С полуночи до двух-трёх утра приходили американцы. Им нравились и кантри Стива, и наши вещи в стиле соул. Мы порой оказывались более популярными, по крайней мере, среди чернокожих. Выступления длились очень долго. Каждый день мы отыгрывали 5-6 раундов по сорок пять минут, и по 15 минут на отдых между исполнениями. Так продолжалось с понедельника по пятницу. На выходных мы начинали в два часа дня в субботу и заканчивали в 4 утра. Затем опять начинали с 4-х вечера в воскресенье и заканчивали в два утра.

В течение концерта мы выполняли много заявок. Когда я выполнял заявку какого-нибудь американца, в знак благодарности нам покупали пиво и коньяк. Мы могли пить только во время перерывов, полный банок стол всегда ждал нас. Выпивали по шесть-семь банок, если выпить не успевали, официанты всё убирали или выпивали сами. Можете представить состояние, в котором я пребывал. После двух-трех перерывов я был пьян. В последнее отделение исполнялись инструментальные вещи. К тому времени я уже не был способен петь и играть одновременно. Нашим убежищем была *'Green Onions'* Booker T & The MGs' на 45 минут!

В музыкальном отношении каждая группа, побывавшая в Германии, прогрессировала в раз десять, частично, по причине большой длительности выступлений. Мы обладали широким репертуаром, но были вынуждены прибавлять дюжину новых песен еженедельно. Другим полезным уроком, извлеченным из этих концертов оказалось знание, как быстро понять публику и обращаться с ней соответствующим образом. Ты не мог стоять на

сцене и делать одно и тоже всю ночь. Немцы хотели хорошее шоу. Чем экстравагантней, тем лучше реакция. Тогда я начал развивать идею общения с аудиторией. После пары недель это стало нашим трюком. Публика ждала, кого же мы выберем и что будет дальше. Также начались эксперименты с одеждой. Несколько раз мы прерывали выступление для смены костюмов и достижения нужного эффекта. Тогда принятым стандартом ритм-н-блюз были джинсы и приталенные кожаные пиджаки. Немцы любили этот наряд на английских группах, он напоминал Битлз. Когда одни и те люди же приходили на выступления несколько раз в неделю, возникала необходимость выглядеть рискованнее.

Франкфурт стал первым местом выступления вне Объединенного Королевства. Мне никогда ранее не случалось быть за границей. Не считая Стива всем нам было по 18-19 лет. Поездка открывала глаза на многие вещи. Это был совершенно другой стиль жизни по сравнению с тем, который мы вели дома. В Уолссале мы жили с родителями. Во Франкфурте нам пришлось делить одну квартиру на шестерых. Обычное место остановки всех групп. Месяц жила одна команда и убывала, в следующий день приезжала очередная группа. Сочетание независимости и нового стиля жизни оказалось почти смертоносным. Мы кутили, выпивали, бегали за девочками столько, сколько хотели, проглотив несколько таблеток для поддержания энергии. Потом спали, пытаясь восстановиться после бурно проведенной ночи. До тех пор я не был серьезным потребителем спиртного. Это и начало сильно выбивать из колеи, вдобавок повсюду были немки. Им нравились английские группы. Нас атаковали в первую же ночь. По сравнению с Германией около музыкальная жизнь дома оказалась детскими игрушками. Спаси Господь!

Хотя работа оказалась очень тяжелой, деньги были вполне хорошими. Каждый участник группы получал 25 фунтов в неделю. Стив получал больше, но он был фигурой, и мы не расстраивались по этому поводу. Мне платили 8 фунтов в неделю за полную рабочую неделю в офисе в Уолссале, так что я был счастлив. Единственной проблемой оказалось то, что мы тратили больше, чем получали. Мы писали деньгами на стену, тратили их на женщин и азартные игры. После пары недель, парень из клуба заметил наши затруднения и предложил поправить финансовое положение. Он забавлялся странными вещами. Я оказался вовлеченным только в одну из них, и это был единственный раз, при полном отсутствии денег. Он лежал в ванной под стеклянным листом, а мы должны были испражняться на этот лист. Он платил, как за неделю выступлений, потому я это и делал. Неприятное дело, но я был ужасно голоден. Я просто убедил себя,

что делаю это на природе.

Парни, у вас есть будущее!
3

После возвращения в Англию я покинул команду Стива. Дела пошли не так хорошо, как я надеялся, кроме того, мне наскучило поддерживать кого-то ещё. Я хотел быть лидером. Стив и я несколько раз спорили из-за денег и затем, прежде чем покинули Германию, поссорились окончательно. Зарплата за границей была неплохой, но в Британии большая часть доходов оседала у Стива. Я считал, что это несправедливо, потому что группу приглашали не только из-за Стива, но и из-за меня. К этому времени Стив потерял ТВ шоу и уже не являлся ТВ звездой.

Когда я сообщил о своём уходе, он оказался немного удивлен, но понял, что наши отношения закончились. Он оставил нас в Германии без денег, а сам укатил на поезде вместе с оборудованием. Нам пришлось телеграфировать родителям, чтобы они выслали деньги на проезд до дома. Стив знал, что я не больше не буду терпеть подобные штуки. Я думал Фил покинет The Mavericks вместе со мной, но он не стал этого делать. Он считал, что постоянный заработок - это важный фактор. Басист и ударник ушли со мной. Мы хотели найти гитариста и организовать новую группу с новым названием. Другие были готовы к немедленному прослушиванию, мне же хотелось подождать. Сначала нужно определить тип музыки, которую мы готовы исполнять. Хотелось перемен, но непонятно каких. Хотелось убежать от Элвиса и кантри и двинуться к направлению соул, что-то наподобие Джеймса Брауна. Но этого недостаточно. Нужно что-то такое, что сделает нас особенными.

Несколько недель позже, пока я болтался между группами, на улице Уолверхемптона мне повстречались Дейв Хилл и Дон Пауэлл. Они были местные музыканты, которых я знал несколько лет, вращаясь в музыкальной среде Средней Англии. Встречались пару раз, пока я играл в The Memphis Cut-Outs, но поговорить довелось позже, когда уже выступал со Стивом. Дон и Дейв были моими одногодками, всем по восемнадцать. Мы не ходили в одну школу, но они росли недалеко друг от друга в пригородах Уолверхемптона, которые находились в пяти-шести милях от моего Уолссала. Их окружение было точно такое же, как и моё - тот самый рабочий класс.

Дон и Дейв играли в местной группе под названием 'N Betweens, Дейв на гитаре, Дон на ударных. Дон основал группу, когда еще учился в школе, Дейв присоединился позже, перейдя из

другой группы, заменив первоначального гитариста. В основном 'N Betweens были блюзовой группой, очень популярной в Средней Англии. Они играли той аудитории, что и мы со Стивом. История грамзаписей тоже очень похожа. Они выпустили несколько синглов на французской студии Barclay, но не имели хитов вне Средней Англии.

Последний раз мы виделись на пути в Германию. Встреча произошла на пароме. Они были ангажированы в Дортмунд, а мы во Франкфурт. Мы зашли в бар, и Дейв сказал, что они близки к распаду, который, видимо, совершится по возвращении в Британию. Им хотелось увести музыку в другом направлении, исполнение только блюза уже наскучило. Дейв спросил, не заинтересует ли меня позиция нового певца в их группе. Я был шокирован, но, одновременно, и польщен. Я поблагодарил за предложение, но объяснил, что положением своим вполне доволен.

Когда я столкнулся с Дейвом и Доном на улице Уолверхемптона, тут же сообщил, что ушел от Стива Брета, они об этом не слышали. Немедленно Дейв спросил, не пересмотрю ли я их предложение присоединиться. Часть меня хотела сказать «да» прямо сейчас. Другая часть почти сказала «нет». Я был дружен с Доном, но никогда не был уверен в Дейве. Первый раз мы, как следует, познакомились в Kingfisher Country Club, вполне приличным залом в предместье Уолверхемптона. И Стив Брет и 'N Betweens в ту ночь оказались заявлены в одной афише. Я быстро сошелся с Доном, Дейв казался отчужденным. Он сказал «привет» и потом игнорировал меня весь вечер. Я был озадачен, пока не понял, что такая манера поведения касалась всех. Дейв или Эйч, как мы его называли, никогда не был одним из многих и никогда не хотел им быть. Даже годами позже с остатками группы он предпочитал важничать. Многие не любили его за это. Они считали, что он мастер пускать пыль в глаза и самовлюбленный тип. Под всем этим, как я позднее обнаружил, скрывался совсем другой человек, но на публике он вел себя именно так.

Дон являлся человеком другого плана. На людях он был тих и застенчив, почти робок. Когда же ты сближался с ним, открывал, что это очень смешной человек. Он всегда выдавал прекрасные остроты. На сцене - это сумасшедший, всё крушащий барабанщик, но самом деле - настоящий Дон иной. Он всегда был не притязательным, никогда не повышал голоса и не спорил. Я сразу полюбил его.

В конце я согласился провести одну репетицию. Дейв и Дон официально не порвали со старым 'N Betweens, но уже подрядили Джимми Ли играть на бас-гитаре. Он еще учился в школе. В

составе числился и певец Джонни Наулс, которого они собирались оставить. Оказалось, что я привлекался в качестве второго певца, и дополнительной гитары. Когда я это понял, то хотел отклонить предложение. Поделив с кем-то вокал, я оказывался на старой позиции, как у Стива. Я согласился, потому что в этот момент все равно ничего не делал и мне нравились 'N Betweens. Мне нравилось, что Дейв и Дон пытаются экспериментировать со свой музыкой, даже исполняя известные хиты. Я также узнал, что они собираются отделаться от Джонни, но по истечении шести месяцев. Они хорошо к нему относились, но он был ленив и ненавидел репетиции. Проблема также состояла в том, что Джонни был прекрасным блюзовым певцом и отлично владел губной гармоникой, но не умел делать музыку другого плана. К несчастью, он являлся одним из основателей группы, и его нельзя было уволить. Они были заказаны на выступления в течение шести месяцев, и промотеры ожидали видеть знакомое лицо.

Первая репетиция состоялась в The Three Men In A Boat - пабе через дорогу от моего дома. Я там частенько играл с The Memphis Cut-Outs в школьные времена. Мы должны были собраться скрытно, втайне от других участников 'N Betweens, секретность сделала репетицию захватывающей. Выбор пал на The Three Men In A Boat, потому что он располагался на окраине Уолверхептона. Мы не могли пойти в обычный репетиционный зал 'N Betweens', из-за опасения, что другие участники могут услышать об этом. Они знали о предстоящем распаде, но не подозревали о привлечении новых музыкантов. Думаю, что Дейв и Дон сначала хотели понять, может ли приглашение меня и Джима оказаться толковым делом. Хотя мы и получили приглашение присоединиться, общее звучание могло оказаться неподходящим.

В тот день мы прогнали три-четыре вещи, которые все знали. Думаю, это были Джеймс Браун и Чак Бери. Всем сразу стало ясно, что мы ухватили нечто особенное. Остальные участники 'N Betweens были поставлены в известность. Пока я не начал выступать в группе, я никому не рассказывал. Джим также никому не говорил. Он еще учился в школе, и его родители не советовали ему входить в группу. Ему предложили место в колледже искусств, поэтому после окончания школы все надеялись, что он туда и отправится, но нужно было выбирать. Джим понимал, что 'N Betweens имела репутацию крепкой местной группы, и она нравилась ему. Однако, я для него был не очень привлекательной фигурой. До этой репетиции мы не встречались, однако он видел меня на концертах The Memphis Cut-Outs и Стива и знал мои музыкальные наклонности. Ему нравилось старое блюз звучание

'N Betweens и он надеялся, что оно сохранится при новом составе. Джим казался расстроенным, когда я был представлен, как второй певец, а не только гитарист. Он явно предпочитал Джонни, хотя не имел смелости это сказать.

Первым делом, совершённым группой, оказался поход по магазинам. Нам необходим новый видеоряд. Люди не должны думать, что мы обновленные 'N Betweens. Должны появиться свежесть и оригинальность. До этого группа носила традиционные для исполнителей блюза жилеты и клетчатые рубашки. Мы отбросили это и решили купить что-то сногсшибательное. Дейв предложил приобрести то, что никто не носил. Это шокирующая тактика. Джим прежде никогда не играл в стоящей группе и когда увидел, что же мы покупаем, сильно изумился. «Вы же не собираетесь одеть это для выступления?»- спрашивал он. Всё казалось шуткой. Мы прошли через ряды наиболее броских нарядов, подзуживая друг друга. Мы выбрали самое цветастое, похоже на то, что позже использовалось во времена глэма, хотя и не блестящее. Я отхватил шотландский жакет, а Дейв разыскал фиолетовый пиджак с поднятым воротником. Мы должны стать непохожими. Никто не выбирал таких вызывающих нарядов, а мы их приняли.

Наш новый имидж пришелся Дейву по вкусу. Ему нравилось быть центром внимания, и он никогда не испытывал смущения. Шутки о костюме только веселили его. В сомнительных местах Уолверхемптона он смотрелся, как Шекспировский актёр. Другой заворот заключался в особой любви к ботинкам с высоченными кубинскими каблуками. Дейв нервничал из-за низкого роста, который был немногим выше пяти футов. В первый раз, когда я увидел его, не мог не заметить странной походки. Он постоянно носился с этими ботинками. Я никогда его без этих ботинок не видел. Ещё одна навязчивая идея Дейва – это волосы. Многие музыканты носили длинные волосы, но Дейв носил много длиннее. Они были прямые, и выстригалась прямая челка. Волосы стали торговой маркой.

Остальные не были такими возмутителями спокойствия, как я и Дейв. Этот поход по магазинам проявил нас. Дейв был в союзе с самим собой, и я недалеко ушел. Следующим подошел Дон. Ему понравилось переодевание, но он знал, где остановиться. Затем наступила очередь Джима и Джонни. Они не стали поддаваться нашему порыву. Джим хотя бы сделал попытку. Он купил что-то довольно яркое, для дополнения нашего ряда. Джонни не приобрел ничего. Он настаивал на темном костюме, где бы он не выступал.

Первое выступление новых 'N Betweens состоялось 1 апреля

1966, в городском зале Уолссала. Здесь можно рассчитывать на поддержку друзей. Нас пугала возможная реакция поклонников старого состава группы. Некоторым не нравилось обновление состава, проведенное Дейвом и Доном. Плохие предчувствия не покидали нас. Мы сразу почувствовали смятение аудитории, ещё не ходя на сцену. Это было ужасно. Перед глазами проходили картины освистывания или запущенной в спину кружки. Но как дело началось, опасения исчезли. Была пара острых моментов на старте, но через десять минут вражда прошла, и каждый стал участником концерта. Мы репетировали несколько недель, чтобы убедиться в готовности к хорошему выступлению и всё-таки завоевали даже старых матёрых поклонников. Большинство публики замерло, когда мы выходили на сцену, и не знало, как реагировать. Но, рассмотрев наши костюмы, они уже были готовы полюбить нашу музыку. Мы остались довольны: первый барьер взят, и ноги устояли.

Несколько последующих месяцев продолжались выступления в Уолверхемптоне. Несколько серий раз в неделю или раз в месяц в различных местных залах. Мы играли в отеле Георга в Уолссале по ночам в понедельники, в Aldridge Community Centre по воскресеньям. Местными выступлениями обеспечивался хлеб насущный, если выпадали концерты где-нибудь еще, это воспринималось как премия.

Каждый вечер Джонни и я делили репертуар пополам. Я работал первую половину с *'Working in the Coalmine'* Ли Дорси (Lee Dorsey) и некоторыми вещами Tamla Motown. Джонни продолжал и заканчивал с блюзовым материалом. Хотя все номера являлись каверами, они получались с нашим собственным видением. К тому моменту мы решили стать громкой группой. Тяжело описать, на что был похож наш звук, но мы обратились за примером к хитам Temptations и Four Top с шумными гитарными мелодиями.

По воскресеньям участвовали в особом шоу The Sunday Service. Я выходил на сцену в одежде викария и сыпал между песнями жесткими остротами. Это целенаправленное действие. Многие группы использовали на сцене смешные истории и пародирование, подобно манере кабаре, мы сознательно ушли от этого. Мы иные. К тому же всё это не подходило к репертуару. Мы уже тогда представлялись дерзкими. Эти остроты предназначались публике для вовлечения в ход концерта. Я всегда поощрял участие публики. Часто выводил свою жертву на сцену немного попеть *'Land of 1000 Dances'* Вилсона Пикета (Wilson Pickett). Иногда выхватывался человек из публики и становился частью представления. Был один парень в Ship and

Rainbow, который забирался на сцену и пел «Прыгающую кенгуру», все знали его и ожидали этого момента. Некоторые заготовки делались заранее, другие моменты возникали стихийно и всегда проходили на «ура». Встречалась публика, более расположенная к манере кабаре, и которая не принимала такого обращения. Тогда выступление тонуло, как свинцовый шар и группа больше не приглашалась.

Наше первое большое выступление произошло в Уолверхемптонском Civic Hall. Наша роль заключалась в разогреве публики перед выходом Cream. Это была сумасшедшая команда. Барабанщик Джинджер Бекер (Ginger Baker) просто сводил с ума. Он единственный из всех исполнителей ударных использовал два комплекта установки. На концерте мы делили одну маленькую гримерную. Мы и Cream были втиснуты в комнатушку. Внезапно Джинджер расставил десяток инструментов двойного набора среди нас и начал танцевать на них. У него точно слетела крыша, но это произвело впечатление. Мы действительно чем-то обогащались, трясь плечами с такими эксцентричными рок-н-роллщиками.

После Cream мы поддерживали дюжину великих групп, наподобие John Mayall's Blues Breakers и The Move, которая была творением Роя Вуда. The Move мы знали много лет, поскольку, они выходцы из наших краёв. Вскоре они выпустили ряд хитов, но тогда они были музыкантами местной сцены. Средняя Англия кишела выдающимися музыкантами. С двумя из них я был дружен. Это Джон Бонхем и Роберт Плант. Роберту я даже помогал несколько раз в качестве техника, когда выдавалось свободное от концертов время. В то время, он трудился в группе Listen с моими двумя одноклассниками. Мы также работали с группой Джеффа Линна The Idle Race, прежде чем он с Рой Вудом основал Electric Light Orchestra. Замечательное время. Я был окружен блестящими музыкантами, которые позже, как каждый знает, стали знамениты.

Хотя дела шли неплохо и удавалось заработать немного денег, оставалась одна проблема - Джонни. Отношения между ним, Дейвом и Доном ухудшались. Как оказалось, они были правы насчет его лени. Меня это не очень беспокоило, потому что мы общались не очень много, но Дейв и Дон устали от его невыходов на репетиции. Но, поскольку истекал срок шести месяцев, ситуация не могла не разрешиться. Джонни было наплевать на настроение Дейва и Дона. Он понимал, что по истечении срока заказанных выступлений ему придётся покинуть группу. Его лучший друг ушел ранее, и он не собирался задерживаться.

Развитие событий ускорилось после недели в Торки. Мы должны были отыграть четыре вечера в зале The Blue Lagoon в Newquay, затем один в Плимуте. В Торки всё прошло замечательно, настроение отличное. Мне даже показалось, что Дейв и Дон забыли про все неприятности с Джонни. В те концерты нашим открывающим музыкантом оказался Роджер Тейлор, будущий ударник Queen.

Мы провели неделю в автофургоне в Newquay и должны были двигаться в Плимут. В тот день Джонни оказался без настроения. Начались сборы для отбытия в Плимут и вдруг, он сказал, что не поедет. Гром среди ясного неба. Не помню, что за оправдание приводилось, по-моему всё дело заключалось в девушке. Он думал мы взорвёмся, на самом деле мы потирали руки в предвкушении задуманного. Джонни не знал, что мы только и ждали случая отделаться от него. Нам хотелось проверить, как мы без него справимся.

Плимут оказался тем местом, где впервые выступали в составе четырех человек. Я чувствовал себя уверенно, чего нельзя было сказать о Дейве и Доне. Но как только всё случилось, Джонни стал потерян. Всё прошло великолепно. Мы вернулись в Newquay очень возбужденные, выступление действительно получилось успешным. Завалившись в фургон, увидели, что Джонни лежит на кровати и претворяется, что спит. Мы привели с собой девушек и принесли спиртное, празднуя за спиной Джонни. Через неделю он ушел.

Следующий месяц Дейв и Дон занялись поисками замены. Они хотели сохранить в составе двух певцов. К счастью для меня, в то время поблизости не оказалось хороших певцов, подходящих к нашему стилю исполнения. Один раз упоминался Роберт Плант. Остальные его не знали, а я даже очень. Не знаю, добрался ли кто-нибудь до него, но, определенно, он входил в число двух-трех певцов, которые рассматривались как кандидаты. Лично я не очень беспокоился, появится второй певец или нет. Я чувствовал, что смогу быть лидером и предпочитал состав четверки. Дейв и Дон не были уверены в этом, состав из пяти музыкантов казался им комфортнее и опробован предыдущей практикой.

В конце наш техник по имени Грехем Свинертон или Свин, как мы его называли, убедил Дейва и Дона остановиться на одном певце. «Ребята не сходите с ума», - сказал он Дейву и Дону, – «Нодди прекрасно справится с работой». Они согласились попробовать меня, как лидирующего солиста в течение шести месяцев. Особого выбора не представлялось. Замены Джонни не нашлось, а ребята подобные Роберту Планту не собирались присоединиться. Это не значило, что их группы были лучше

нашей. Просто большинство певцов предпочитали диктовать условия. У нас же была демократия. Никто не имел одиночного решающего голоса.

Мой шестимесячный испытательный срок прошел, ничего не случилось. После серии выступлений вчетвером мы забыли причины опасений. Концерты проходили хорошо и даже лучше, чем прежде. Мы всё ещё носили название 'N Betweens, но это было начало Slade.

Когда выдавалось свободное время, я посещал столько много чужих выступлений, сколько мог. Необходимо знать, что делают твои современники. Помню знакомство с Spencer Davis Group, которые играли в танцзале Западного Бромвича. Первоначальный состав 'N Betweens несколько раз выступал в качестве поддерживающей группы. Дейв и Дон, как все в Средней Англии, бредили подростковым певцом Стиви Винвудом.

Мне очень хотелось посмотреть самому, но когда они вышли на сцену, я оказался разочарован. Кроме того, что Стиви было пятнадцать, ничего примечательного не обнаружил. Они даже не пытались придать значение своему выходу на сцену, вышли прогуливаясь. У них был самый маленький усилитель, какой я только видел. Они начали играть старый блюзовый номер, очень спокойно, занудливо повторяя вступление. Казалось, это будет продолжаться вечность. Спенсер и брат Стиви, Мафф, начали петь, но еле слышно. Я был озадачен, что же в этой группе такого, что её все любят? Внезапно Стиви взорвался первым куплетом песни. Его голос оказался невероятным, сильнейшим. Он был только подростком, а голос звучал подобно Рею Чарльзу. Фантастика. The Spencer Davis Group уже имела великолепную репутацию во всех ритм-н-блюзовых клубах. Общепризнано, что они украшали любой концерт, и я понял почему.

Другой группой, которую я полюбил, была Moody Blues Денни Лайна (Denny Laine). Я играл с ними, во времена The Memphis Cut-Outs, прежде чем вышел хит *'Go Now'*. Теперь они стали удачливыми артистами. Я оценил их прогресс и решил, что и мы также должны поработать для осуществления прорыва. Дон и я частенько вместе ходили посмотреть на понравившиеся группы и пытались разгадать причину их успеха. Мы внимательно изучали их музыкальный материал, но не хотели копировать такую музыку. Наблюдая за Битлз в начале их карьеры, позже я считал, что в музыкальном плане они не очень изменились. Битлз стали более уверены, но что-то, определенно, ускользало от нашего взгляда. Однако, мы никогда не прибегали к советам других. Мешала непомерная гордость. Мы предпочитали изучать секреты среди слушателей.

Важным уроком послужило открытие, насколько значителен эффект хорошего оборудования. Мы обладали вполне приличным оборудованием, но как бы могли продвинуться, имея возможность потратить на оснащение побольше денег. Мы бы смогли играть громче. Никогда не играли тихо. С самого начала сделана ставка на сильный звук, независимо от размеров зала, в котором проходило выступление. Организаторы всегда умоляли играть потише, но публике нравилось. Наша цель - сразу ошарашить публику и не отпускать её до конца выступления. Тот же шокирующий эффект производили наши костюмы. Мы не шли по пути постепенного увеличения давления, мы сразу входили с грохочущим оружием и умели хорошенько пригвоздить человека к стене.

Вскоре пришло понимание, что сильный звук становится нашим брендом. В аспекте звучания именно это выделяло нас на фоне других музыкантов. Мы решили играть так и не иначе. Сегодня каждая команда имеет усилительные системы, от которых звук распространяется по всем направлениям. В то время даже крупные группы обладали крошечными усилителями для вокала и усилителями второй линии. Проблема состояла в том, что обычно использовались отдельные усилители для лидер-гитары, ритм и бас-гитары. Их звучание в разных частях зала было различно. Например, если вы стояли напротив баса, то его слышимость была наибольшей. Тогда Свин и я породили идею соединить наши усилители в одну цепь. До нас этого никто не делал. Результатом стало равномерное звучание в обе стороны от сцены и Дейва, и Джима, и меня. Это напоминало простую следящую систему, где бы вы не находились, вы слышали группу полностью. Кажется просто, но никто до этого не додумался.

Наша новая хитрость стала поворотным моментом. Дейв и Дон искали новый звук с момента моего появления и возни с усилителями. Дейв предложил использовать три лидирующие гитары. В других группах гитаристы играли партию лидера, либо ритма или баса. Хотя Джим исполнял партию баса, она звучала подобно лидер-гитаре. Даже гитарные рифы Motown мы все исполняли, как лидирующие партии, но в разных октавах. Совместно с нашим усовершенствованием усилителей, мы получили фантастический эффект. Из-за наших спин обрушивалась стена звука, которая сокрушала всех. Даже именитые группы, которых мы поддерживали на выступлениях были шокированы сильнейшим шумом, порождаемым такими маленькими несерьезными усилителями. The Tremeloes, The Hollies и Marmalade пробовали выведать наш секрет. Мы скромно отвечали, что просто выводим ручки громкости на максимум.

Позади сцены всегда лежала масса проводов, так что разобраться в соединениях было невозможно. Появлялись предположения, что мы хитрым образом «разогнали» наши усилители. Но это усовершенствование не являлось спонтанным, мы шли к нему и развивали несколько лет. Когда мы наконец достигли желаемого эффекта, публика улетала. Именно это звук позже сделал нас известными.

Я отыграл с 'N Betweens почти год. Появился шанс выпустить первую запись. Старый состав выпустил пару синглов с блюзовыми вещами в концертном варианте. Новая запись обещала стать значительным делом, поскольку проводилась Кимом Фаули – знаменитым деятелем поп-музыки из Штатов. Ким являлся Лос-Анджелеским эквивалентом Джо Мика. Он выпустил море хитов с различными американскими группами. Британская публика знала его по *'Nut Rocker'* от B. Bumble и The Stingers. Это была инструментовка известной сюиты Чайковского «Щелкунчик» в стиле буги-вуги. Несколькими годами раньше эта вещица в Британии стала №1. Он также сделал *Alley Oop* с Hollwood Argyles. Также, как и Мик, он оказался без тормозов, хотя несколько на свой лад. Он также славился склонностью к записям в ванной комнате, и это меня немного беспокоило.

Мы встретились совершенно случайно. В полуподвальном клубе Tiles на Оксфорд Стрит в Лондоне проходило наше выступление. Мы редко играли в Лондоне и не были в начале афиши. Посреди выступления мы заприметили одного типа. Он носил ковбойскую шляпу, был невероятно высок и вдобавок странно танцевал. Когда мы закончили и покинули сцену он появился в гримерной. Просунувшись в дверь, он сказал: «Парни, я сделаю вас звездами». У него оказался сильный американский акцент. Посмотрев на чудака в странной шляпе и одежде хиппи, мы недоумевали, что это за орёл. Сначала приняли его за сумасшедшего поклонника. Он назвал своё имя. Благодаря вышедшим пластинкам это было хорошо известное имя. Мы изумлены: Ким Фаули в гримёрной и собирается сделать нас знаменитыми!

Ким базировался в Лос-Анджелесе на студии «Рандеву Рекордс», а в Лондоне присматривал музыкантов. Особенно одну группу, которая должна проследовать в Штаты и функционировать, как Them, старая группа Ван Мориса. Они недавно выпустили в Америке большой хит *'Gloria'*. Не закончив турне, они распались. Идея Кима состояла в замене музыкантов Them, и под их именем новый состав должен был развивать далее полученный успех. Такие повороты случались в 60-е часто. Они не редки и сейчас. Я уверен, что Mamas and The Papas,

гастролировавшие в Германии, не имели ничего общего с настоящим составом. По дорогам Британии в одно и тоже время колесили девять разных Drifters. Публика возражала против подмен и часто платила за билеты после начала концерта, убедившись в отсутствии обмана.

Ким сразу полюбил нас. Мы стали откровением. Такого звука он прежде не встречал ни в Америке, ни в Англии. Он также не видел такого активного диалога с публикой. Я болтал со слушателями и вытаскивал их на сцену. Ким определил нас в любимцы и хотел запустить как Them. Не имело значения, что Ван Морисон оказался уроженцем Белфаста, а мы из Средней Англии. Когда мы отказались, Ким попробовал увеличить деньги. Мы объяснили, что не собираемся изменять решение и посоветовали найти других артистов. Можно было подумать, что это расставание навсегда. Вместо этого Ким настоял на нашей задержке в Лондоне для записи пластинки.

Наследующий день Ким протащил нас по нескольким звукозаписывающим компаниям. Мы немного волновались, казалось, делаем первый шаг в дверь. Просто находиться рядом с Кимом становилось запредельным опытом. Сначала он казался шизиком из Лос-Анджелеса, настоящим хиппи, носящим развевающиеся одежды и ковбойскую шляпу. Таким он представлялся, но он первый предсказал наш успех, что-то в нас разглядев. Это придало нам завидной уверенности. Его любимой фразой стало: «Парни! У вас есть будущее!». Он всегда повторял её, стоило только нас увидеть.

Первым делом Ким отвел нас в банк, где ему предстояло получить наличные. Мы его сопровождали. Бог знает, для чего мы это делали. Просто Ким имел особую ауру. Когда женщина подошла к стойке, вместо того, чтобы запросить свои деньги он сказал: «Хорошенько посмотрите на этих ребяток за моей спиной. Однажды они станут крупнейшей мировой группой. Попомните, леди, мои слова. Я никогда не был так уверен, как сейчас». Мы смущенно стояли, переминаясь с ноги на ногу, и прятали глаза. Ким везде гнул свою линию, куда бы мы не приходили. Язык мой – друг мой. Вот почему он был успешен. И хотя Ким был треплом, он смело заходил в любую компанию и требовал прослушивания. Если кто-то и не знал его, то уж точно слышал. Репутация бежала впереди его ног.

Мы вернулись домой, но спустя несколько дней снова оказались в Лондоне, Ким выдернул нас в маленькую студию на Denmark Street, называвшуюся «Риджент саунд». Мы откатали четыре песни и затратили на это полдня. Эти песни исполнялись на сцене и включали *'You Better Run'* от The Young Rascals. Большая

часть нашего материала не являлась известной в Британии. 'You Better Run' когда-то был №1 в Америке, но у нас не выходил. Мы специально подыскали подобные песни. Для этого заскакивали в маленький Бирмингемский магазин The Diskery, частенько пополнявшимся американским импортом. *'You Better Run'* – пластинка из этого магазина. Вещица понравилось, и мы уже играли несколько песен Young Rascals.

'You Better Run' оказалась знакомой Киму, но он не слышал такого исполнения. Мы записали версию на «А» сторону сингла и прибавили ещё пару каверов. Также записали 'Evil Witchman', которую Ким заметил в студии. Песня сделана за два приема и размещена на стороне «Б». Ким заключил сделку с EMI на выпуск пластинки. Это первый стоящий сингл. Он действительно стал №1 в местных чартах в Средней Англии, потому что нас знали и песни входили в наш концертный репертуар. Мы надеялись, что сингл принесет нам известность, но не были уверены в успехе. Мы оставались неопытными и не имели хороших идей, как добиться популярности. Конечно, выпущенной пластинкой остались довольны. Это здорово выпустить сингл на приличной фирме за такой короткий период совместной работы. Но более всего ценным стала железная уверенность, привнесенная Кимом Фаули, который разглядел наш потенциал. Он мог почувствовать и высветить хит, всегда реально оценивал ваши возможности и мы знали, что он любил нас.

После того дня в студии случались только редкие встречи. Ким вернулся в Штаты до выхода сингла. Он никогда не задерживался в Англии более двух недель и наша группа, также не могла задержать его на больший срок. Западное побережье Америки - это его дом, и именно там он разыскивал своих перспективных артистов. Однако он помнил о тьме наших поклонников. Немного позже, когда мы выдвинулись как Slade, Ким настоял на римейке своей любимой песни *'Mama Weer All Crazee Now'* в исполнении суровой женской группы The Runaways, которую он продюсировал. В ранних 80-х мне пришлось в последний раз столкнуться с Кимом в Германии. Мы жили в отеле и ждали лифт. Когда двери открылись, там оказался Ким. Он казался таким же высоким и жилистым, и в костюме выглядел очень представительно. Первые слова, слетевшие с губ: «Ребята, не я ли предсказал вам, что станете звёздами! Я всегда говорил, что за вами будущее». Он помнил абсолютно всё и, хотя, был странным, но, тем не менее, очень одаренным человеком.

Наши дела с EMI шли неплохо, пока их двигал Ким, но когда он уехал студия потеряла интерес к нам. Они нас не знали и не рассматривали, как долговременный проект. Они выпустили

сингл и устроили несколько интервью в прессе. Позиция заключалась в ожидании результата в национальном масштабе. Когда этого не произошло, мы получили последний шанс выпустить хит. Нам дали возможность записать пару вещей на Abbey Road. Когда мы прибыли на студию, поняли, что здесь проводят запись Битлз. Их машины были припаркованы у здания студии. Для поездок по Лондону все четверо пользовались черными мини с темными тонированными стёклами. Мы их не увидели, но услышали необычные звуки из пультовой комнаты по соседству. В закрытой соседней студии они записывали *Sgt. Pepper*. Это был один из тех дней, когда они пробовали применить свою техническую новинку с обратным проигрыванием пленки. Звучание оказалось причудливым, никто прежде не использовал такого музыкального приёма. Мы были очень взволнованы, оказавшись в одной студии с Битлз. Записи, которые мы тогда сделали в конечном итоге никуда не пошли, но мы испытали настоящий кайф. Битлз были Богами для всех и вся, а мы записывались за соседней дверью!

На полпути в Рай
4

Моя первая заграничная поездка с 'N Betweens проходила в Германии. К тому времени там работали несколько Уолверхемптонских команд. Мы поехали с большой охотой, потому что понимали - эта работа хорошая тренировка. Там группы всегда прогрессировали из-за длительных выступлений. Нас пригласили на месяц в клуб под названием Стар Пэлас в Киле, что расположен на побережье севернее Гамбурга. Там играло множество английских групп. Прибыли через паром в Голландию, оттуда на точку. Когда увидели место выступлений, то были поражены. Вместо ожидаемого потрепанного клуба увидели старый большой зал бывшего кинотеатра, со сценой, площадкой для танцев и множеством столов и стульев. Это оказалось настоящей концертной площадкой. И это было действительно суровое место. Портовый город привлекал множество моряков, что в те дни уже само по себе обещало проблемы. Когда мы увидели официантов, то догадались, что за публика нас ждет. Джим первый заметил неладное: «Они все носят оружие!».

Местная клубная группа называлась Paul Raven и The Boston Showband. В Германии их хорошо знали, и клуб был местом их регулярных выступлений. Мы стали одной из двух заменяющих групп, пока они отдыхали. Годами позже их лидер Paul Raven стал выступать под именем Гари Глитер. Это было наше первое знакомство. Вероятно, ему было за двадцать, но выглядел он также как и сейчас, рокер в коже и челкой в стиле Элвиса. Немцам он нравился. В 60-х там выступало множество ирландских групп с широким набором музыкантов, включая секцию духовых инструментов. Популярность объяснялась разнообразным репертуаром от ирландской джиги до рок-н-ролла. В то время Гари или Paul Raven в основном делал каверы в стилях ритм-н-блюз и рок-н-ролл.

В Стар Пэлас каждый вечер трудились две группы. Каждая отыгрывала по трехчасовому выступлению и оставалась на ночь. Обычно клубы размещали музыкантов неподалеку на квартире, но это место оказалось так велико, что имело общие спальни с отдельными койками. Хотя Boston Showband отдыхали, мест не освободили, другая группа заняла соседнюю маленькую спальню. Для нас мест не оказалось, и мы были вынуждены спать на лестнице, на маленьких кемпинговых матрасах. С деньгами было

трудно, поскольку при переезде мы потратились на паром и бензин, а немецкие промотеры были прижимисты и авансов никогда не выдавали.

К счастью, Гари увидел наше затруднительное положение. Он показал наиболее дешевые места, где можно покушать. Единственное, что мы могли себе позволить - это суп с ветчиной и горохом, который мы не переставая и ели. Мы пукали целую неделю, пока нам не заплатили немного денег, и это позволило перейти на омлет. Большая часть заработка спускалась на выпивку в клубе. Мы в нем практически жили. Работа занимала период с 8 вечера до 4 утра на переменку с другой группой. Если мы после выступления заглядывали в бар, то ложились к часам 7 утра, затем до позднего обеда спали, быстро ели и опять на сцену. В конце недели рабочие часы ещё более удлинялись.

Каждый вечер в клубе случались драки, обычно из-за женщин, между моряками и местными. Частенько, пока мы играли, из зала слышались выстрелы. Это была тяжёлая сцена. Гари дал несколько советов, как лучше управлять публикой и какой тип музыки наиболее желателен. Мы были резкой и шумной группой, это немцам пришлось по душе. К несчастью хозяин клуба был иного мнения. Он хотел от нас исполнения только популярных песен, вскоре стало понятно почему. Он только что купил два изумительных усилителя производства Фендер. Он называл их «коробочки», и эти агрегаты были его гордостью. «Присмотрите за моими коробочками, ребята», - говорил он каждый вечер перед нашим уходом со сцены. Нужно отдать должное – усилители действительно были хороши. В первый раз мы использовали такое прекрасное оборудование, и оно позволяло нам продемонстрировать всю мощь. Как только начиналась наша часть выступления, мы выворачивали громкость на максимум, поскольку это было обычным приёмом. Мы звучали вдвое громче, чем предыдущая группа, игравшая традиционные хиты. Хозяин выбегал к сцене и кричал, что мы угробим его усилители, и требовал от нас презренного тихого звучания. Мы не обращали внимания, но Гари предостерег, если мы не подчинимся, то останемся без денег.

Так и вышло, денег мы не получили, во всяком случае, той суммы, на которую рассчитывали. Хозяин отделывался мелочью, но после двух недель мы решили изменить ситуацию. Когда мы высказались, хозяин клуба заявил, что большего мы и не заработали. Нужно играть потише и побольше хитов. Не важно, что публике нравится, он был босс и нужно делать так, как он говорит. После трех недель мы твердо знали, что денег не получим и решили сбежать в Англию. Безденежье и диктат в

репертуаре толкали нас на это решение.

Денег хватало только на дорогу к парому. Ночью мы погрузили наше оборудование на грузовик, готовый к отъезду, до следующего вечера никто нас не хватится. Все были рады предстоящему бегству, но перед отъездом я решил наказать хозяина за его жадность. Я задумал разрушить его усилители, это должно показать ему наше отношение.

План был замечательный. В течение дня хозяйские детишки играли с луком со стрелами и разбрасывали их везде. В 4 утра, притворившись идущим спать, я нашел стрелу. Сделав аккуратный надрез в обшивке колонки, я проткнул динамик стрелою. Это была гениальная идея, заметавшая следы. Затем, я поколдовал с предохранителями так, что при включении усилители должны были сгореть. Только после исследования предохранителей можно было бы разобраться, что повреждение динамика и всё остальное - диверсия, а мы к тому времени должны быть далеко.

Я всё продумал так тщательно, что нас не могли прищучить. В 6 утра мы сели в грузовик и поехали в Голландию на паром. Приехав на пристань, мы увидели, что паром отчалил. Только один паром в день! Мы запаниковали. К этому времени хозяин должен был обнаружить разрушение усилителей и послать по нашему следу своих громил. Мы выбежали на пирс и стали размахивать руками и кричать. К счастью капитан увидел нас и пришвартовался. Вероятно, он спас наши жизни.

По неведомому совпадению, месяцем позже, Дон и я оказались в Лондоне и, прогуливаясь вниз по Оксфорд Стрит, увидели, что нам навстречу идет громила, правая рука хозяина клуба. Это был свихнутый черный парень, определенно безбашенный. Дон заметил его первым: «Не смотри, Нод. Думаю, пришло время умереть». Мы нырнули в Селфридж и умудрились избежать встречи. Позже, от групп гастролировавших в Киле после нас, мы узнали, что после выхода из строя усилителей шоу пришлось отменить. Хозяин был в ярости и клялся нас наказать. Я испытал счастье. В те времена группы не имели никакой легальной защиты. Если тебя ободрали, что обычно и бывало, включай свои мозги, чтобы постоять за себя. Так я и делал.

В Британии мы выступали четыре или пять раз в неделю. Хотя наиболее преданные наши поклонники находились в Средней Англии, нашлись и другие места, как Шотландия и Уэльс, где появились наши фаны. Большинство выступлений носили разовый характер, поскольку только известные группы могли позволить себе проводить турне. Хотя мы и выступали в Шотландии, Уэльсе и юго-западе, мы возвращались каждую ночь

домой. Путешествия являлись самой тяжелой частью работы, во всяком случае, для меня, если с нами не было Свина, машину вел я. Тогда было мало хороших шоссе, и приходилось колесить по маленьким дорогам через горы в 4 утра на нашем стареньком грузовичке. Иногда зимой из-за тумана и обледенения стекла видимость не превышала несколько ярдов. В холода шла борьба за переднее место. В грузовичке, который мы называли Бетси, мотор находился между передними сидениями, и там всегда было тепло.

Бетси разваливалась на части. Она держалась на ржавчине и веревках. Пол в задней части продавился от тяжести аппаратуры, и колеса на этих ужасных дорогах часто подводили. Самой лучшей частью грузовика были сиденья от самолета, которые мы нашли на свалке и установили взамен изначальных. Отец Дейва – Джек Хилл - был единственной причиной того, что грузовик ещё двигался. Он постоянно занимался ремонтом и сохранил нам немало денег.

Первые несколько лет наши выступления организовывались агентом по имени Морис Джонс, который взялся за 'N Betweens после моего появления, он же являлся первым менеджером. Сейчас он рок промотер. Он владел собственной компанией MCP, начавшей действовать в ранних 70-х. Когда мы встретились, он работал на Астра Эдженси в Уолверхемптоне. Агентство управляло большинством артистов Средней Англии. Мы согласились на сотрудничество потому, что он был прекрасным человеком, честным, хотя и не очень разбиравшимся в тонкостях дела. По многим направлениям Морис был также малоопытен, как и мы, но любил нас и предпринимал много усилий при организации выступлений. А мы оказались группой трудной для представления. Наш дерзкий и яростный стиль заставлял его тщательно выбирать площадки для выступлений. Мы также были очень громкой группой. Несмотря на жалобы и требования, мы отказывались играть тише. Другие музыканты в Астра Эдженси делали каверы традиционных хитов, разбавляя их комедийными номерами. Морис оставался единственным, кто упорно возился с нами. Никто больше не понимал, чего мы добиваемся. От нас хотели бездумной работы и подталкивали в это направление. Мы же хотели от Астра Эдженси введение в афишу к известным группам. Мы оказались единственной командой, которая могла поддерживать Cream. Лучше ни у кого не получалось.

Если для агентства мы оказались в Англии черной овцой, то в Шотландии вышла иная история. Там-то аудитория любила крутые группы. В Шотландии мы проводили не менее одного раза в месяц, ночуя в грузовике или в B&B в Глазго. Большинство

поклонников думало, что мы из Шотландии, поскольку частенько там выступали. Нам это нравилось, потому что местная сцена принимала дружественно, и владельцы залов часто рисковали, приглашая музыкантов, делающих нечто отличное от других. Мы играли с великолепными группами - The Dream Police (позже The Average White Band) и прародителями The Sensational Alex Harvey Band. Эти выступления также поддерживали в материальном плане, промотеры расплачивались наличными. В Англии мы получали чеки, оплату по которым приходилось ждать вечность.

Самые суровые шоу проходили именно в Шотландии, и тогда и позже во времена Slade. C 'N Betweens одно выступление в Камноке запомнилось особенно. Это местечко южнее Глазго. Мы играли в городском зале, в это место ещё раз мало кто возвращался. С самого начала выступления толпа разделилась на две половины, стоящие друг перед другом. Обе части разделяло значительное пространство, и мы не понимали, что происходит. В задней части зала стояли ряды стульев и перед окончанием концерта обе группы начали свалку, яростно метая друг в друга эти стулья. Это была настоящая мясорубка. Мы сбежали со сцены и укрылись в гримерной. Появился промотер. «Отличное выступление, - заявил он с порога - они полюбили вас!». «Так почему же они дерутся и кидаются стульями?» - спросили мы и услышали в ответ: «Об этом не надо беспокоится. Они всегда кидают вещи, когда им весело. Если бы ваше выступление не понравилось, они бы вышли на сцену и крушили ваше оборудование». Прямо тут же парень хотел заказать нас ещё раз, но предложение не прошло.

Обычно в Шотландии мы отыгрывали два концерта, один в танцзале университета, позже другой в клубе. Клуб всегда располагался в Глазго, и выступление продолжалось до 4 утра. Мы регулярно останавливались в B&B. Напротив через дорогу располагался танцзал Электрик Гарден, где проходили наши регулярные выступления. Местный диджей Ричард Парк сейчас ведет программы Кэпитал Рэдио. К несчастью, менеджером B&B был экс-армеец, помешанный на дисциплине. Ему не нравились наши утренние шатания, и он всегда будил нас к 7 утра на завтрак. Наша шестерка (группа и пара техников или друзей) спала в одной комнате. Менеджер стряхивал нас с кроватей и тащил по лестнице заряжаться овсянкой. За завтрак было уплачено, и мы, по его убеждению, не должны игнорировать лучшую за день пищу. Мы давились овсянкой и стремились быстро опять завалиться поспать. Это были прекрасные дни. В Шотландии всегда весело. Мы приобрели множество друзей и в дальнейшем поддерживали хорошие отношения много лет.

Я находился дома в Средней Англии, когда однажды застал звонок от Мориса. Он предложил работу на два месяца за границей. Когда он сказал, что это за место, я подумал, что это шутка и попросил повторить несколько раз. Кто-то на Багамах хотел нанять нас. «Багамы? На Карибах? Ты не свихнулся?». Он не свихнулся. Через неделю мы уже двигались по нашему пути. Это и сейчас звучит странно, а тогда просто невероятно. Один наш поклонник уехал на Багамы и подрядился управляющим клубом. Он спланировал наш перелет и два месяца выступлений в этом клубе. Даже получив в руки билеты на самолет мы всё ещё не могли поверить в случившееся. Для нас это подарок господний. Мы никогда не были в такой экзотической и жаркой стране. Это оказалось удачной возможностью вырваться из местных площадок, на которых мы играли в режиме нон-стоп. Наша публика должна отдохнуть от нас, а когда вернемся, ударим с новыми силами. Сборы оказались недолги, и мы в пути!

По прибытии, мы не могли поверить своим глазам. Никогда не видели ничего подобного. Повсюду огромные рептилии сидели на стенах домов и пальмах. Это был рай, настоящий рай. Мы попали в пещеру сокровищ. Мы остановились в заказанном огромном отеле на Гранд Багама Айсленд. На четверых выделено две спальные комнаты с видом на пристань для яхт – верх роскоши, по нашим тогдашним понятиям. Множество изумительных яхт покачивались на волнах, одна из них принадлежала Фрэнку Синатре. Нас нужно сильно толкнуть, чтобы очнуться и понять – это не сон. Мы здесь, четыре тощие задницы из Уолверхептона, смотрящие в окно на Фрэнка и его друзей. Можно заказать, что желаешь в номер, клуб оплатит счет. Действительно, как бы не свихнуться.

В первый вечер управляющий познакомил нас с клубом, который являлся частью гостиничного комплекса. Роскошное место полное туристов и загорелых привлекательных женщин. Дейв сразу подметил этот элемент. На сцене была группа из Манчестера с Рэдом Хофманом в качестве певца, которого я встречал позже на Коронейшн Стрит. Публика, преимущественно, была белой. Болталось несколько местных, но основная масса – это англичане и американцы, проводящие свой отпуск. Промотер подтвердил, что это место похоже на то, где состоятся выступления. Фантастика – мы умрем и вознесёмся на небеса. Однако на следующий день нас приземлили. Действительное место выступлений находилось на другом конце острова и напоминало большую хибару. «Не может быть», - вырвалось у меня, промотер молча кивнул головой.

В то вечер мы сделали премьеру. Мы абсолютно не

представляли чего ожидать. Мы начали в 9 вечера. Первые три часа присутствовала белая публика. Мы сыграли наши лучшие вещи. «А теперь комендантский час. Туристы разойдутся на ночь по отелям, и придут местные», - от слов промотора мы застыли в ужасе. Мы были уверены, что местные не оценят нас должным образом. Очевидно, что они питали любовь к стилям калипсо и ска. Перед глазами проплывали картины, как нас с позором выбрасывают с островов обратно в Уолверхептон.

Старт шоу прошел успешно. Мы отгадали вкусы туристов, запустив хиты. Вторая часть выступления, после комендантского часа стала настоящим вызовом. Мы снова вышли на сцену и могли видеть изумленные взгляды местных. На сцене стояли четыре белых паренька, разодетых в немыслимые дерзкие костюмы. Местные тоже совершенно не представляли чего от нас ждать. Мгновение я подумал, что сейчас произойдет восстание. Взглянул на Дейва, он уставился на меня. Мы ничего не могли сделать, только играть.

Прежде чем мы начали, из толпы уже послышались крики неодобрения. Некоторые из публики сразу дали понять, что даже видеть нас тошно. Мы решили игнорировать все выкрики и начали вещью Джеймса Брауна. Мгновенно атмосфера изменилась. Мы совершенно об этом не знали, но на этом острове Джеймс Браун был богом. Позже обнаружилось, что все музыкальные автоматы в пабах и клубах были полны музыкой соул и Tamla Motown. Это оказалось нашей удачей. В нашем арсенале был полный набор. После пары песен, первые ряды были буквально готовы нам ноги целовать. Багамские жители никогда не слышали, чтобы кто-то ещё исполнял музыку Джеймса Брауна. Они с изумлением смотрели на горстку белых парней. Сказать, что мы испытали облегчение от такой реакции, означает - не сказать ничего. Мы были шокированы более, чем кто-то из публики. С той ночи место стало нашим.

Если в дальнейшем у Slade случались удивительные вещи, то наша Багамская эпопея подготовила нас к таким поворотам. Мы заворачивали настолько эксцентричные шоу, что и представить невозможно. Идея заключалась в смешении жанров, и наша музыка переплелась с выступлениями местных артистов, включая танцоров лимбо, пожирателей огня и трансвеститов в клетке. Нечто похожее на экстравагантное кабаре-шоу. В качестве конферансье выступал местный гей по имени Эрик. Это был местный любимый полоумный. Мы никогда прежде не встречали такого яростного парня. Нам попадались несколько геев в Германии, но по сравнению с постоянно обкуренным Эриком они ходили в детский сад. Этот черный парень был подобен Лари

Грайсону, но ещё круче. В нём сидел огромный Афро-дух и всегда бегал отдельно от тела. Кроме роли ведущего, он играл на барабанах. В том клубе каждый мог заявить о своих талантах, и, в некоторый момент, каждому разрешалось выйти на сцену. Эрик утверждал, что на Багамах он второй по мастерству барабанщик на бонго и каждый вечер демонстрировал мастерство, выступая соло минут на двадцать. Начав, он уже не мог остановиться, и нам стоило большого труда оттащить его от барабанов. Бог его знает, кто же на Багамах лучший барабанщик бонго. К счастью мы никогда этого не узнали, но Эрик утверждал, что однажды его видел, и тот парень был ещё яростнее его.

Эрик приобщил меня к наркотику. В бутылку рома закладывалась марихуана. Он вымачивал траву, как приправу для соуса. Однажды, он притащил это пойло в клуб и предложил мне хлебнуть. Я мгновенно слетел с катушек.

На Багамах происходило много сумасшествия. Ни одного вечера не проходило без курьезных случаев. Эрик часто улетал слишком далеко, и мне приходилось выступать за ведущего. Мне приходилось трудиться и за рабочего сцены и доставлять клетку с танцором гоу-гоу. Я делал всё. Приходилось сгонять со сцены некоторых чудаков, которые задерживались больше, чем нужно. Я вытаскивал из бара обкурившихся музыкантов, когда подходило время их выхода. Припоминаю случай, когда на сцену позволили выйти парню, стоявшему на дверях вышибалой. Это был огромный человек-гора. Неделями он упрашивал нас о выходе на сцену и когда ему всё-таки позволили спеть, он оказался с голосом маленького писклявого мышонка. Мы повалились от смеха. Он прикидывался крепким зданием из кирпича, оказался, как четырехлетний ребенок в среде гелия.

Другой момент произошел с Серебряным Человеком. Это был артист местного кабаре и его номер входил в первую часть выступления. Он покрывал себя серебряной краской с головы до ног и исполнял танец Вуду. Особенность выступления заключалась в ограничении номера по времени и удалении краски, так как кожа нуждалась в дыхании. Один раз Эрик особенно яростно исполнял номер на бонго и смертельно наскучил публике, потому что был сильно под кайфом. В это время Серебряный Человек стоял за сценой и ждал своего выхода. Он делал знаки рукой, чтобы мы оттащили Эрика от барабанов. Внезапно ему стало плохо, и он попытался стереть краску полотном занавеса. Ноги его подкосились, и он рухнул на пол. Я подскочил и помог удалить краску. Слава богу, он пришел в себя. Подобные штуки случались каждый вечер. Мы работали с полоумными.

Каждые две недели из Штатов прилетали артисты стиля соул, как особые гости клуба. Как-то вечером в нашей гримерной оказался Уильям Белл, Он только что выпустил сильный хит с Джуди Клай - «Прайвит Намбэ». Он был хорош и пел вместе с нами, как аккомпанирующими артистами. Он также привез с собой собственного гитариста, прекрасного музыканта. Он был молод, но могу поклясться, что владел гитарой подобно Джиму Хендриксу. В другой вечер мы поддерживали женскую группу The Twans, трёх ярких негритянок, некоторое подобие Supremes. Днем мы репетировали и прогнали все песни. В тот вечер они начали выступления с кавером *'Respect'* Ареты Франклин (Aretha Franklin). Они вышли в белых одеждах а-ля Supremes с большими крыльями и начали довольно скучный танец. Никто не знал, что ведущая певица в промежуток от обеда до вечера потеряла голос. Она была очень угнетена и никому не сказала. Бэк-вокал сделал вступление, далее следовало её начало песни «Это то, что ты ждешь», вместо этого тишина. Повторили запев, певица открыла рот и опять тишина. Парень из первого ряда аудитории прокричал - «Ну спой же, сестрица, чего мы ждем!». Мы рухнули. Девушки продолжали танец, а мы сотрясались от смеха на полу. Каждое выступление - полный хаос, это пугало, но проходило всегда весело.

Багамский период воспоминаний включает переодевания Дейва. Сколько помню Дейва, он всегда зависал с девушками. Он ходил с ними по магазинам и участвовал в посиделках и обсуждениях причесок, нарядов и макияжа. Они обожали его за это. После двух недель пребывания у Дейва образовалась значительное количество американских и английских подружек. Однажды они захватили его на просмотр мод, в соседний отель. Как это получилось - не знаю, Дейв никогда не рассказывал, но дело закончилось дефиле на подиуме, и это не были мужские костюмы. Он демонстрировал платья и в этом бело-розовом наряде вернулся в клуб. Его интересовала реакция подружек на взрывное фото в местной газете, вышедшей на следующий день. Нам же, онемевшим от удивления, он заявил, что придержал платье для шоу. Джим был вне себя. В своё извинение, Дейв выдвинул тезис, что в жару платье будет удачной альтернативой брюкам. Однако, он не простоял на сцене и двух минут. Девушка из публики начала отчаянно кричать - «Моё платье, моё платье!». Она сильно разъярилась, потому что на ней оказалось точно такое же платье.

Только началась новая роскошная жизнь, случилось несчастье. Обнаружилось, что денег нам не светило. Промотер выдавал только карманные деньги, но нас это не сильно смущало.

Мы не нуждались в деньгах. Мы жили в роскошном отеле, заказывая покушать и комнатные услуги, напитки без меры - всё за счет клуба, как мы думали. Клуб имел финансовые проблемы, и к половине нашего срока хозяин оказался банкротом. Он оставил отель и неоплаченные счета по бару. Сумма на тысячи фунтов. Единственной надеждой было открытие клуба новым хозяином. У нас на круг оказалось не более 100 фунтов, отель настаивал на полной оплате. Мы должны были остаться ещё на три месяца, чтобы погасить долги. В отеле отнеслись к ситуации с пониманием, видя наши усилия отработать долг, но для нас это оказалось упадком и унижением. Нас переселили в крошечную комнату, и денег на питание не хватало. Во время ланча мы обедали в одном городском отеле, и на пару долларов наедались до отвала, в следующие 24 часа наступал пост.

В свободные вечера в нашей комнатке мы устраивали вечеринки. Мы подружились с местными ребятишками, большинство из которых оказались выходцами из богатых американских и английских семей. Они приносили нам из своих домов еду и выпивку. По этому же каналу поступало множество пластинок. Многие являлись американскими хитами, но ещё не выпускались в Британии. Внезапно мы получили доступ к огромному источнику нового музыкального материала, на месяцы ранее, чем наши музыканты дома. Ребята с удовольствием одалживали пластинки. Мы разучили новые песни подобные *'Born To Be Wild'* от Steppenwolf и исполняли их сцене в той манере, которая запрашивалась публикой.

Мы вернулись с Багам другим коллективом. Поначалу все четверо были замкнуты. В первый раз нам пришлось провести вместе значительное время и много говорить. Мы жили, ели и спали в одной комнате. По гороскопу я близнец и во мне всегда живут два человека. Я могу выходить из-под контроля, если для этого есть причина. Я предпочитаю говорить с людьми, чем кричать, но прошло время, прежде чем мои заусенцы обтесались. Но, если я завожусь, то становлюсь ужасен. Остальные быстро поняли, что поломать меня - это просто потеря времени. Никто не спорил лучше, чем я.

В течение последней недели на Багамах мы высказали друг другу, что нам не нравится в нашей системе, и это помогло нам в дальнейшем выработать верную линию. Обнаружилось, что у нас четыре очень разных характера, и наиболее дискуссионный у Джима. Он же мог допустить оскорбительные замечания, хотя в половине случаев даже не подозревал об этом. Его рот работал быстрее, чем мозги. Я помню, он встретил девушку и сказал, что её волосы выглядят, как солома. Он довел её до бешенства. Мы

никогда не могли понять, когда он действительно хочет обидеть, а когда просто не думает о последствиях. После того, как мы провели столько времени вместе, из ситуации нашелся простой выход. Мы перестали замечать обидные замечания Джима. В группе нельзя относиться друг к другу слишком серьёзно, иначе произойдет распад.

В музыкальном плане мы также претерпели существенные улучшения. Четыре месяца безостановочных шоу сделали нас невероятно закалёнными, особенно Дона. Дейв, Джим и я всегда имели передышку во время выступления местных артистов, но не Дон Только немногие из них имели собственного барабанщика, поэтому Дону приходилось играть с 9 вечера до 4 утра каждую ночь. Наибольшие изменения произошли с нашим репертуаром. Ранее мы в основном играли Motown, ритм-н-блюз и немного поп. Мы не рисковали сильно погружаться в музыку других стилей. После Багам нас репертуар сильно изменился. Мы потратили многие часы на освоение нового материала, который здесь еще не был выпущен. Когда песни всё-таки вышли в Британии, наши поклонники неистовствовали, они уже знали все слова наизусть. *'Born To Be Wild'* стала особенной ассоциацией, поскольку резкой версией этой песни мы заканчивали все наши концерты.

Вскоре после нашей поездки на Багамы мы получили нового агента. Нас соблазнили уйти из Астра Эдженси парень по имени Роджер Ален и его партнер по бизнесу Нита Андерсон, которые основали в Средней Англии новое агентство. Роджер являлся копией Дел Бой по версии 60-х и оказался очень проворным, в нашей округе каждый знал его. Он занимался организацией концертов несколько лет, но главным образом управлял группами подобными The Montanas и The Californians. Его группы делали успехи. Сейчас он живёт в Тенерифе и занимается продажей недвижимости. Он был очень забавный, но ужасно неорганизованный. Казалось, он задолжал каждому. Мы любили его, и он платил нам привязанностью. Роджер чувствовал наш потенциал, хотя не мог придумать, что же с нами делать. В противоположность Астра Эдженси, он не хотел изменения стиля группы. В отличие от причёсанных артистов, мы должны оставаться вызовом устоям.

Несмотря на все недостатки, Роджер оказался хорошим агентом. Он устроил смотрины на Фонтана Рекордс в Лондоне, поскольку знал генерального директора студии - Джека Баверстока. Встреча была намечена в главном офисе на Марбл Арч. Роджер наврал, что Джек большой поклонник 'N Betweens и давно хочет встретиться, это оказалось полной чушью, но мы купились. Он устроил встречу с генеральным директором, а не с

каким-то рядовым менеджером, и это должно сработать на прорыв.

Никогда не забуду первого визита в офис Джека Баверстока. Думаю, что остальные тоже помнят его. Мы никогда не были в такой обстановке. Джек занимался с австралийским актером, который представлял рекламное агентство Барратт Хоумс ТВ. Они играли в гольф на ковре с использованием приклеивающихся лунок. «Проходите и садитесь», - сказал он, даже не повернувшись. Затем он начал обсуждать дела между ударами по шару: «Я дам вам неделю на запись и своего инженера. Сыграйте несколько песен, как вы делаете это на сцене. После этого решим, что с вами делать». Это очень удивило, ведь ранее наши записи не превышали несколько часов. Как Роджеру удалось все это провернуть, осталось неизвестным, а позже выяснилось, что Джек никогда не слышал о 'N Betweens.

На следующей неделе началась работа в основном здании Фонтана Рекордс, позже названным Полом Веллером - Солид Бонд. Мы трудились с 9 утра до 6 вечера и написали две или три песни в манере блюзового джема, но в основном исполняли вещи из своего репертуара. Мы ничего не понимали в технической стороне дела и оставили это инженеру. Джек приходил каждый день минут на десять и в конце недели объявил, что собирается выпустить наш альбом. Это известие поразило нас. Мы думали, что готовим демо-материал. Кроме того, всё записанное было полной мешаниной хард-рока и баллад из песен Френка Заппы (Frank Zappa), The Moody Blues, Джефа Лина (Jeff Lynne) и пары вещей Tamla Motown. Но Джеку нравился такой непоследовательный стиль. «Никогда не слышал более шизофренического набора», - сказал он.

Прежде чем выпустить альбом, нам было необходимо поменять название, на этом настаивал Джек. Ему не нравилось название 'N Betweens, потому что публика могла усмотреть в этом что-то бисексуальное. Мы вздрогнули, в 60-х такая сторона дела могла обернуться скандалом. Появились кандидатные названия, включая Ник, Нак и Нуф, но Джек всех их отверг. Его предложение стало Ambrose Slade. Когда мы спросили, что это означает, он показал на своего секретаря. Девушка давала собственные имена всем вещам, например, сумочка носила имя Арнольд, часы оказались Джоном и так далее. Я не знаю глубинного смысла этих причуд. Она также именовала все вещи, лежавшие на столе: книги, карандаши и даже офисный степлер. Не знаю, что точно обозначили эти слова, но одна вещь звалась Ambrose, другая Slade. Джек увидел их вместе, лежащими на столе и название родилось само собой. Всем четверым название

не понравилось. Ambrose Slade звучало нелепо, но нам отчаянно хотелось завершить выпуск альбома. У нас уже вышел сингл, но выпуск альбома должен был поразить всех в Средней Англии. Мы согласились на все предложения Джека, лишь бы он был счастлив. Упустить такой шанс нельзя, и, утопив сомнения риска в дюжине пива, мы стали Ambrose Slade.

Джек также настаивал на сотрудничестве с Лондонским агентом. В те дни все группы получали признание только в Лондоне, именно там была сосредоточена вся звукозаписывающая индустрия. И хотя The Beatles из Ливерпуля, а The Hollies из Манчестера, настоящий прорыв они совершили, только приехав в Лондон. Агентства Средней Англии могли организовать выступления в Лондоне, но в непрестижных местах. Для того играть в тех залах, где вас могли заметить музыкальные репортеры и поддержать своим авторитетом раскрученные группы, необходим агент в Лондоне. Проблема заключалась в том, что мы уже имели агента, именно Роджер и втолкнул нас в студию Фонтана. Мы не хотели его подводить и прямо сказали об этом Джеку. Тот успокоил нас, что всё уладит. Позже узнали, что Роджер и Нита получили 300 фунтов отступного. Но у нас появился не только новый агент, но и новый знаменитый менеджер.

Агента звали Джон Ганнел. Он и его брат Рик были частью крупнейшего агентства, управляющего дюжиной артистов стиля ритм-н-блюз и соул таких, как Georgie Fame, Alan Price, Geno Washington и The Ram Jam Band. Им также принадлежало несколько модных клубов, где эти артисты выступали. Братья были общеизвестны своей жесткостью в бизнесе, зато мы получили доступ на эти площадки. Джек послал наши записи Джону Ганнелу, и тот захотел встретиться с нами. Мы чувствовали важность момента, и какое дело могло бы развернуться. Джон выглядел очень внушительно, как типичный лондонский агент. С собой он привез Чеса Чендлера, который был высок и крепко скроен. Едва он вошел, мы сразу его узнали. Ранее он выступал басистом в The Animals, а также открыл и продюсировал Джимми Хендрекса. Мы трепетали.

Чес и Джон пришли в студию послушать наш альбом, который получил название *Beginnings*. Подобно Джеку, они тоже одобрили разносортицу материала, собранного на диске. Прямо здесь Джон сказал, что готов взяться за нас, и с этой минуты он наш агент. Он взялся за устройство выступлений в очень достойных местах. Чес сказал, что хотел бы посмотреть наше выступление живьем. Зачем - мы не могли понять. Оказалось, что Хендрикс возвращается в Штаты, и Чес присматривал для

продюсирования новых артистов. Он и Джон только что организовали менеджерскую компанию, как часть Роберт Стигвуд Организейшн. Роберт Стигвуд было крупным именем в музыкальном бизнесе. Под их управлением выступали The Bee Gees и Эрик Клептон (Eric Clapton). Пока в их поле зрения оказался только Noel Redding's и нужен был кто-то ещё. После прослушивания нашего альбома им нужно было определиться между двумя группами - нами и Trapeze. По чистому совпадению Trapeze также оказались из Уолверхемптона. Все участники когда-то играли в различных группах под управлением Роджера Алена, которые, в конце концов, распались. В итоге, когда они объединились, получилась супергруппа. Мы их видели и знали, они хороши. Музыка походила на Moody Blues, но уж точно не на нас.

Первое выступление, организованное Джоном, состоялось в клубе под названием Rasputins на Нью Бонд Стрит. Это было очень стильное и странное место, где была предпочтительней музыка диско, чем рок. Мы почти закончили первую часть выступления, когда приехал Чес. Мы не завоевали публику до конца, но было очевидно, что они нас любят. Общеизвестно, диско публику тяжело растормошить. Сначала они вообще игнорировали нас и только танцевали. Им казалось, что проявление знаков одобрения в нашу сторону, покажет их, как поклонников диско, со слабой стороны.

Ко времени прибытия Чеса, все головы смотрели в нашу сторону. Я выкладывался полностью и использовал все мыслимые трюки из нашего арсенала, чтобы вовлечь публику в происходящее действие. Я вытаскивал людей на сцену, и мы вместе пели. В перерывах между песнями, я выхватывал хорошеньких девушек и успевал заговорить и закрутить их. Реакция публики была блестящей. Каждый вокруг нас стал прыгать и кричать. Мы прижали наши самые эффектные номера для получасового финала. Мы рассчитывали, что Чес придет именно в этот отрезок концерта. Как только он вошел, мы дали на полную катушку. Он стоял в задних рядах с огромной улыбкой на лице.

После шоу Чес зашел в костюмерную и сказал, что хочет заключить с нами контракт. «Вы - глоток свежего воздуха, никогда не видел диско-публику такой возбужденной!» - сказал он. Он уверял, что своё решение принял, ещё не входя в двери. Всё решила атмосфера, которая чувствовалась на лестнице, на подходе к залу. Годами позже он рассказал мне другую историю. По его словам, мой резкий голос и умение контактировать с аудиторией были главными причинами, повлиявшими на

принятие решения в нашу пользу, а не Trapeze.

▶ *Typical early '60s handout shot. Steve Brett and the Mavericks.*

▼ *The 'N Betweens on return from the Bahamas. The name change to Ambrose Slade not far away.*

GERED MANKOWITZ

Типичный снимок 60-х. Стив Брет и Майверикс.

N'Betweens после возвращения с Багам. Ambrose Slade не загорами.

▶ *Chas Chandler the mentor, bass player with The Animals and producer and manager of Jimi Hendrix and Slade.*

HARRY GOODWIN

▼ *Dad Jack and mum Leah, happy but still thinking "When's he going to get a proper job?"*

Чес Чендлер наставник и бас- гитарист Энималс. Менеджер Джими Хендрикса и Слэйд.

Отец и мать счастливы, но по-прежнему считают, что я мог бы найти работу и получше.

▲ *Pensive, puckering pop star!*
My girlfriend Suzan's favourite pin-up.

Размышляющая, морщинистая поп-звезда. Любимый снимок Сьюзен.

▲ *Slade – the epitome of sartorial elegance!*

Slade – образец сценической элегантности.

▲ *Any excuse to show off!*

Извините ребята, но шоу закончилось!

REX FEATURES

▲ *Pose 42 from the Rock 'n' Roll handbook.*

REX FEATURES

▲ *Another day, another TV show, but who knows where..? We just kept on rocking.*

Поза №42 из учебника по рок-н-ролу.

Другой день, другое ТВ шоу, но где? Мы только рубим наш звук.

Пугающие волосы
5

Beginnings был готов к выпуску. Необходим был снимок на обложку диска. Фонтана прислала в Среднюю Англию фотографа. Парень искал подходящее место и вытащил на Поук Хилл, недалеко от моего дома. Место представляло собой большую заброшенную каменоломню и выглядело впечатляюще. На дворе зима, и земля покрыта снегом. Я представлял хорошо спланированный снимок с нами на переднем плане.

- Парни снимайте рубашки.

- Но ведь чертовски холодно! - застонали мы.

Долго спорить не пришлось, он был профессионал, а мы маленькая провинциальная группа, о которой мало кто слышал. Пришлось раздеться до пояса. Далее последовало предложение лечь на снег, мы снесли и это. Наши головы оказались на кромке карьера. Снимок должен был получиться впечатляющим. Однако, когда мы увидели конечный продукт, оказались сильно разочарованы. Мы не нашли ни каменоломни, ни снега. Всё оказалось пустой тратой времени. Мы записали песню об этой фотосессии в нашем следующем альбоме. С этого момента мы стали попрактичней. Сначала не было никаких вопросов, мы делали всё, что нам говорили. Так происходило из-за нашей наивной уверенности, что компания лучше нас знает, как правильно поступать.

Beginnings продавался не очень хорошо, но это неплохой альбом, учитывая наш первый опыт в подобном деле и короткий недельный срок на запись. Его выход помог нам делать выступления более выгодными и зарабатывать побольше денег, так что мы были очень довольны, хотя руководство Фонтаны немного разочаровалось. Они не рассчитывали на убойные хиты, но хотя бы на вхождение песен в чарты. К счастью, тогда альбомный рынок не определял полностью жизнь музыкантов. Вы могли быть популярными артистами и зарабатывать на синглах.

Чес слабо отреагировал на недостаток коммерческого успеха альбома. Подобно нам, он был приверженцем выпуска синглов, и знал, что успех лежит в этой плоскости. «Вы должны стать королями коротких песен», - внушал он нам, и мы соглашались. Нужно выложить альтернативу. В конце 60-х большинство гитарных групп были хиппи, и играли получасовые соло. Мы предпочитали трёх-четырёх минутные партии.

После выхода альбома мы сосредоточились на концертной

деятельности, особенно в Лондоне. Смена агента оказалась правильным шагом. Нас пригласили на выступление в хорошо известную рок-площадку The Red Car Jazz Club. Также состоялся дебют в очень престижном месте – The Marquee Club. Yes играли там постоянные концерты и мы поддерживали их. В основном они делали рок версии из *West Side Story* и каверы Битлз. Я смотрел на них и думал, что у нас общая аудитория, и это здорово. Многие годы мы захаживали в The Marquee посмотреть на новые группы и встречали там команды подобные Jethro Tull, Free, The Who.

Самые тенденциозные места наших выступлений стали The Bag O' Nails и The Speakeasy. Джон являлся владельцем The Bag O' Nails, поэтому мы были туда вхожи. Каждый, кто появлялся там, зависал часами. Здесь толкались другие команды, журналисты, деятели музыкального бизнеса и множество знаменитостей. Эти места были крошечными, но всегда наполненные известными личностями. В первый раз выступления в The Speakeasy менеджер подошёл и сказал: «Фрэнк Заппа приглашает вас за свой столик». Мы были ошеломлены, ведь играли его вещи годами! Присев за столик, услышали, что ему нравится наш репертуар.

Другим постоянным местом выступлений стал ритм-н-блюз клуб The Temple на Wardour Street, и мы там частенько играли. Когда-то ранее, во времена выступлений Geno Washington и Georgie Fame, это место называлось The Flamingo. Артисты выступали там не за деньги, но за престиж, и мы всегда предпочитали это место предложениям выступить где-то ещё за деньги.

Некоторыми любимыми выступлениями были концерты у частных лиц. Поскольку мы были в поле деятельности крупного агентства, нас приглашали на шикарные вечеринки. Однажды нас пригласили на поддержку кинофильма в замок Herefordshire. Это оказалось настоящим Голливудским делом. Фильм продюсировал Джерри Льюис, а главные роли исполняли Сэмми Дэвис Ярн и Питер Лоуфорд из команды Синатры. Прежде таких вещей с нами не случалось. После первого отделения Сэми Дэвис подошел сказать, что ему нравится шоу, и он хотел бы спеть с нами. Мы очень смутились и в ответ пробормотали своё согласие. Я парил в воздухе, стараясь сохранить контроль и самообладание, ведь мы выступали вместе с Сэмми Девисом! Он оказался нормальным мужиком, не заносчивым и дружелюбным, что сильно меня удивило. Первый раз в жизни я познакомился с артистом популярности мирового уровня. Мы присели и выпили, и хотя я трепетал от почтения, не впал в ступор, воздавая хвалу господу, что это не сам Фрэнк Синатра, иначе я бы точно упал в обморок.

Следующим действием Чеса стало привлечение агента

прессы. Им оказался парень по имени Кит Алфем, который писал для NME. Кит являлся большой величиной в сфере Паблик Рилейшен – он сделал имена The Rolling Stones, The Who и The Moody Blues. Его дружба с Чесом длилась со времен Animals и со страниц газет становилось ясно, что он много общается и с Битлз.

Однажды Чес и Кит обсуждали наш имидж и каким образом продвигаться на рынке. Проблема состояла в том, что хотя наш стиль хиппи являлся не традиционным в Средней Англии, в Лондоне многие группы одевались подобно нам и носили длинные волосы. Лучший путь позиционироваться с сторону от других команд, по их мнению, оказался в том, чтобы приобрести вид скинхедов. Кит, вероятно, пошутил, но Чес вцепился в эту идею. Как только с губ Кита слетело слово, луч озарения пронзил голову Чеса. Кит не мог поверить, что Чес воспринял идею серьёзно, но Чес уже размышлял, как попробовать склонить к этому нас. «Никогда», - стало нашим ответом. Мы очень эмоционально отреагировали на затею, особенно чувствительным ударом это предложение оказалось для Дейва. Он очень любил свои волосы, и стричь их не позволялось никому, даже Чесу. К тому же, мы долго завоёвывали симпатии поклонников и за одну ночь должны стать незнакомцами. Также беспокоили и другие аспекты дела. Скинхеды являлись более модным предложением, чем политическим движением, но с этим образом ассоциировалась жестокость. Это не являлось нашей сущностью. Мы иногда играли для скинхедов, но никогда не являлись частью этого мира.

Чес вызвал нас в офис и стал обрабатывать, а по своей сути он был очень напорист. Его основные аргументы подавались твердо и соблазнительно: никто ранее такой образ не принимал и по его профессиональному чутью, которое никогда ещё не подводило, это должно сработать. Мы вошли к нему с твердым убеждением не поддаваться на уговоры, а вышли с настроением, что идея не так уж плоха и стоит попробовать. Чес провел грандиозную компанию с Джимми Хендриксом и мы были просто обязаны доверять ему. Тяжелее всего убеждали Дейва, но в конце пути нас ждали известность и деньги, и Дейв не устоял.

Чес отвел нас в Сохо к парню по имени Харри, который занимался волосами Хендрикса. В своё время именно Чес настоял на том, чтобы усилить акцент на Афро корнях чумовой прической, и все это знали. Тогда затея сработала, и это явилось для нас сильнейшим аргументом, когда мы всё-таки согласились на образ скинхедов.

Харри-стригунок, как мы его прозвали, был очень рад перспективе обрить нас. Ужас Дейва забавлял его. Весь этот

проект со стрижкой оказался особенно болезненным для Дейва и Джима. Я зашел первым, затем Дон. Когда на пол стали падать длинные локоны, на лицо Дейва было страшно смотреть. В конце концов, он вырвался. И у него и у Джима остаток волос не превышал дюйма.

Мы выглядели плоховато. Мы были ужас ходячий. Я и Дон смотрелись жестко, а мы и чувствовать себя начали крутыми парнями. Появились прозвища, подходящие новому облику. Я стал Розовой Головой, потому что ранее был блондин. Дон был темным и курчавым, новый вид – постоянная тень в семь часов и мы стали его называть Голубая Голова. Дейв не получил прозвища, он ненавидел скинхедов и чувствовал себя неуютно.

После стрижки купили и новый прикид. Скинхеды носили рубахи Ben Sherman с цепями, подвернутые джинсы и высокие ботинки с утяжеленным носком. И мы приобрели такую же амуницию. Ни одна группа так не одевалась. Мы вышли на сцену совершенно изменившиеся. Чес был очень доволен. Все шло по плану.

Днями позже я вернулся в Мидленд, где всё ещё проживал с родителями, хотя дома показывался редко. Я пришел в три часа утра и сразу лег. Ни отец, ни мать меня не видели. Следующим утром матушка зашла в комнату. Она увидела у кровати пару огромных ботинок Док Мартин, а затем мою лысую голову на подушке. Она меня не узнала и очень испугалась. Она заголосила, кто это здесь. Я проснулся и повернулся к ней. Её шок трудно передать. Она возненавидела моё скинхедство.

Наш первый публичный имидж вышел в NME с фотографиями в полный рост. Мы оказались заявлены как Slade, а не Ambrose Slade. Чесу никогда не нравилось название Ambrose Slade, необходимо что-то более короткое и запоминающееся. Нам и самим Ambrose Slade не очень нравилось. Где бы мы не играли, нас всегда объявляли неправильно то Arnold Shake, то Amgo Slake или иначе. Чаще всего правильно называлась вторая часть. «С этого дня вы просто Slade», - сказал Чес, и так и пошло. Сочетание нового имени и нового облика оказалось эффективным. Фотографии в NME заработали. Внезапно мы приковали много внимания, просто загадочные крутые парни. Критики говорили о поощрении жестокости на наших выступлениях. Сейчас трудно представить, но тогда скинхедовская группа пугала людей.

Несколько следующих недель каждый, кто встречался с нами впадал в столбняк. Друзья считали нас сумасшедшими. Наши поклонники также были не в восторге и настаивали на отращивании волос. Когда мы появлялись на сцене, публика не могла поверить глазам, первые ряды оставались с открытыми

ртами. Даже те, которые ранее видели фотографии теряли дар речи, увидев нас воочию. Многие из фанов сами прошли через такой прикид, но видеть нас такими им не нравилось.

Однажды мы играли концерт в Манчестерском университете. В те дни университеты и колледжи часто устраивали праздники на всю ночь. Около дюжины групп одновременно играли в нескольких залах. Один зал для направления фолк, другой для прогрессивного рока, остальные предназначены для поп-рока. В ту ночь выступали Atomic Rooster и Stone The Crow, которые играли там неоднократно. На всех была одна костюмерная комната. Когда мы вошли, в комнате повисла тишина. Как в старом вестерне, когда незнакомец входил в бар, и все умолкали и смотрели. Многие из них знали нас и что мы из себя представляем, но внезапным страшным превращением мы напугали их. И так стало повторяться везде. Люди всегда знали – прибыли Slade. Именно этого и хотел Чес. Мы отыгрывали тот же репертуар в тех же местах, но теперь каждый знал кто мы такие.

Нам представлялось, что со временем интерес прессы и публики замрет, но мы ошиблись. Это казалось бредом. Критики не знали, как дальше поступать с нами. Им нравилась музыка, обзоры всегда были хорошими, но они ненавидели наш облик. В конце концов они перенесли свою ненависть на нашу изнанку. Они не считали наш облик только данью моде. Многие из лондонских критиков не видели нас ранее во времена 'N Betweens и не представляли нашу сущность, они думали - мы настоящие придурки и отморозки. Однако, мы с Доном чувствовали себя неплохо. Мы были верными представителями рабочего класса и, если о нас думали, как о крутых парнях, значит это правильно. Были и свои преимущества. Нас перестали обдирать на деньги. Промотеры всегда стремились обмануть музыкантов при расчетах за выступления. Но не нас. Больше такого желания не возникало никогда.

Несмотря на такую порочную славу, мы никогда не стремились к неприятностям. Иногда, они сами находили нас. Проблемы начались тогда, когда нас заказывали в залы скинхедов или когда скинхеды вламывались на наши шоу. Они медленно просачивались на наши концерты. Это становилось непонятно для людей, которые годами поддерживали нас. Такая тяга к нам была непонятна, потому что мы играли совсем не скинхедовскую музыку. Скинхеды любили ска, регги и блю-бит, но только в стиле артистов с Ямайки, таких как Desmond Deckker, The Aces, Prince Buster.

Однажды в Гилфорд Сивилл Холл как раз и собралась такая скинхедовская толпа. Атмосфера была тяжелой, и мы чувствовали

её дыхание. Закончив, мы погрузили оборудование в грузовик и были готовы к отбытию. Подошла толпа скинхедов человек 40-50. Мы всегда ожидали драк и на эти случаи держали в грузовике духовое незаряженное ружьё. Я не знаю причины, то ли шоу не понравилось, то ли им просто хотелось подраться, мы не стали ждать их первого действия. Бросив остатки оборудования в грузовик, мы запрыгнули внутрь и закрылись. Я опустил окно, выставил ружьё и прицелился. Никогда не видел более быстро удирающей толпы скинхедов. Они разбегались во всех направлениях. Это было комичное зрелище, и я пожалел, что нет с собой камеры. Мы победно пропели прощальную песню, помянув их задницы нехорошими словами.

После выхода *Beginnings* Чес перебросил нас из Фонтаны в Полидор. Обе студии выступали под зонтиком Филипс. Чес плотно работал с Полидор во время взлета Хендрикса, знал весь персонал, что сильно облегчило нам жизнь. Для комплектации нашего второго альбома Чес настаивал на написании собственных песен, но прежде их выхода мы должны выпустить пару синглов. Первый сингл назвали *'Wild Winds Are Blowing'*. Однажды, Чес сказал, что нашел для Slade хорошую песню, полученную от тиражирующей компании. Песня не очень коммерческая, в стиле поп-рок. Она стала нашим первым стоящим синглом, ещё добавили пару вещей с *Beginnings*, которые никак не обещали стать хитами.

Для продвижения *'Wild Winds Are Blowing',* мы первый раз выступили по телевидению. Это было Алан Прайс Шоу. Алан ранее был клавишником в The Animals, потом выступал соло, прежде чем получил свою программу на ТВ. Мы получили отличный прием у публики, которая много о нас слышала и хотела увидеть, на кого же мы в самом деле похожи. Мы исполнили свою версию *'Martha My Dear'* от Битлз, в которой Джим исполнял партию электроскрипки. Вы можете представить впечатление, которое производила кучка скинхедов, распевающих эту милую песню Beatles. Годами позже, я оказался гостем Top Of The Pops. Продюсер дал мне копию того шоу на видео. Несмотря на то, что волновался, выглядел я самоуверенно. А в общем такие клипы часто показывают в программах об известных исполнителях, мол посмотрите, что было и что стало.

Второе появление на ТВ состоялось в Top Of The Pops. Оно связано с нашим следующим сигнлом *'Shape of Things to Come'*, он не стал хитом, но для группы это стало значительным событием. На этом же шоу выступал Элтон Джон, и это оказалось его первым появлением в Top Of The Pops, так же как и наше. Он представил песню *'Lady Samantha'*. Мы знали Элтона, поскольку

поддерживали его пару раз на вечеринках в колледжах в Лондоне. Прежде чем он собрал свой коллектив, он работал на издателя Dick James на Denmark Street. Он работал сезонным музыкантом на записи сборников популярных хитов. Помню зависть к яркому выступлению Джона, в то время, как мы выглядели просто головорезами. Особенно раздраженным был Дейв, ему казалось, Джон увлек всех девушек. Как такое с нами могло получиться?

После *'Shape of Things to Come'* мы начали работу над новым альбомом *Play It Loud*. Чес разместил нас в Олимпик Студио в Барнсе, фантастическое местечко неподалёку от Лондона. Там записывался Хендрик. The Stones и The Who также много раз там работали. Мы не планировали в этом месте запись всего альбома, поскольку цена была высока, но нам выделили небольшую, более дешевую студию, и мы провели там около двух-трёх недель.

Чес настаивал, чтобы мы записали половину дорожек собственного материала. Никогда не было сомнений, что мы можем написать хиты. Чес верил в это. Его совет сводился к тому, что нам нужно один раз отработать формулу хита, и дальше всё пойдет по наезженной колее. Я кооперировался с Дейвом, а Джим с Доном. Дейв и я были гитаристами, поэтому казалось, что это верный путь. На самом деле, происходил эксперимент, и это была первая попытка написать собственные песни. Мы не знали с чего начать и какое звучание песни должны искать. Испытывая затруднения, мы обратились к Чесу. Он посоветовал забыть сложные приготовления и проявить свою сущность бесстрашной рок-группы, бесстрашным написанием бесстрашных песен. Это оказалось хорошим советом. Предыдущие попытки были слишком мудреные. Ранее, для кавер версий мы часто выбирали усложненные композиции, чтобы продемонстрировать своё исполнительское мастерство. Всё это было слишком заумным, претенциозным и не нашим.

Запись альбома для нас стала испытанием, потому что всё должно закончиться через три недели. Все группы занимались песнетворчеством. Битлз и Стоунз проводили в студиях по шесть месяцев. Наши песни были неплохими, но не несли хитовый потенциал. Что-то постоянно отсутствовало. Чес верил, что если постоянно заниматься и практиковаться, то обязательно появится ключ. Он напоминал нам, что Джимми Хендрикс стал лучшим гитаристом, практикуясь по 24 часа в сутки, без гитары его просто не видели. Даже когда он отправлялся на пьянку, гитара была с ним. Не только талант, но и тяжелейший труд сделали его знаменитым.

Также как с Хедриксом, Чес не только был нашим менеджером, но и стал нашим звукорежиссером. У нас не было

такого специалиста со времен Кима Фаули. Чес стал нашим первым хорошим режиссером записи. Он прослушивал нас в пультовой комнате и давал советы по ходу исполнения. Он добивался от нас правильного звучания и имел чуткие уши на появление хитов. В свое время он подметил *'Hey Joe'*, первый хит Хендрикса.

Когда Чес раскопал Хендрикса, он играл в маленьком клубе Гринвич Вилидж в Нью Йорке. Кейф Ричард посоветовал Чесу посмотреть на него. Чес привез Хендрикса в Лондон и переделал его полностью, что собственно повторял и с нами. Мы доверяли Чесу, поскольку знали, что в проект «Хендрикс» он инвестировал всё, что имел. Промотеры надули Animals с деньгами, и он покинул группу с очень маленькими средствами. Как-то Чес рассказал, что за день до вхождения *'Hey Joe'* в чарты, он продал последнюю гитару, жить было не на что.

Play It Loud вышел в 1970. Хотя это наш второй альбом, как альбом Slade первый. Мы начали отходить от образа скинхедов. На обложке альбома мы всё ещё бритоголовые, но уже не такие страшные. У меня кеппи стиля 30-х и клетчатый жакет, который слишком велик. Всё это явилось следствием стремления сделать внешний облик более мягким и приемлемым широкой публике. Многие площадки предпочитали с нами не связываться. Такая же картина была на ТВ. Нужно было постараться убрать ассоциацию с жестокостью.

Play It Loud продавался умеренно хорошо и приобрел хорошую прессу. Мы выпустили с альбома отдельный сингл *'Know Who You Are'* – с одной из наших собственных песен. Когда он не вошел в чарты, нами овладело разочарование. Мы не могли понять, почему наша популярность не увеличивается. Мы были Чесом два года и все ещё не выпустили ни одного хита. Это являлось загадкой. У нас была бешеная концертная деятельность и мощная поддержка прессы. К чести Чеса, он был на 100% уверен, что для нас это вопрос времени и это время настанет, только нужно сделать правильную запись. Чес подчеркивал, что верит в нас и нужно просто работать и ждать. Однако, не всё в бизнесе так считали. «Slade никогда не прорвется, отпусти их и не теряй времени», - говорили они Чесу. Это приводило Чеса в ярость. Негативные оценки делали его неконтролируемым. Он был здоровый парень и мог любому открутить голову. Увидев реакцию Чеса, люди редко осмеливались высказываться в наш адрес ещё раз.

Что касается денег, то мы неплохо зарабатывали. Настроение держалось на хорошем уровне, потому что билеты на наши выступления полностью продавались в залах вместимостью 1.500

человек, это больше чем собирали многие группы. Приходя на концерт из любопытства, народ уходил с чувством симпатии к нам. Ужасный облик не мешал воспринимать песни, которые, в самом деле, были интересны. В то время многие прекрасные группы, подобные Stone The Crows, никогда не имели хитов. Даже такие гранды жанра, как Status Quo не входили в чарты. Мы играли по рок-клубам, пока именитые коллективы чесали по танцзалам, соответственно, предполагался разный контакт с публикой. Когда группа умудрялась сделать хит, все девушки в зале сопровождали выступление криками и слезами. Это не наш стиль. Мы хотели популярности, но также желали, чтобы публика отслеживала песни, не впадая в истерику. Мы хотели доставлять радость нашим слушателям.

Неизменный успех наших живых концертных шоу подсказал Чесу следующий верный шаг. «Вы должны постараться перенести оживленность сцены на студийную запись», - очередная свежая идея Чеса. Как только слова были произнесены, мы точно знали, что должны сделать. Нужно было закатать на дорожку сингла наш лучший концертный номер. Это мы и сделали. Пару лет мы заканчивали выступления своей версией *'Get Down and Get With It'* Литл Ричарда. Это двенадцатитактная с блюзовой основой вещь, но с каким-то магическим эффектом. Публика её очень любила и была готова разнести зал на части. Это была очень заводная песня, близкая к музыкальной сущности Slade. В оригинале у Ричарда звучали фортепьяно и саксофон, наша версия была много тяжелее, с акцентом на мощный гитарный звук. Чесу вещица тоже нравилась. Выбор для сингла определен!

Связь со скинхедами оставалась частью *'Get Down and Get With It'*. Хотя мы играли совершенно иной тип музыки, им нравилась напористость и жесткость рокового исполнения. Они взяли за привычку притоптывать ногами в ритме исполнения этой песни. Они переработали такой тип танца – «притоп под луной», и это стало неотъемлемой частью исполнения. В первом куплете я просил всех прихлопнуть в ладоши, и публика откликалась, высоко вытянув руки и хлопая в нужном месте. На втором куплете возникал призыв притопнуть ногами. Особенно хорошо этот притоп получался у скинхедов, потому что они носили тяжеленные ботинки. В этот момент зал вздрагивал сейсмической волной.

Перенести дух *'Get Down and Get With It'* в студию оказалось непросто. Чес посоветовал не мудрить, а исполнить песню так же, как и на сцене. «Взорвите воздух звуком и представьте, что публика рядом с вами», - сказал Чес. Мы пришли в Олимпик и сделали, как он подсказал. Это очень простая песня - всего три

аккорда. Запись прошла удачно с первого раза. Несмотря на студийные ограничения, мы добились необходимой жесткости звучания и добавили интересную партию фортепиано.

Но, по мнению Чеса, что-то было упущено. Он, светлая голова, предложил добавить хлопки ладоней и притоп ногами. На выходе из студии находилась большая лестница, неоценимый источник эхо-эффекта. Мы установили там микрофон и вчетвером исполнили партию рук и ног. Перезаписывая несколько раз фонограмму, мы добились эффекта звучания в большом зале с живой публикой. Этого Чес и добивался.

Первым делом *'Get Down and Get With It'* была разослана на радиостанции, но диджеи не торопились запускать её, потому что вещь оказалась довольно жесткой. Некоторые, как John Peel всё-таки начали её крутить. Тогда, довольно медленно началась распродажа пластинок. Всё это взволновало нас. До той поры мы не слышали себя по радио. Мы несколько раз играли вживую для Рэдио №1. Они придерживались своих правил и, кроме фонограмм, преимущественно давали в эфир либо исполнение из студии, либо с концерта в какой-то части страны. Каждый послеобеденный эфир Рэдио 1 Клаб транслировал именно такие выступления, и мы частенько участвовали в этой работе. Прокрутка записанного сингла была совершенно иным делом. Когда один из нас слышал запись по радио, он звонил остальным и говорил - «Мы снова на Рэдио 1». Это был первый вкус настоящего успеха. Дверь известности приоткрылась!

Мы наблюдали восхождение сингла в чартах. Когда он вошел в двадцатку (Top 20), нас пригласили в Top Of The Pops, как хитовых артистов. Шоу записывалось в среду, а выходило в четверг. Мы прибыли в студию БиБиСи и находились там с 9 утра до 9 вечера. Сделав пару репетиций, мы записали хороший ролик. Это фантастика! Мы никогда не были группой, вызывающей нервную крикливую реакцию публики, потому что никогда не были «приятными парeньками», но девушки всё-таки любили нас, за разбитной и задиристый вид. Они пели и танцевали вокруг нас вместе с парнями. Мы всё ещё выглядели, как скинхеды, но сильно смягчили имидж. Волосы отросли до воротников, одежды, в отличие от сероватых рубашек Ben Sherman, светились радужными красками.

В следующий вечер мы вместе просматривали шоу. Крутились мысли о том, что, наконец, мы сделали то, к чему стремились. Мы знамениты. Привитое дерево начало плодоносить. Конечно, мои родители были довольны. Top Of The Pops был институтом общественной жизни. Передачу смотрела каждая семья. Мама позвонила мне и поделилась своими

чувствами. Все соседи во время просмотра были рядом, и мама очень гордилась мной.

Несколькими неделями позже наша радость оказалась омрачена. Оказалось, что действительным автором песни был не Литл Ричард, который пользовался правом на исполнение песни от Бобби Маршанта. В своё время Бобби выпустил авторское исполнение песни, которое мы никогда его не слышали. Звукозаписывающая компания оказалась вовлеченной в судебное разбирательство, но мы об этом в дальнейшем больше ничего не узнали.

'Get Down and Get With It' изменил всё вокруг нас. Это старт настоящего успеха. Мы долго работали над нашим сценическим образом и, внезапно, он перестал играть свою решающую роль. Пугала неопределенность последующих шагов. Чес настаивал, чтобы мы закончили с записью каверов и начали сочинять собственные хиты. Нельзя стать серьёзными артистами, если не выпускать собственные вещи. Он внушал нам, что задача выполнима, но мы не были достаточно уверены в себе.

В первый раз я и Джимми решили попробовать совместные усилия. Предыдущий опыт не имел успеха, так что терять было нечего. Джимми пришел ко мне домой, и мы взялись за наши гитары. Путь к достижению цели казался неясным. Мы просто хотели написать песню. Мы начали с рифа, такой ритмической фигуры, которую наигрывали сто лет. Мы использовали его перед выступлением для настройки скрипки. Мы знали, что он цепляет. В костюмерной, где обычно его наигрывали, все спрашивали, что это такое. А это просто упражнение, тренировочный мотив. Через двадцать минут мы закончили *'Coz I Luv You'*. Мы наложили гармонизацию на ритмическую фигуру, вот и всё. Мы замешали аккорды, и я напел мелодию. Слова сами сложились в моей голове. Сразу пришло чувство, что получилось нечто интересное. Это очень отличалось от всего ранее произведенного.

На следующий день мы показали песню Чесу. В те времена было не модно делать демо-версии. Мы сели, взяли гитары и наиграли вещицу прямо в офисе. Немного нервничали, потому что знали Чеса и не были уверены в его реакции. Чес всегда был очень критичен и не стеснялся в выражении чувств. Если что-то не нравилось, будьте уверены, получите жестокий разнос. Мы отыграли и промямлили несколько слов, что хорошо бы добавить партию скрипки, что приведет к появлению некоторой характерной особенности звучания. Прежде чем мы закончили говорить, он сказал: «Я думаю, вы написали свой первый хит. А ещё я думаю, что это ваш первый хит №1!». Это очевидно шутка. Но Чес не шутил, а спросил, нет ли ещё чего-нибудь. У нас не

было, мы только, что закончили нашу первую попытку.

Чес настоял на немедленной записи песни. Мы порепетировали, отработали другие партии и соло скрипки. Проблем не было, песня проста. Запись сделана за два дня. Откровенно говоря, нам самим она не нравилась так сильно, как Чесу. Нам казалось, что после *'Get Down'* вещица звучит слабовато. Она вполне запоминающаяся, но слишком в стиле поп, не совсем тяжелая песня, как полагалось бы для номера Slade. Мы предложили усилить вещь хлопками и притопами, как в *'Get Down'*, и Чес согласился. Я также предложил добавить простой вокальный риф в конце припева и этот прием стал ещё одной нашей фишкой. Это пришлось к месту и потом использовалось неоднократно, как наша торговая марка.

Всё шло хорошо, но название явно портило песню. Сначала было предложено *'Because I Love You'* (Потому что люблю тебя). Чес сказал, что это слишком слезливо, совсем не подходило к звучанию и нашему имиджу. После *'Get Down and Get With It'* это неподходящее название. Тут подошла идея отразить в названии наш диалект. Мы вспомнили манеру небрежных молодежных надписей на туалетах Средней Англии. После нескольких вариантов остановились на *'Coz I Luv You'*.

Слезливость исчезла, появился характер. Чес был в восторге. Он гарантировал достижения первых позиции чартов вплоть до №1. Чёрт! Через две недели после выпуска так и случилось. Мы улетели на Луну!

Тогда чарты выходили по вторникам. Сделав телефонный звонок, вы могли узнать свою позицию. Я помню, что находился дома, когда Чес позвонил мне и сказал: «Вы сделали это! Я обещал вам №1- получите!». Я испытал неописуемое чувство, ведь это то, для чего мы упорно работали годами. Если некоторые группы говорят, что они не стремятся к №1, не верьте им, особенно если это длится столько, сколько в первой позиции продержались мы. Я и Джим нашли верную комбинацию. Теперь, как команда, мы знали, как писать хиты. С тех пор мы с Джимом писали вместе.

Все радиостанции крутили *'Coz I Luv You'* до смерти. Вещь имела характер. Поп-мотив с запоминающейся мелодией. Вокал и скрипка выделяли её в особый ряд. Было продано полмиллиона пластинок за две недели. Пресса атаковала каждый день. Через день после взлета на №1 мы приехали в Лондон на Top Of The Pops. Мы были очень взволнованы и едва обменялись словом друг с другом. Неделей раньше мы уже здесь выступали, но тогда нашей позицией был №2, а теперь всё происходило по-другому. Песня-убийца выбила с первой позиции классический хит Рода

Стюарта *'Maggie May'*, который удерживался целую неделю и, как всем казалось, останется на вершине целую вечность. Я тогда думал: «Мой бог! Выбили Рода Стюарта, невероятно!».

На следующей день после выступления в студии Top Of The Pops, записывающая компания прислала несколько ящиков шампанского. Мы праздновали в костюмерной, и я пригласил другие группы присоединиться к нам. Это продолжалось на каждом шоу, которые мы играли. Выступление в Top Of The Pops начало работать, как таран. Продюсеры любили нас, потому что мы наполняли до отказа залы, другие артисты и сотрудники студий любили нас, потому что в нашей костюмерной всегда можно было выпить и вход был открыт для всех.

Выступление в Top Of The Pops позволило осознать отличие в поведении от других команд. Мы радовались сами и делились радостью с другими, не задирая нос, какой бы величины хит мы не выпустили. Некоторые артисты вели себя заносчиво, как звезды, даже вне пределов сцены. Они не позволяли заходить к себе в гримерки, ограничивая круг общения. Нам это не нравилось. Мы хотели веселья и шуток и всегда принимали столько людей, сколько возможно. Став известными, мы не изменили характера Slade и всегда были просты и открыты для веселья так долго, как долго существовал Slade.

▲ *Publicity shot from Slade's big screen debut* – Slade in Flame.

▲ *Slade in '76. The American sojourn.*

Дебют на большом экране - Slade in Flame

Slade в 1976, американское турне

HARRY GOODWIN

◀ *This is what you call a tie!*

Это то, что вы называете галстуком!

◀ *My flabber was ghasted! Michael Aspel catches me with the big red book on* This is Your Life.

▼ *That's my boy. Me and Django.*

Мой ослабший дух взбодрили. Майкл Аспел поймал меня в красную книгу!

Это мой сынулька Джанго.

Вот так с нами расправлялась пресса.

REX FEATURES

▲ *Slade on stage in the early '80s.*

BBC TELEVISION

▶ *Vic Reeves and Bob Mortimer as Noddy and Dave, living entirely on Cup-A-Soups.*

Slade в ранних 80-х

Вик Ривс и Боб Мортимер, как Нодди и Дейв, полностью вжились в образы своих героев.

'Coz I Luv You' входила в чарты три недели в ноябре 1971. Для нас началась эра взлётов и падений, которая длилась пять лет. Эта была круговерть концертов, радио-шоу, ТВ выступлений, студийной работы и гастролей. После многих лет трудностей, мы добрались до бочки мёда. Каждый хотел кусочек нас. Даже молодежная пресса нас полюбила. Это загадка. Наш имидж скинхедов отпугивал молодежь, но после №1 случилось преображение. Пришло время кардинально поменять имидж. Женские журналы выражали заинтересованность в общении с нами, но мы боялись слишком качнуться в сторону образа поп-артистов.

В ранних 70-х существовало два типа групп. Одни продавали синглы. Другие альбомы. Группы, выпускающие синглы, считались поп-группами. Их аудиторию преимущественно составляли молодые девушки, которые приходили на концерты, чтобы увидеть своих идолов, покричать и поплакать. Даже на концертах Битлз девушек было больше, чем парней. Когда я слушал концерт Битлз в Бирмингемском Ипподроме, я не мог толком различить ни одной песни из-за истерического крика. Когда NME устроила концерт на Уэмбли, наблюдалась такая же картина. Альбомные артисты вели себя более сдержано. Они играли концерты в относительно небольших залах наподобие The Marquee, где фаны танцевали и подпевали артистам. Проблема состояла в том, что, как только вы выпускали хит, вы переходили в разряд групп, вызывающих истерию. Единственный путь избежать этого заключался в проведении целенаправленной работы в молодёжных изданиях.

Также как и Дейв, я склонялся к варианту одновременного существования в двух ипостасях – быть и поп и сдержанно-стильной группой, что тогда было неслыханным делом. Мы же хотели продавать, как синглы, так и альбомы. Дон вообще легко относился к тому, как нас воспринимают, но Джим воспротивился против позиционирования, как поп артистов. Он говорил, что это подрывает наш стиль. Честно говоря, Джим больше подходил для Led Zeppelin, чем для Slade. Джим был замкнут, ненавидел интервью и фотографирование, никогда не отвечал на вопросы, что он ест на завтрак и т.п. В конце концов, мы пошли на контакт с женскими журналами и молодежными ТВ передачами. Джим

согласился на расширение нашей привлекательности, но всё равно ненавидел все сопутствующие действия.

Прошло некоторое время, прежде чем мы окунулись в волну успеха и немного расслабились. Долгое время мы сомневались, что сможем выпускать хиты. Такое же чувство преследовало и компании звукозаписи. Если у вас есть контракт на пять лет, вы обязаны выпустить пять альбомов, и компании стремились к выпуску успешных вещей. Мы это поняли, когда Полидор, потратив на нас некоторое время, всё-таки разорвал контракт.

Наибольшие перемены произошли в местах выступлений. Даже после нашего №1, мы продолжали играть по клубам. Продолжал действовать заказ на шесть месяцев, и мы были намерены отыграть концерты. Отказаться - означало бы разочаровать наших поклонников и подвести промотеров, которые поддерживали нас в нелегкое время. Некоторые клубы добавили денег за выступления, но большинство платило по старым ставкам. Зато реакция публики оказалась феноменальной. Когда мы прибывали к месту выступления, толпы желающих попасть наводняли округу. Фаны не могли поверить, что именитые любимцы, которых они видели в Top Of The Pops приехали к ним в местный маленький зал.

Я помню выступление в небольшом пригородном клубе Бирмингема. Сейчас это часть большого гольф клуба. Мы часто играли в этом месте, и билеты всегда шли нарасхват. У нас должно было состояться последнее выступление, и мы подтвердили своё участие. Заведение располагалось у дороги. Желающие попасть в клуб растянулись на полмили. Когда мы вышли на сцену, люди, не попавшие в помещение, пытались разглядеть нас через окна. В первый раз мы почувствовали степень нашей популярности.

Следующим шагом после *'Coz I Luv You'* следовала запись альбома. Это нас несколько напрягло. Давила необходимость быстрой работы. В 70х не было принято сначала выпускать альбом, а затем делать синглы с песнями из альбома. В действительности, наши хиты выходили раньше, чем выходил альбом. К счастью, Чес подсказал верное решение, которое заключалось в записи альбома концертного исполнения. Просто нужно записать дорожки в концертном звучании. Это оказалось шокирующим ходом. Концертные альбомы не были особенно популярны. Но Чес всё продумал. Старые поклонники примут такой диск на ура, потому что там будут уже знакомые песни. С другой стороны это будет хорошим материалом для знакомства со Slade новой аудитории. И проблема сжатого времени тоже хорошо разрешалась.

Чес снял на три дня большую студию недалеко от лондонской Пикадилли. Мы отыграли три раза со вторника до четверга. Затем микшировали звук и отбирали наиболее удачные версии песен. Студия напоминала маленький театр и вмещала человек двести. Мы дали по радио объявление, что приглашаем членов нашего фан-клуба, и вход свободен для всех желающих.

На второй день мы приехали на запись прямо с выступления Top Of The Pops. *'Coz I Luv You'* всё ещё была №1, и мы отработали третье или четвёртое шоу. В ту ночь мы записали последние вещи, и альбом был готов. Атмосфера в зале казалась наэлектризованной. Мы выделывали на сцене всё, что хотели и публика завелась. Каждый хотел, чтобы его выкрик остался на записи, поэтому они кричали громче, чем обычно. Уже после первой песни все дошли до сверхкондиции и это было то, что нужно и подстегнуло и наше настроение для наилучшего исполнения. Вы можете прослушать тот альбом и окажетесь в старых добрых временах.

В ту ночь случился один примечательный момент. Мы исполняли *'Darling Be Home Soon'*, написанную Джоном Себастьяном. Это спокойная баллада, которая потом развивалась в сумасшедшее крещендо. Перед мощным окончанием мы играли тихо и нежно. К несчастью, я громко рыгнул. Весь день я пил и ничего не мог с этим сделать. Публика рассмеялась. И нам это показалось смешным. Когда потом прослушали, фрагмент звучал весело, и мы оставили запись, не меняя этого места. Этот трюк стал торговой маркой исполнения песни. Каждое новое выступление поклонники ждали повторения этой выходки и, если её не происходило, они оставались разочарованы. Они были уверены, что это часть песни.

Альбом закончили в пятницу. Все дела заняли менее недели. Благодаря микшированию, общие затраты на запись не превысили 400 фунтов. Мы решили назвать диск *Slade Alive*. Он точно отражал нашу музыкальную сущность и ухватил юмор и веселье концерта. Нужно было определиться с оформлением обложки. Чес опять подсказал замечательную мысль – привлечь к разработке оформления обложки кого-то из поклонников. Нам идея понравилась, и для этого развернули соревнование.

Соревнование началось спустя несколько дней в The Sun. Поступали тысячи предложений. Мы были потрясены. В качестве приза должно было стать не только разработка обложки, но и поездка в Америку. Газета отобрала пять лучших работ и представила нам возможность определить победителя. Мы выбрали самую убойную. Это был рисунок двух медведей, большого и маленького, стоящих рядом. Никакой связи с

альбомом, просто нам это понравилось. Великолепный рисунок ироничный и смешной. Он не попал на обложку, но присутствовал на развороте. Мы также внутри поместили выдержки из обзоров прессы, хорошие и плохие, чего ещё никто не делал. На главной обложке разместился снимок «мы на сцене». Картинка была в красных и чёрных тонах, наши тени. Только внимательно присмотревшись, можно было понять, что это мы. Пару лет спустя один из парней зашёл к нам в гримерку, снял рубашку и показал татуировку. Всю его спину покрывали два медведя. Пока это был черно-белый рисунок, но он собирался сделать его цветным.

Slade Alive вышел в 1972, сразу стал №1 и оставался в чартах восемнадцать месяцев.

Он имел огромную популярность и в других странах. Даже сегодня многие люди говорят мне, что это их любимый альбом Slade. Он захватил энергию наших живых выступлений, но, несмотря на это, стал коммерчески успешным. Это также помогло нам отойти в сторону от поп-артистов. Отныне мы стали не только сингл-группой, но и группой, выпускающей хитовые альбомы. Прекрасно, мы всё-таки стали и популярными, и стильно-сдержанными артистами.

Slade Alive наконец увел нас от старого скинхедовкого имиджа. Мы стали одеваться ярко и небрежно, Джим и Дейв снова отрастили волосы. Наш вид больше не пугал приверженцев поп-стиля, что было важно, особенно когда мы отправились за границу. Промотеры больше не беспокоились, какую публику мы привлекаем на концерт.

Первой страной нашего турне стала Голландия. *'Get Down and Get With It'* вошла в местные чарты ещё раньше чем в Британии. Мы выступили в передаче *Top Pop*, которая был эквивалентом британской Top Of The Pops. Выступление быстро сделало нас популярными, и последовало приглашение на фестивальное выступление в парке Амстердама. По прибытии выяснилось, что мы заявлены, как лидирующие артисты, и возглавляем фестивальные афиши. Место оказалось очень хорошим, огромный парк с озером посредине. Только одно нехорошо – перед сценой стояло огромное дерево. Чес вышел из себя, когда увидел это. Он стал орать на промотеров и сказал, что его парни не выйдут на сцену выступать перед этим чертовым деревом. Чес умел добиваться своего. Перед началом фестиваля дерево было спилено.

В этой поездке нам заказали отель 13 Balken. Мы останавливались здесь в первый раз, и это место оказалось очень примечательным. Оно располагалось в квартале красных огней и

напомнило мне старые дни во Франкфурте. Там тоже встречались подобные кварталы, но тогда мы не имели возможности познакомиться с их жизнью. Здесь, пройдя по кварталам, мы увидели секс-шопы и обнаженных женщин за стёклами витрин. Это было впечатляюще.

На следующий день, когда, спустились на завтрак, увидели местных леди, которые пришли что-нибудь покушать. Мы разговорились и подружились. Они рассказали о своём житье-бытье, о детях, каким образом попали в проституцию. Было много историй о клиентах и их фантазиях. Наши разговоры в дружеской манере происходили каждое утро, а вечером мы могли видеть их обнажённые тела за стеклами окон. Позже мы останавливались в отеле много раз и всегда вносили их в список гостей концертов, что возвращалось к нам их бесплатной благодарностью.

Владелец отеля оказался примечательной личностью. Он был полностью безбашенным, но мы с ним подружились. Мы всегда останавливались в 13 Balken, хотя могли позволить себе более роскошный отель. Когда же, по соображениям безопасности, мы были вынуждены заказывать крупный отель, то всегда встречались и хорошо проводили время. Он приходил на все наши концерты, а в течение дня гонял по улицам Амстердама на мотоцикле, как лунатик. Через пару лет он всё-таки убился на своем мотоцикле, и это никого не удивило. Он был очень странный парень, но мы его любили.

Наши заграничные поездки становились чаще и чаще. До выхода *'Coz I Luv You'* мы проводили не больше недели в Германии, Голландии или Бельгии. Внезапно, наш хит ударил по Европе, и нам пришлось осуществлять его поддержку по всем территориям. До этого у нас не было такого плотного графика поездок. Мы въезжали в страну, записывали ТВ-выступление, затем отыгрывали два-три концерта за два дня, и снова в путь. К тому времени у нас появился хороший грузовик и две постоянных команды техников, что позволяло оборачиваться очень быстро.

Следующий сингл *'Look Wot You Dun'* вышел в феврале 1972. Мы всё ещё выполняли безостановочное турне. Началась напряжёнка. Один день в Германии, следующий в Скандинавии. Главным образом, мы выступали на ТВ шоу. Везде существовал эквивалент передачи Top Of The Pops. Это были очень популярные передачи, и известность увеличивалась в два раза за одну ночь выступления. Одной из главных передач была германская Beat Club. Все наиболее крупные группы 60-х и 70-х отмечались на этом шоу. Другая передача называлась Music Laden, где присутствовала затейливая мешанина из европейских и британских групп. Передача напоминала варьете, где выступало

две-три поп- или рок-группы в сочетании с традиционными германскими певцами.

Именно на этой передаче мы впервые столкнулись с ABBA. Они были очень веселые. Мы делали по 3-4 ТВ-шоу за неделю, они крутились в таком же режиме. Обычно в аэропорте они ждали тот же самолет, что и мы. Было смешно видеть их, как знак начала дня, взъерошенными и с туманными газами. Они смотрелись немного хуже, чем мы. Однако, на записанном шоу они выглядели всегда тщательно одетыми и отлично загримированными. ABBA знали, кто мы такие, потому что в Скандинавии началась волна наших хитов. В их глазах мы являлись поп-звездами, они же были ещё не раскрученными артистами. Но отношения были самые дружеские. Их, в отличие от других европейских артистов, заставших нашу скинхедовскую фазу, не отпугивал наш вид и репутация. Многие боялись подойти к нам и заговорить. ABBA не стеснялись. Другими артистами, с которыми мы крепко подружились, стали Boney M. Это звучит, как содружество, порожденное в аду, но мы часто вместе прекрасно проводили время.

Я не могу сказать, сколько мы провели разговорных ТВ-шоу, возможно сотни. Европейцы любили нас, мы были на вершине популярности. Местным артистам было тяжело выступать за нами. Мы много дурачились и выкидывали разные штуки, включая разбрасывание барабанов и поломку инструментов.

Даже в 80-х европейские ТВ шоу отличались от британских. В Германии вы выступали с дюжиной других артистов. Шоу прокручивалась в залах на 10000 мест. Часто приходилось тратить на одну запись до трёх дней. Первый день - репетиция для камеры и звукорежиссера. Для нас пустая трата времени. Мы проводили этот день, отдыхая с другими артистами, больше делать было нечего. Второй день - репетиция с костюмами и присутствием публики. На третий день шоу записывалось с новой аудиторией. Три дня - на трёхминутную песню. Всё это изматывало, как концертное выступление.

Во Франции существовал свой порядок. Они вообще не имели поп-программ. Там преобладало варьете шоу с французскими комиками и танцорами.

Приходилось выступать после акробаток в сверкающих трико, с дрессировщиками животных и т.п. Это было похоже на цирковое выступление, только по ТВ. Ужасная мешанина из всего возможного к показу. Работники французского ТВ также удивляли. Во время ланча, в 3-4 часа дня, все исчезали и студия вымирала. Полный хаос. Когда происходило что-то незапланированное, все начинали суетиться и кричать.

В 70-х Франция представляла из себя очень странный рынок английских групп. В стране работала только одна поп радиостанция. Градация популярности песен выстраивалась очень медленно и с опозданием. Выпущенная нами *'Merry Xmas Everybody'* в 1973 достигла первой позиции чартов на Пасху 1974.

Каждый раз, когда мы выпускали очередную запись, нам приходилось повторять европейские ТВ шоу. Видео рынок ещё не сформировался, во всяком случае, в том виде, каким он является сейчас. Мы снимали видеоролики для поддержки синглов в таких отдаленных местах, как Австралия, но это не было похоже на современное видео. Это были короткие и малозатратные фильмы с встроенной звуковой дорожкой. Обычно мы снимали их невдалеке от Лондона. Действие одного из них проходило на Euston Station, где четверка двигалась вверх и вниз по эскалатору. Выпущено и несколько студийных видеозаписей, на которых мы, надев наушники, демонстрировали запись какой-нибудь вещи. Видео, как мощный инструмент, заработало несколькими годами позже. Группы не очень заботились об этом направлении, поскольку программ, которые могли крутить это, было мало. Местные магазины грамзаписей могли показать транслируемый по эфиру ролик, если вы выступали этой ночью в данной округе, или ваш сингл расходился хорошо, вот собственно и всё видео. Поп шоу предпочитали трансляции живых выступлений артистов из студий.

Между проведением ТВ шоу, поездок и выступлений мы должны были находить время для сочинения и записи новых песен. Чес подстёгивал нас к написанию следующего сингла сразу после выхода предыдущего. Как только мы выпадали из чартов, необходимо представлять очередную вещь. Началась безостановочная работа в течение последующих четырех лет. Перерыв между выпусками хитов не превышал 3-4 месяца, в зависимости от того, как долго предыдущий хит входил в Top 30. *'Look Wot You Dun'* вышла через три недели после того, как *'Coz I Luv You'* всё-таки вылетела из списков. Она довольно медленно доползла до №2, видимо прошло не менее месяца. Это был успех, но для поддержки определенного имиджа в глазах публики и организации хорошей продажи пластинок этого оказалось недостаточно. Сингл не совсем отражал нашу сценическую сущность и не имел того «рубленного» звука, который стал нашей визитной карточкой. Это простая попсовая песня, написанная на фортепьяно. Мы чувствовали, что это не самая удачная запись, поэтому появилась необходимость выпуска чего-нибудь вдогонку. Перевыпускать версию *'Look Wot You Dun'* не стоило, потому что вещь слишком короткая и особенно мудрить было не с чем.

Весной 1972 мы получили первое стоящее турне. Это оказались выступления на больших площадках и мы взяли Status Quo, как открывающих артистов. К этому времени их музыка приблизилась к нашей. Они поменяли имидж 60-х, когда вышли их первые хиты. Теперь они стали буги-рок группой, облаченной в джинсу.

Билеты тура оказались мгновенно распроданными. Наши старые поклонники хотели посмотреть на нас на «широком поле», а новые фаны не могли достать билеты в малые залы и тоже приветствовали наше появление в больших театрах. Мы отыграли в каждом крупном городе Британии. Первая ночь прошла в Глазго в Гринс Плейхаус, который позже превратился в Аполло. Глазго был общеизвестен, как непростая площадка для выступлений. Если вы нравились публике, все проходило фантастично. Если нет, это ваше несчастье. Но годы успешных выступлений в Шотландии, сделали своё дело. Всё же сначала, мы были шокированы реакцией публики. У нас отсутствовал опыт таких больших выступлений и управления аудиторией, которая могла стать яростной и выйти из-под контроля.

Я помню опасения, перед выходом на сцену Гринс Плейхаус, которая оказалась невероятно высокой. Могло возникнуть чувство изолированности от аудитории. Одно дело выступать в небольшом зале, когда зрители находятся в непосредственной близости и совсем иное, если вы разделены большим пространством. Когда мы вышли на сцену, зал взорвался. К счастью, мы обладали великолепным звуковым оборудованием, это позволило перекрыть шум зала, который был невообразим. Первый раз истеричные девчонки попали на наше шоу, но, слава богу, они составляли только половину аудитории, остальная – мужская половина. Публика составила прекрасную смесь тини-боп и тех, которые любили группы подобные Deep Purple.

В ту ночь мы осознали значимость нашего прорыва. Мы действительно стали поп звездами и почувствовали это. Теперь приходилось останавливаться в хороших отелях с соответствующей охраной. По прибытию нас уже поджидала толпа поклонников, ещё хуже обстояло дело с прибытием на место выступления. Мы уже не могли свободно пройтись по городу. С этой поры началась другая жизнь.

После выступления, я едва не был арестован. Два полисмена из офиса шерифа поджидали меня в костюмерной. Они собирались забрать меня в участок. Я произнес на сцене слово 'fuck' и родители подростков пожаловались на меня в полицию. Можете представить реакцию Чеса, когда они вошли в комнату. Все праздновали и пили, и вдруг наступило молчание. Подумали,

что проверка на наркотики. Но парни подошли ко мне и сказали, что мною на сцене произнесено слово «f». Я ответил, что это скорее всего ошибка, что я не мог произнести такое слово среди стольких молодых людей. Лицо Чеса неописуемо. Он постарался уладить дело миром и сказал, что это совершенно нежелательная вещь в начале распроданного турне. Полицейские вошли в положение, но прочитали мне лекцию о поведении на сцене. С другой стороны, доказать что действие имело место было тяжело, пришлось бы опрашивать 3000 человек. История попала в газеты. Начался скандал. На самом деле ничего грязного не писали. Если бы меня действительно арестовали, тогда бы развернулась настоящая шумиха. На вопросы журналистов я ответил, что просто поступило цензурное ограничение. В действительности, я не чувствовал свой вины, ведь каждый день в школе ребята слышали и много худшие слова.

Однажды, после выступления мы вернулись в гостиницу, и зашли в бар. С нами прибыл Билли Конолли. Он был известным шотландским комиком, а ранее в 60-х певцом в стиле фолк в группе Humblebums вместе с Джерри Раферти. Мы никогда раньше не встречались, но я хорошо знал его имя с прежних гастролей по Шотландии. За разговором он поделился неприязнью к той стороне известности, которая ограничивает свободу передвижения из-за фанатизма поклонников. Я не знал, что ответить, это новая сторона жизни ещё только открывалась нам. Билли носил бороду, и все узнавали его, не давая прохода. После того, как нас по пути на концерт и обратно стал сопровождать эскорт, я понял, что старой нормальной жизни пришел конец и надо подстраиваться под новый, не всегда веселый стиль жизни.

Остаток турне прошел фантастично. Мы стали новой поп сенсацией и нас начала сопровождать толпа кричащих подростков, куда бы не направлялись. Мы уходили со сцены, плюхались в полицейский грузовик и нас доставляли к месту. Люди висли на бортах грузовика, такое сумасшествие не прибавляло настроения. Когда мы играли по клубам, всегда на выходе из дверей нас поджидали поклонники, но это совершенно другой уровень -3000 человек внутри зала и примерно столько же снаружи, те которые не смогли попасть в зал.

Дейву, Дону и мне знаки внимания нравились. Джим ненавидел их. Он никогда не входил по-настоящему в рок-н-рольный стиль жизни. Ему нравилось писать песни, записываться на студии, но он не терпел контакта с поклонниками и не любил разъезды. После выступления он предпочитал лечь в постель, чем куда идти и праздновать. Он спал больше, чем кто-то из моих

знакомых. Мы втроем шли в город, Джим устраивался на боковую. Затем происходило новое выступление и возвращение в отель. Он просто не любил отрываться от дома, хоть бы и временного.

Дейв оказался полной противоположностью. Он не возражал против студии, но жил для концерта. Ему нравилось быть узнаваемым на улицах и отбиваться от настойчивых фанов. Мне тоже это поначалу казалось приятным, но потом превратилось в головную боль. У гостиницы околачивались кучки болтающих всё ночь подростков, это мешало пройти и заснуть. Появилась проблема, как, натянув на нос шляпу, незаметно ускользнуть. Если номер не проходил, начинался кошмар. А Дейв широко шагал в открытый мир в своей шокирующей одежде. Такое жуткое внимание повергало его в благоденствие.

После турне мы должны были отыграть множество концертов, ибо распродано их множество. Мы всё ещё боролись за успех. Парадоксальная ситуация. Пришло понимание, что удержать популярность не менее тяжело, чем завоевать в первый раз. Нельзя спадать по наклонной плоскости. Нужно остановиться и хорошенько подумать, что должно стать следующим шагом. А этот шаг должен оказаться решающим ударом и мы хорошенько сознавали серьезность выбора.

В июне мы выпустили *'Take Me Back Home'*. Сингл был много лучше чем *'Look Wot You Dun'*. Классическое резкое звучание Slade. Сначала он не оправдал наших надежд. Подобно *'Look Wot You Dun'* началось медленное движение вверх. Потом произошел прорыв. Нас пригласили выступить на Линкольн Фестивал, который на полях Линкольншира организовал актер Стэнли Бэкер. Я не знаю почему его подключили к организации фестиваля, может из-за его музыкальности. Событие должно длиться три дня и это самый большой фестиваль со времен Айсл оф Вайт. Все другие привлеченные актеры были с уклоном в движение хиппи, Должны были выступить Джо Кокер (Joe Cocker), The Beach Boys, Род Стюарт (Rod Stewart), The Faces, Status Quo и Lindisfarne. Очевидно, мы попали в афишу по прихоти Стенли, поскольку он являлся поклонником Slade.

Фестиваль начался в субботу и оканчивался в понедельник. Это были майские праздники. Мы были заявлены на воскресенье, а в вершине афиши красовались The Beach Boys. Наше время определялось, как ранний вечер. Всю субботу, утром и после обеда в воскресенье лил хороший дождь. Публика промокла, а земля превратилась в грязь. Повисла странная атмосфера. Когда мы прибыли, выяснилось, что будем выступать после Monty Python's Flying Circus. Жребий показался нам ужасным. Переход от

музыки Monty Python к нашей казался крайне неудачным. На самом деле всё прошло хорошо. Над такой очередностью выступления потрудился Чес, как мы потом узнали и очень на него злились. Чеса волновало одно. Это было время захода солнца, и мы могли хорошенько использовать наш свет, что оказалось немаловажно, ведь видеоряд группы существенно выделял её на фоне других.

Во время выхода на сцену нас обшикали. Это случилось первый раз за всё время выступлений. Публика оказалось невероятно «хиповой» и ненавидела поп группы, которой, по мнению большинства зрителей, мы являлись. Уже сам факт, что мы выпустили хит №1, отворачивал от нас публику. Не все слушатели были настроены на освистывание, но достаточно много предубежденных людей создавали недружественную атмосферу. Мы стойко приняли такое отношение, а больше и нечего было делать. К нашему счастью через две минуты после нашего появления дождь прекратился, и врубили весь свет. Внезапно все встали, после сидения в течение долгого дня.

После первой песни люди пришли в иступленное состояние, место просто взорвалось.

Мы изумили всех, особенно прессу. Мы видели их, сидящими в первых рядах и готовых поносить нас, но даже они вскочили на ноги и начали танцевать. Мы вызвали шторм при тихой погоде, и это было прекрасное чувство. Нам позволялось пробиссировать только один раз, но мы могли продолжать часами. Когда мы всё-таки спустились со сцены публика продолжала сумасшествовать и песнопениями умоляла вернуться на сцену и мы не знали, что делать дальше. Посмотрели на организаторов и те помахали – на сцену. Я лихорадочно соображал, что же выбрать для исполнения, ведь мы заранее не готовились. Затем я увидел Стенли Бэкера с Чесом, они стояли у сцены и сияли. Неожиданно, в голову пришла шальная мысль. Я подошел к микрофону и поблагодарил Стенли за приглашение на фестиваль и попросил его подняться на сцену. Пока он шел, я начал напевать мотив Зулу из одноименного фильма, в котором Стенли только что снялся. Группа присоединилась ко мне, затем песню подхватили все. Стенли светился счастьем, и это оказалось прекрасной концовкой нашего выступления.

Следующую неделю мы красовались на обложках всех музыкальных изданий страны. Во время шоу, я одел большую шляпу-котелок. Обзоры отметили, что я был похож на персонаж «Заводного Апельсина». Я об этом не думал, просто вещь поправилась. Впереди был приклеен значок с надписью «Папа курит наркоту». На всех фото я лихо держал шляпу над головой.

В общем, выступление на фестивале произвело сильное впечатление, и мы за одну ночь завоевали новую нишу музыкального рынка. Мы становились монстрами, продажи *'Take Me Bak Home'* пошли резко вверх и на следующей неделе, она стала №1.

Благодаря настойчивости Чеса через месяц-другой мы выпускали новый сингл. Череда хитов не прерывалась. Появилась устойчивая шутка, что мы стали домашней группой Top Of The Pops. Мы не сходили со сцены по 4-5 недель. В те времена, если песня удерживалась месяц в позиции №1, то это не было чем-то сверхвыдающимся. Но наше постоянное присутствие на ТВ породило проблему. Мы славились чудными нарядами, и становилось все трудней представлять новый вид в каждое следующее появление. Это вело к проявлению всё большей экстравагантности в одежде. Я и Дейв были экстремистами, причем Дейв на полшага впереди меня. Приодеться - это его конек. Большинство нарядов изготавливал парень из Мидленда по имени Стив. С его консультацией принималось решение, чтобы такое отмочить на следующей неделе.

При выступлениях на Top Of The Pops, Дейв никогда не одевался в нашем присутствии. Пока мы готовились в гримерке, он исчезал в туалете. Он не хотел, чтобы были видны промежуточные стадии, и появлялся только в полном одеянии, в расчете на убойный эффект. Каждую неделю вся команда, плюс Чес, плюс парни из записывающей компании сидели и ждали, когда появится Дейв, успевая немного выпить и начиная нервничать из-за глупости ситуации. Детали костюма висели на перилах, но никогда невозможно угадать, что это и как выглядит. «Давай Дейв, покажись наконец» - стонали мы и Дейв выходил ожидая наших комментариев.

Дейв наряжался в немыслимые одежды. Без сомнения, публика считала его сдвинутым. Чего она не знала, это то, что мы были того же мнения. Однажды он появился в плюмаже из перьев. Мы начали давать названия каждому костюму, например «противотуманная колотушка», «итальянская соломка», или просто с неприличными словами. Один из нарядов представлял черную робу в комплекте с серебристым металлическим париком аля «Клеопатра», повторяющим форму его волос и получил название «Металлическая Монахиня». Мы пытались смутить его грубыми насмешками, но Дейв был непробиваем. Кто-то из других групп падал от хохота, но Дейв пропускал стрелы мимо. Справедливости ради нужно сказать, Дейв стал находкой для ТВ. Молодежь в студии просто закипала. Кто этот чудак? Как он не боится появляться в таком наряде перед миллионами

телезрителей? Я такого выделывать не мог, Дейв же всегда устремлен в будущее.

Джим не выносил этих нарядов совершенно. Он считал это превращает группу в что-то несерьезное. По его мнению, мы не нуждались в блестящих штуках, за нас должна говорить музыка. Когда Дейв появлялся в очередной нелепице, лицо Джима выражало страдание, и он умолял новатора отказаться от этих штук. Эйч отвечал классической шуткой: - «Ты прав, я скоро продам их».

К 1972 мы были знамениты своими платформами. В первый раз ботинки выступили на Top Of The Pops когда *'Coz I Luv You'* стала № 1. Никто не носил их, многие даже ни разу не видели. Мы отцепили их по чистой случайности во время похода в Кенсингтон Маркет. Там мы загружались основной массой сценических костюмов. Эта была настоящая сокровищница для таких чудаков, как мы. Фредди Меркьюри держал там небольшой прилавок, там мы первый раз и встретились. Мы встречались каждый раз при очередном походе за вещицами. Фредди продавал цветастые рубашки для хиппи. Это был не наш стиль, но мы всегда заглядывали к нему, потому что подружились. Он конечно знал нас, поскольку в то время мы не вылезали из телевизора. Фредди заявил, что однажды он станет знаменитейшей поп-звездой, и поглавнее чем мы сейчас. «Не надорвись Фредди» - отвечали ему. Тогда он был просто Фредди Балсара. Queen еще не сформированы, я не был уверен, что он выступал с какой-либо другой группой, но Фредди несокрушимо заявлял, что он певец. Он еще не вышел из-за прилавка, а уже был кемп - броский малый.

В любом случае, именно тогда в Кенни-Маркет мы наскочили на платформы в первый раз. Ничего подобного мы прежде не видели, даже на уличных ребятках, не говоря о музыкантах. Я купил красно-желтые, Дейв – серебристые, которые были скорее не ботинки, а сапоги с немыслимой высотой подошвы. Дейв боготворил вещь, потому что был маловат ростом. Внезапно он стал таким же, как все. С течением лет сапоги становились выше и выше. Это было время, когда началось негласное соревнование с Гари Глиттером за покорение вершин роста.

Когда мы начали носить платформу, глэм рок еще не существовал, по крайне мере самого термина не было. Я думаю, что в первый раз название появилось в конце 1972, но изобретено не нами, а Марком Боланом (Marc Bolan). Болан стал нашим самым большим конкурентом, нашим единственным глэм современником. Он появился с первым большим хитом *'Ride A White Swan'* вместе с T. Рекс (T. Rex) на восемь месяцев ранее

нашего прорыва. Я точно помню появление этого хита. Мы играли ночной концерт в Темпле на Уордоу стрит и сошли со сцены в 5.30 утра. Пока собирали оборудование ди-джей поставил *'Ride A White Swan'*. До той поры Болан делал музыку в стиле хиппи, а это была сумасшедшая запись, звучание – закачаешься. Я подошел к ди-джею и поинтересовался, что за вещь. Я поверить не мог, что это Т. Рекс.

Когда глэм стартовал, платформы никак с ним не гармонировали. Визуально глэм обязан блестеть и сверкать. Болан начал с блестящих слез на щеках, затем засверкали одежды. Он не носил платформу, во всяком случае в те дни. На ногах скорее женские сапожки с ремешками и пряжками. Когда Дейв увидел блестящие слезы Болана, он был ошеломлен. Он сокрушался, что это не его идея, но не смутился применить её, причем, конечно, во всем нужно было переплюнуть конкурентов, всё должно быть ярче, больше, толще и лучше. Дейв покрывал лицо и волосы блестками, с одежды свисали сверкающие полосы. Любитель серебра, Дейв стал самым ярким участником группы, остальные не очень злоупотребляли блеском. Иногда, я и Джим одевали искрящиеся пиджаки, но это не стало нашим стилем.

Мой имидж в глэме - цветастый крутой парень. Я носил рельефные клетчатые костюмы, сшитые у портного, различных окрасок и стилей. Я первым начал носить укороченные брюки. Годами позже The Bay City Rollers признали, что свой сценический образ - укороченные штаны и шотландки, позаимствовали у меня. Я всё еще иногда носил скиновские перевязи и ботинки, но более предпочитал платформы. Бывало выходил на сцену в здоровенных галстуках, один был с белыми и голубыми до нелепости огромными ромбами. Галстук доставал до пола, поэтому ходить нужно было аккуратно, чтоб не споткнуться и не упасть.

Единственная вещь, которая действительно сверкала, была моя знаменитая шляпа. Головные уборы всегда шли мне. Плоская большая шляпа с обложки *Play It Loud* стала моей торговой маркой в промежутке между скинами и глэмом. В ранних 70-х произошла замена на высокий цилиндр с зеркалами. Шляпа стала талисманом Slade. Она стала единственной вещью, с которой мы всегда ассоциировались. Я самолично изобрел эту вещицу. На мысль навела Lulu. Она выступала в студии в блестящем платье и от платья по стенам студии отсвечивали вспыхивающие огоньки. «Вот черт!» - подумал я, какая фантастика. Далее мысль отработала предположение, что если эффект усилить, то может получиться классная вещь и для ТВ, и для сцены. То, что нужно использовать зеркала, пришло от воспоминаний о зеркальных

шарах на дискотеках 70-х. То, что я должен был сделать – «одеть шар» на себя.

Я присмотрел круглые пластиковые зеркала, которые висели на шнурах в витринах магазинов, оставалось решить на какую часть тела их можно приспособить. Наилучшее место то, которым можно легко двигать и управлять процессом. Голова самое подходящее место и шляпа в тему. Я решил разместить зеркала на высокой шляпе. Ранее такая вещь использовалась в комплекте с длинным пальто во времена 'N Betweens. Проблема состояла в том, что для закрепления зеркал была нужна шляпа с прямыми стенками, а в наличие были только наклонные. Заказ изделия не дал хорошего результата. Шли недели, но ничего подходящего не обнаруживалось.

Однажды мы с Дейвом заскочили в Кенни Маркет присмотреть новые платформы. Совершенно случайно, я наскочил на «кучерскую» шляпу, просто антикварную вещь, которая точно подходила для дела. Она была широкой в основании и вместо расширения вверху, наоборот, зауживалась. Шляпа называлась также «дымовой трубой» и действительно использовалась кучерами дилижансов. Я заплатил несколько фунтов за изрядно поношенную вещь, но она всё ещё была в пригодном состоянии. Дома приклеил зеркальца на стенки и верхнюю часть, все подошли идеально, почти не было щелей. Когда работа закончилась, получилась просто груда зеркал.

На ТВ шляпа смотрелась отлично, но вы могли наблюдать только исходящее мерцание. На сцене эффект был мощнее. Я предполагал, что отдача будет, но никак не ожидал сумасшедшего влияния на людей. Я начал использовать предмет в начале каждого шоу. Ноша оказалась жаркой и увесистой, выдержать всю ночь оказалось не легко. Обычно, в шляпе исполнялись первые три номера. В течение третьей песни, стоя у микрофона исполнял спокойный отрывок, внезапно сцена и зал погружались в темноту. Одинокий прожектор освещал мою голову, и огромные лучи света начинали стрелять вокруг. Выглядело так, будто бы я включал тумблер и зажигал фонари на своей голове.

Если вы смотрите шляпу по ТВ, то нет представления, насколько выразительно она может выглядеть. Воссоздать эффект в студии было невозможно. Вы могли затемнить студию, но ничего не случалось. На сцене эффект был потрясающий. Я видел глаза публики, когда свет в зале снова зажигался. В отличие от шара я мог перемещаться по сцене, захватывать светом людей, но не более 50-60 секунд. Шляпа мгновенно стала иконой глэм-рока. Люди считали, что я ношу и продвигаю символ эры глэм-рока, но

это не так. Шляпа использовалась в двух-трёх мировых турне. Позже, поклонники подходили и спрашивали, почему я без шляпы, они думали, что без неё представлений не проходит. За границей эффект шляпы также был убойным. Никто не знал, как эта штука была сделана. Они думали, что в основу заложена хитроумная выдумка, на самом деле идея до безобразия проста.

Через пару лет глэм взорвался. Он становился больше и больше. Казалось, каждый месяц глэм команд прибывает и прибывает. Многие копировали наш образ, стараясь сделать его более яростным. В этом не было смысла. В действительности всё это только подхлёстывало Дейва. В визуальном плане он обходил всех, это напоминало бесконечную спираль. Они пытались казаться нелепее Дейва, а он бежал вперед. Ситуация становилась неуправляемой. Все мы пытались стать неистовее, что в конце-концов похоронило глэм. Когда вершина пройдена то будущего нет.

В музыкальном отношении повторялась та же история. Когда другие группы увидели, как глэм работает на нас, они попытались адаптировать свой звук. Каждая студия записи поощряла версии Slade. Некоторое время были только мы и Болан. Вместе мы заполнили переднюю часть сцены. Sweet уже имели несколько хитов, но ещё не были артистами глэма. Они начали, как баблгам поп артисты. Пресса изобрела термин глэм рок, Sweet изменили звучание, появился Гари Глиттер. С той поры от нас ждали похожести, что было полной ерундой. И мы, и Болан имели своё звучание. Болан работал под примерного парня, с чертами женоподобия. Мы были более грубы и доступны. Женщины обожали Болана. У нас тоже были поклонницы, но всё же, мы более выступали, как мужская группа. Обычно если кто-то любил нас, то не любил другого и наоборот.

Я всегда полагал, что мой голос и манера наших записей ставят нас особняком от других наших глэм-соперников. Мы никогда не были студийной группой. Все из компании Chinn & Chapman такие, как Sweet, Suzi Quatro и Mud были очень толково построены, и преимущественно играли поп. Болан был из той же компании, хотя и продюсировался Tony Visconti. Никто не мог повторить наш грубоватый звук. Наши записи это огневой вал шума. Невозможно было точно засечь его специфику, потому что Чес много чего втолкал в это. Он использовал многое из опытов с Хендриксом, предпочитая некоторые искажения чистым тонам, которые нам очень подходили. В студии мы перекручивали всё, что могли, добиваясь концертного звучания. Вместе с нашей фоновой поддержкой поклонников мы нашли собственную нишу. Даже в те времена, когда у нас удавалось украсть несколько идей,

никому не удавалось скопировать нас. Имитировать - да, скопировать – нет.

Пока мы выступали, никто не мог сделать таких же записей. Никто также не пел в моей манере. Я развивал кричащий стиль пения. Когда вы слышите по радио наши записи, ни у кого не возникает сомнений, кто это есть. Знаю, что Chinn и Chapman были под нашим сильным влиянием. Они были двумя британскими композиторами\продюсерами с огромным успехом в глэм роке. Они написали несколько хитов для Sweet, подобных *'Little Willy'* и *'Wig-Wam Bam'* но всё это легковесный поп. Как только мы приобрели известность, они «огрубили» свои песни для многих исполнителей. Первая жесткая вещь для Sweet стала *'Blockbuster'*, самая успешная их песня. Она стала №1 в течение месяца в 1973. Тоже самое они повторили с Mud и Suzi Quatro. *'Can The Can'* написанная для Сюзи стала №1 по всему миру.

Gary Glitter также присоседился к нашей музыке. *'Rock and Roll, Part Two'* стала его первым хитом, совсем не похожим на то, что он делал раньше. Использован хор «поддержки», тяжелые ударные и громкая гитара. Гари начал петь в кричащей горловой манере, как и я. Забавно, но почему-то никто не пытался скопировать Болана. Он был далеко в «себе». У него было роковое звучание, но вокал слабоват. Он делал классные записи с крутыми гитарными рифами, но не было нашего грохочущего, рубленного, звенящего звука.

Мы часто встречались с Боланом на Top Of The Pops, он был такой же маленький, как и Дейв, но Дейв на платформах выглядел молодчиной. Болан выглядел маленьким худым парнишкой с крученными волосами, приятным и застенчивым. Мне кажется, у нас была взаимная симпатия, во всяком случае, мы все относились к нему хорошо. Он был всегда приветлив и вежлив при встречах, но было очевидно, что мы его пугаем. Он следил, за тем, что говорит. Выходец из совершенно другой среды он видимо смотрел на нас, как банду хулиганов с севера. Конечно, между нами стояло профессиональное соперничество, но ничего общего с тем, что описывалось в прессе. Мы позиционировались, как большие величины. Болан прорвался первым и всегда был главным и корректным соперником. Мы быстро догнали его по условиям контрактов и зрительскому успеху, затем обошли его, чего он никак не ожидал. Болан никогда не имел такое количество хитов в позиции No.1, как мы. Однако, мы долго были на одном уровне, конкурируя каждую неделю за высшую ступеньку в чартах, оставаясь долгое время двумя крупнейшими британскими группами.

Помню, когда Болан вернулся из своей первой поездки по

Штатам и привез запись Betty Wright *'Clean Up Woman'*. Она входила в десятку хитов в Штатах. Он сказал: “Нодди, я купил эту запись для тебя, зная твою любовь к стилю соул. Мне кажется Slade должен сделать кавер этой вещицы. Она, как раз для твоего голоса». Но, к тому времени, мы уже вовсю делали свои вещи, и Чес не одобрил идею. Но Болан оказался прав. Эта пластинка, по сию пору, одна из моих любимейших записей.

Моя наилучшая история с Боланом случилась в 1972, после записи на Top Of The Pops. С нашего первого большого гонорара мы все купили по автомобилю. Дон приобрел огромный белый Бентли. У Болана был такой же. В тот день мы все приехали в White City на машине Дона, Болан прибыл также на своем Бентли. Обе машины припарковались у входа борт к борту. К моменту отъезда тысячи наших поклонников собрались у входа, в те дни не специальных парковок для артистов, чтобы обеспечить безопасную посадку и высадку. Мы должны были пробиваться через сотни фанов. Помню взвинченных девушек , ожидающих Болана и нашу шпану, толпа сумасшедших!

Ни мы, ни Болан не обзавелись охраной и стояли несколько минут, собираясь духом для прорыва. Дейв и я рванули вместе через бешеных людей и впрыгнули в Бентли, хлопнули дверьми и заблокировали их. Неведомо для нас мы плюхнулись в машину Болана. Не заметили, как Дон, Джим и наш водитель вскочили в другую машину. Болан остался прямо за нами, прижатый и разоряемый хищными птицами, рвущими в клочья его одежду и волосы. Мы сидели в безопасности и издали вдох облегчения, вдруг увидели в стороне остальных в машине Дона. Затем взгляд вернулся к крошечному эльфу, терзаемого толпой. Пиджак – в клочья, волосы разбросаны по всему месту действия, девицы прыгали на нем. Мы отсекли его от собственного убежища!

Все пятеро вспоминали случай со смехом. У нас не было плохих намерений. Мы всегда ладили с Боланом, хотя и не были закадычными дружками. Просто из разных социальных сред. Дальше небольшой пикировки между нами ничего не было. Мы могли напомнить о своем текущем успехе №1 этой недели, но всегда в дружеской манере. Единственный из нас – Дейв остро конкурировал с Боланом, но только касаемо одежды и девушек, но не музыки.

Только с середины 1972 мы начали делать деньги на Slade. Начали поступать гонорары от пластинок и альбомов. До той поры мы вели двойную жизнь, которая заключалась в существовании в качестве звезд с тощим кошельком. Формально мы жили в Мидленде, но очень редко бывали дома. В Лондоне мы останавливались в отеле Грентли в Шеферд Буш. Это был

настоящий рок-н-рольный отель. Множество команд останавливалось здесь. Когда мы первый раз остановились здесь, мы делили один номер на всех. Мы поджидали наши доходы от пластинок, от концертов также поступало немного. Хотя мы работали по высоким ставкам, много средств уходило на обновление оборудования, увеличение числа техников и приобретение большего грузовика. Расходы устойчиво опережали доходы. К счастью мы очень разумны в сфере денег, не без влияния Чеса. Он всегда был уверен, что Slade самодостаточная команда. Мы никогда не брали авансов у звукозаписывающих компаний. Мы всегда имели дело с компанией Чеса, доверяя ему подписывать наши контракты со студиями, и старались работать в рамках возможностей, и позже, это обернулось выгодой. Нам не приходилось возвращать долги и неустойки, все, что зарабатывали шло в прибыль.

Ситуация с финансами состояла в том, что когда мы всё же получали чеки, то распоряжались ими по-своему усмотрению. Я давно мечтал купить спортивный Мерседес и сделал это с первого приличного гонорара. Это произошло через шесть месяцев после выхода *'Coz I Luv You'*. Я полюбил эти машины с детства. Когда я видел такую, то говорил себе, настанет день и я куплю такую же. Приобретение состоялось в Мидленде за 5.000 фунтов, очень большие деньги по тем временам. Я получил чек на 20.000 фунтов, так что вполне смог выкроить необходимую сумму. Это были первые действительно большие деньги и я поверить не мог, когда чек наконец-то пришел.

Мой первый Мерседес был цвета светло-голубой металлик. Сначала держал его у родителей, потому что собственного дома не было. Можете представить их реакцию, когда я появился на нём – Мерседес паркуется у муниципального дома, выглядело нелепо. Это был нереальный сюжет, они не понимали какие деньги я начал зарабатывать. Я не сказал, какая цена у игрушки, не хотел их пугать. Я знаю, чтобы они сказали, проведав о настоящей цене: «Невилл, о чём ты думал! Ты мог бы на это купить небольшой дом!».

Каждый из четверки приобрел автомобиль. Дон выбрал Бентли, Дейв и Джим купили по Роллс-Ройсу. Мы уже имели черный здоровенный Роллс-Ройс, как разъездной автомобиль группы. Выбор обоснован соображениями безопасности. Мы теперь были постоянно под прицелом толпы, и прибытие\отбытие стало кошмаром. Фаны прыгали на крышу и капот, но Роллс-Ройс был сделан как танк, принимал ущерб на себя, а мы сидели внутри и чувствовали себя защищёнными. На таком приобретении настоял Чес. До этого мы прибывали на концерт на

старом грузовике. Чес считал, что первые звезды страны не должны ездить на грузовике, сам автомобиль должен был прививать определенное чувство известности.

Роллс-Ройс Дейва был серебряного цвета, под цвет его одежд. Позже он перекрасил авто в кремовый и коричневый цвет, получилось здорово. Дейв всегда имел приметную машину, даже в трудные времена у него был спортивный авто. Его отец работал в автомастерской и уход за машиной не стоил ничего. Когда мы встретились в первый раз я увидел его Триумф Спитфаер. Следующей машиной был Санбим Алпайн с первым номером серии. Номерной знак этой машины кочевал на остальные авто и даже на Роллс-Ройс.

Джим первым из нас купил дом, сразу после покупки авто, видимо на оставшиеся деньги. Он был настоящий домосед и не любил передвигаться. У него была постоянная девушка, Луиза, которая дружила с ним со школьных времен. Она оставалась его единственной девушкой вплоть до сей поры. Они поженились в 1972. Джим ничего не говорил о предстоящей женитьбе. Выдалось несколько редких дней отдыха, и я вернулся домой. Вечером вышел за покупками и вечерними газетами, просмотрев которые увидел фото Джима и Луизы на выходе загса. Я не мог поверить своим глазам. Джим не объяснил, почему все держалось в тайне. При следующей встрече я поздравил его, но этим всё и закончилось.

В свободном полете в Л.А.
7

После того, как *'Coz I Luv You'* и *'Take Me Bak Home'* прошли №1 стало труднее наносить удар. Когда новая команда попадает в чарты, это свежо и волнующе. Если же ты закрепился, то обратить на себя внимание становится трудней. Как всегда проблему разрешил Чес. Его новая идея заключалась в том, что следующий сингл должен сразу взлететь высоко, может и в №1. Сегодня в этом нет ничего особенного, но тогда это было выдающимся делом. С 1952 года только пять записей с момента появления сразу заняли первую позицию.

Чес и Джон Фруин, глава Полидор разработали план. Это была совершенно новая идея. Они предложили сначала запустить наш сингл на радио и ТВ неделями раньше, до появления пластинок в магазинах. Сейчас это общепринятая практика. Но в семидесятые группа должна была сочинить за два дня песню, на следующий день записать и смикшировать, затем шла отпечатка, упаковка и через неделю выпуск! Полный цикл занимал полмесяца. Синглы сбивались, как масло на маслобойке. Никто не записывал альбомов, а только готовили для них материал в виде дорожек с синглов. Как только песня написана, вы бежите в студию, записываете и выпускаете сингл. Альбом выйдет много позже.

Наш новый сингл носил название *'Mama Weer All Crazee Now'*. Я придумал его после одного из концертов. Где бы мы не играли, после выступления зал представлял собой печальное зрелище. Обшивка стульев изодрана в клочья, сиденья разбиты. Наши счета на ремонт и восстановление были астрономические. По этой причине мы никогда не привозили денег из турне. Нанесённые увечья стоили денег. После концерта на Арене Уэмбли я пришел взглянуть на последствия. Отыграны два концерта полуденный и вечерний, оба благотворительные, служащие организации школ для детей с замедленным развитием. В середине арены лежала огромная куча изуродованных сидений, которые собирали служители и будто бы готовили гигантский костёр. «Господи, мы все сошли с ума», подумалось мне.

Сдвинутые, было моё ключевое слово, применявшееся между песнями и взвинчивающие публику. В голову пришло название *'My my, We're All Crazee Now'*. Через пара дней вариант песни на акустических гитарах был проигран Чесу в студии. Он сказал, что ему нравится, особенно название: *'Mama We're All Crazee Now'*. Я

ответил нет, нет, не 'Mama', а 'My my'. Но как только слова были произнесены, стало ясно, что 'Mama' много лучше, так появилось окончательное название, рожденное из оговорки.

'Mama' оказалась мощным хитом. Присутствовало наше фирменное сипловатое звучание, но при этом песня легко запоминалась и воспроизводилась, что являлось элементом поп. Она оказалась более лучшим сценическим вариантом, чем *'Coz I Luv You'*, настоящая моторная запись. Песня содержала набор верных ингредиентов, включая длинное заключение с припевкой 'Mama, mama, mama, mama, yeah!'. Опять прошла моя импровизация, которую так любил Чес. Никакой другой продюсер не обладал таким даром улавливать в студии необычные вещи и использовать их. Он всегда записывал даже распевки и пробы голоса и никогда не стирал их. Потом часто делались необычные вставки в *'Mama'*, *'Cum On Feel The Noize'*, которые первоначально не предполагались к использованию.

Идея Чеса состояла в том, чтобы сделать вокальную партию фокусной точкой записи. Как певец, я поддерживал это направление, хотя остальные не всегда соглашались с этим. Чес часто обращал внимание на то, что и 'The Beatles строили записи вокруг вокальных партий. Можно не помещать голос на вершину мелодии, но запись в целом должна базироваться на вокале. Это свойство выгодно отличало песни при использовании радио. Мой голос можно было узнать за милю, к тому же Чес хорошо улавливал нестандартные студийные приёмы. Я часто записывал голос с одновременным звучанием остальных участников группы, как проходящий вариант. Затем такой вариант мог выпускаться, как сингл, что и было сделано с '*Get Down and Get With It'* и *'Coz I Luv You'*. Мы могли собирать песни на скорую руку из «лоскутков», но в основном записывали сразу и вживую.

В музыкальном плане *'Mama'* подняла нас на новый уровень. Она стала классической песней Slade. Все полюбили её и знали слова наизусть. Концовка, тянувшаяся около минуты стала знаменитой сама по себе. На сцене я ревел в зал и публика хором возвращала слова назад. Появилась ещё одна фирменная марка.

После записи *'Mama'* Чес запустил свой план в действие. Мы сделали предварительный показ на Top Of The Pops и выпуск для радио. К сожалению не всё пошло по плану. Прежде действительного выхода песни, мы убывали в Штаты. Это означало, что мы не сможем продвигать песню, выступая по ТВ и путем пресс-интервью. *'Mama'* вошла в чарты под №2, через неделю стала №1. Индустрия была потрясена. В те дни большинство хитов начинали с позиции №30, через неделю доползали до №25, ещё 4-5 недель и хит мог достигнуть позиции

№1, если не выдыхался раньше времени. Чес подвел итог, если вы не присутствовали в стране и сразу смогли влететь в №2, то в следующий раз мы непременно шагнём в позицию №1.

К осени 1972 мы начали прощупывать возможность звучания на радио в Штатах. Там вышло несколько наших записей, даже наш Ambrose Slade альбом *Beginnings*, вышел там под именем *Ballzy*, почему изменили название, нам никто не объяснил. Обложка тоже изменилась и содержала два огромных шара. Не думаю, что существовал выпуск *Play It Loud*, а вот *Slade Alive* определенно выходил. Большими хитами наши вещи не стали, но была некоторая реакция. Пресса также обратила на нас некоторое внимание, особенно в Канаде.

'Coz I Luv You' и *'Take Me Bak Home'* часто крутились несколькими большими радиостанциями и Полидор предложила нам турне поддержки. Если не считать пропуска поддержки 'Mama', это было удачное время для турне. Тур '*Take Me Bak Home'* закончен, европейское турне также отыграно. Но мы не могли надолго исчезнуть в Америке и игнорировать наших поклонников, 12-ти месячное турне нам не подходило. Мы находились на вершине успеха и в Британии и в Европе. К тому же, как сингл ориентированной группе, нам было необходимо появляться на Top Of The Pops, каждые две недели.

Первое турне в Штатах длилось менее месяца. За такое время невозможно провести хорошую работу. Эта была первая наша неудача, но ценный, «открывающий глаза» опыт. Никто из нас прежде не был в Штатах, не имел ни малейшего представления, на что похожа Америка. Наш прежний опыт Багам был слишком различен и совершенно не подходил к этой стране. И меру свой известности тоже изведали. Это на родине нам фаны проходу не давали, а здесь никто не знал Slade. Некоторые люди слышали о нас, но из этого ничего не следовало.

Другая ошибка заключалась в самонадеянном состоянии. Прежде чем мы сошли на американскую землю, нас позиционировали как новых Beatles. Наша записывающая компания провела предварительную работу, но на пользу нам это не пошло. Янки не любят, когда им проталкивают новые группы сквозь горло. Они сами предпочитают открывать новых артистов. Наш американский продюсер Питер Кауф посоветовал зайти через заднюю дверь без особого шума. Он предложил поиграть в небольших клубах, но Чес настоял на прорывном появлении. Питер попробовал убедить Чеса, но тот закусил удила. Ничто не могло убедить его, если решение уже принято. Чес настоял на высоком заходе, новые Битлз и всё! Когда такие комплименты отвешивала британская пресса мы отвечали, что может и не

новые Битлз зато первые Slade. Это была запасная линия, в Штатах она не прошла.

К чести Чеса он привлек к нашему продвижению много известных людей. Кроме Питера Кауфа, очень известного американского менеджера, он задействовал агента – Френка Барселону, который являлся настоящим монстром. Он много лет работал с Чесом, сначала с The Animals, затем с Хендриксом. Он был очень влиятельным деятелем. Удивительно, но Чес был знаком со многими величинами шоу-бизнеса. Складывалось впечатление, что здесь у него больше знакомых, чем в Британии.

Мы прибыли в Штаты сразу после окончания европейского турне. Самолет приземлился в Лос-Анджелесе. Мы никогда не бывали в такой обстановке. Американцы этого не подозревали. Для начала мы потерялись. Выйдя из самолета и забрав багаж стали ждать. Сотрудники Полидора ждали нас на выходе. Полидор не был известной величиной в Штатах. Они открыли Джеймса Брауна и Джеймса Ласта, но больших рок музыкантов у них не было. Ставка была сделана на нас, мы обязаны покорить эту страну.

Мы вышли из порта в сияющее солнце, четыре провинциала из Уолверхемптона. У выхода стояли два огромных черных лимузина, поджидающих нас. Рядом находился автобус. Лимо предназначались для участников группы – по одному авто на два артиста, автобус для команды техников, прибывших с нами. Что мы сделали? Загрузились в автобус! Мы и подумать не могли, что для нас подогнали лимо. Техники загрузили аппаратуру в заднюю часть автобуса, мы расположились в передней части, водитель закрыл двери, и мы тронулись. Когда парни из Полидора сообразили, что произошло, исправить ошибку стало невозможным. Они кричали и махали руками, автобус не остановился. Нашим техникам сильно подвезло. Мы тряслись в чертовом автобусе, а парни шикарно устроились в лимо! Это первый шаг на американской земле. Парни со студии не могли поверить в произошедшее – новые Beatles в автобусе!

Нас поместили в Хиат Отель на Сансет Стрип, в котором останавливались все знаменитые группы. Второе название отеля «Дом мятежников», видимо потому что здесь Led Zeppelin катались на мотоциклах по коридорам. Место весьма хаотичное, здесь околачивались американские группы и ждали неизвестно чего, прибывали английские группы, в общем полная неразбериха.

Как только мы вошли, на нас прыгнула дюжина девиц. Таким образом они приветствовали все группы. Мы были последней великой белой английской надеждой, поэтому они встретили нас

отменно. Нас и ранее атаковали женские структуры, но таких развязанных девиц мы ещё не видели. Сразу поступил вопрос: «Можно я трахну тебя сегодня», мы уклонялись – «Дайте хоть вещи в номер поставить!». В отеле мы прожили неделю, играя за пределами Л.А., возвращаясь в отель, как на базу. В один из вечеров, я спустился в бар выпить и повстречал там Элиса Купера, Джеффа Бека и Денни Хуттона.

Денни был певцом из Three Dog Night, которые считались самой успешной вокальной группой США. Все трое жили в Л.А. и знали хорошие местечки. Я пошел с ними и познакомился с ночной жизнью Л.А. Мы здорово набрались и завалились в ночной клуб. Мы отлично провели ночь, хотя я и не все помню. В один из клубов нас отказались впустить, поскольку мы действительно были здорово пьяны. Место было стильным и располагалось на Сансет Стрип. Денни оказался владельцем этого клуба и прочистил мозги вышибале.

Мы были очарованы Америкой и американцами, но вместе с тем слабо представляли правильный стиль поведения на сцене. Не известно, что о нас думают и насколько хорошо знают наши песни. Скоро наступило грубое пробуждение. Наше первое выступление открывало Humble Pie, группа Steve Marriott и Peter Frampton. Это была известная команда и хорошо держались на сцене. Выступление проходило в Сан-Диего, пригороде Л.А. Место было обширным, мы никогда не видели таких открытых площадок. Когда оно пусто, то казалось огромным. Мы просто не представляли его заполненным людьми. Придя осмотреться мы увидели установку оборудования. В первый раз мы наблюдали такую солидную обвязку площадки микрофонами. Ни одна европейская площадка не имела подобного оборудования. Нас поразил размер оборудования и усилительной техники. Все компоненты оказались много больше, чем те, которые использовали мы.

Мы с изумлением смотрели на звуковой пульт управления, звукооператор располагался перед сценой, каждый инструмент был хорошо озвучен. Нам пришлось использовать их техников для подключения нашей аппаратуры таким же образом. Место было так огромно, что при другом варианте нас просто не услышали бы. К моменту выхода на сцену место почти заполнилось. Очевидно, публика пришла чуть раньше, чтобы посмотреть на нас, ибо наша репутация пришла с опережением. Помог и огромный рекламный щит, установленный на Сансет Стрип. На щите красовался ваш покорный слуга в шляпе излучающей свет. Мой Бог! Я стал голливудской рекламой!

Мы довольно сильно нервничали, но всё прошло неплохо.

Однако, смущала странная атмосфера. Прежде мы разрывали место на части, в этот раз взрыва не произошло и, позже, мы поняли почему. Вся публика была обкурена. Головы и тела отдельно. В первый раз мы выступали перед занаркотившей публикой и не попали в расслабляющий поток. Они все сидели и ждали впечатлений. Давайте ребятки послушаем, что у вас есть. Чтобы мы не учудили, они не собирались вскакивать с сидений и сходить с ума. Мы оказались слишком наивны, пытаясь раскачать это болото. Мы понимали, что люди курят, потому что чувствовали запах марихуаны. Однако, степень отключки оказалась высока. Охранники позволяли публике делать это в течение концерта. В некоторых местах и охрана была также хороша, как и публика.

Другая странная вещь которая нас удивила - это звук. Ранее мы заслуженно считали себя сверх скрипучей и громкой группой. И вдруг мы стали бороться за то, чтобы нас услышали! На такой огромной арене наш звук оказался крошечным. Мы остро почувствовали это, после того, как начала звучать Humble Pie. Steve Marriott был классный фронтмен и знал, как управляться с американской публикой. Я стоял у сцены и наблюдал, как он работает. После пары песен публика ела из его рук. Это был первый урок, как иметь дело с наркотной публикой.

На следующий день, мы должны были вернуться в Британию, для открытия лондонского театра Сандаун в Майл Энд Роуд. Контракт на это выступление был подписан очень давно и, к несчастью, время открытия совпало с турне. Через 24 часа после прибытия домой, нам пришлось опять лететь назад в Штаты. Был поставлен рекорд дистанции между двумя выступлениями. В старое время мы частенько шутили, что наших агентов хлебом не корми, только дай возможность устроить концерт у черта на куличиках. За Эдинбургом непременно следовал Портсмут. Нет дела, как далеко вы находились. Но после перемещений типа Сан-Диего – Лондон, это детские игрушки. По всем параметрам появилась новая шкала.

В ту ночь Humble Pie выступила на отлично, как , впрочем, и везде, где они играли. Мы прокатились с ними через Штаты, делая меньше, чем могли. Получен богатейший опыт, но было и чувство уныния. Мы поняли, чего нам не хватало в отличие от Humble Pie. Они закручивали множество гитарных и ударных соло, которые нравились янки. Репертуар длился около двух часов и половину составляли сольные партии. Мы же играли короткие 4-х минутные песни, делая совсем небольшие соло. Дейв выскакивал на кромку сцены и выдавал 3-х минутное гитарное соло, но никак не 15-20 минутные проигрыши, как это

делали американские группы. Дон также использовал ударные соло, Джим выдавал скрипичные пассажи, но это были отрепетированные номера, импровизация отсутствовала. Удлиненные импровизации были нам по силам, но тогда разрушался наш стиль. Так появилась проблема, потому что Америка любила своих гитарных героев. По этой причине такие британские группы, как Led Zeppelin, Black Sabbath и Deep Purple стали весьма популярны в Америке. Нас хорошо принимали в небольших уголках страны, но большие солнечные города, как Л.А. не спешили с признанием.

Другой заминкой оказались костюмы. Наши костюмы поражали публику, но одобрения не вызывали. По сравнению с теми же Humble Pie, носившими стандартные джинсы и тенниски мы выглядели вдвойне вызывающе. Местные группы не придавали значения визуальному образу. Единственными, кто отклонялся в сторону, были черные артисты наподобие Sly & The Family Stone, но никак не белые рок музыканты. Было ещё кое-что, чего не могли принять. Мы адаптировали шоу под большую арену, научились использовать громадную сцену и играть перед публикой, размещенной рядами. После этого реакция зрителей улучшилась, но соревноваться с Humble Pie мы не могли. Для начала было неплохо, но Америка ломала нас под себя.

Мы встретились с нашим американским продюсером Фрэнком Барселона в Нью-Йорке. Он был огромен и физически выглядел просто устрашающе. Мы были приглашены в его дом на окраине города. Фрэнк обладал глубоким голосом Марлена Брандо. Сначала мы не знали, как себя повести. Это очень яркий характер. Помню его мнение о Vic Damone, знаменитом эстраднике 50-х. «Возьмите Vic Damone – прекрасный голос, отлично выглядит, женщины его обожают, но не звезда. Посмотрите на Tony Bennett – плохой парик, походка водителя грузовика, голос никудышный, но парень звезда первой величины!». С этом был весь Фрэнк, самый влиятельный деятель индустрии. Всё в Америке оказалось больше, слишком много денег вовлечено в бизнес и наш британский успех терялся за горизонтом.

Ко времени американского турне мы стали известны едва ли не в каждой стране мира. Мы хотели удерживать такое положение, но это было почти невозможно. Что касается Америки, то для любой британской группы это являлось тяжелейшей задачей. Кроме того, мы явно обогнали время. Мы не хотели подстраиваться под Америку и играли другую музыку, отличную от американских групп 70-х. В ранних 80-х яркая и резкая музыка отвоевала своё место. Группы подобные Kiss,

которые захаживали на наши концерты и сформировавшиеся не без нашего влияния, в 80-е стали большими величинами. Мы тоже ещё заворачивали крупные хиты. Шесть лет не были в Штатах и внезапно вошли в моду.

В середине 70-х янки смотрели на нас , как на альбомную, а не сигловую группу. Нас больше крутили по FM станциям, в отличие от AM где преобладали такие певцы, как Carly Simon, James Taylor и Carole King. Некоторые территории составляли исключения, например Нью-Йорк и средний запад. Им нравилась наша хрипатость. Неплохо шли дела в Детройте, Чикаго, Кливленде и других промышленных городах. Наши песни часто становились местными хитами, но не в масштабе страны целиком. Америка так велика, что вы могли быть известны на одном побережье и абсолютно никем не услышаны на другом, а MTV просто не было.

Удачным примером подобного положения может служить ZZ Top. В самом начале карьеры, когда ещё и бород не было, они играли по барам на юге страны. Мы оказались знакомы, потому что их гитарист Billy Gibbons, был любимым артистом Хедрикса. Когда ему случалось оказаться в тех краях, он заявлялся в любую пивнушку, чтобы послушать Billy Gibbons. В течение ряда лет на юге не было никого значительнее ZZ Top, но где-либо ещё они оставались неизвестны. Мы вместе катали турне по южным штатам, причем они являлись нашими открывающими артистами, поскольку в то время мы уже набрали определённую известность, а они нет. После турне положение изменилось и это совсем не удивило меня. Их основа – блюз, обычная одежда джинсы и ковбойские шляпы, это то, чего хотелось янки в 1974 или 1975.

В течение первого турне по Штатам нас начали крутить по FM, в основном песню *'Mama Weer All Crazee Now'*. Она становилась No.1 по местным чартам, но по стране более Top 50 не поднималась. Несмотря на этот успех, для янки мы оставались рок группой, но не поп артистами. Нас такой статус в Америке вполне устраивал. Отсутствие хитов нас совсем не беспокоило. Очень мало британских групп вообще имели крупный успех. Болан умудрился сделать единственный с *'Get It On'*, и то ему пришлось изменить название сингла. Он стал называться *'Bang A Gong'*, потому что циркулировал другой хит с таким же названием.

Поначалу мы были очень заняты адаптацией программы к местным площадкам и не обращали внимание на продаваемость пластинок. Через день случались перелёты, мы получили очень странный опыт. Вся страна была в диковинку. В первый же день, спустившись к завтраку, я увидел, как американцы наворачивают

огромные стейки и пироги с кремом. Всё это было очень странно, ощущение пребывания на иной планете.

Одновременно с поддержкой Humble Pie, мы отыгрывали небольшие собственные выступления. Первое проходило в небольшом театре на окраине Нью-Йорка. Это оказалось привычной атмосферой, и мы основательно взбодрили публику. Так же хорошо шло дело в индустриальных районах Милуоки, Бостоне, Кливленде и Детройте. Публика напоминала людей из Средней Англии. Нью-Йорк не был похож ни на что, однако, именно здесь образовалась большая группа поклонников. В первое посещение город не показался дружественным, я думаю, многие подтвердят мои впечатления. Постоянная толкотня и мелькание людей поначалу непривычны и раздражают.

Первым примиряющим с городом шагом стала еда. Мы никогда не пробовали такой вкусной пиццы и поглощали её во множестве. В Центральном парке мы обнаружили Индийский ресторан «Нирвана», чему несказанно обрадовались.

Моим любимым блюдом в Нью-Йорке стал творожный пудинг. И Свин и я восторгались кулинарным творением. Однажды мы купили полный , нерезаный пудинг размером 18 на 18 дюймов и пошли по дороге. Вы не сможете получить такую вещь в другом городе. Мы попытались засечь, насколько долго его хватит, поместив в холодильник отеля. Началась игра. Из холодильника одного отеля пудинг на самолёте был перемещен в холодильник другого отеля, в месте нового выступления. Мы умяли две третьих и казалось больше не сможем. Но после выступления усталость и прорезавшийся аппетит сделали своё дело, пудинг был сокрушён до конца. Так мы развлекались, чтобы отдохнуть от трудовых будней. Мы занимались такими штуками, чтобы не сойти с ума от тяжести бесконечной гонки.

Пребывание в Штатах имело одну хорошую сторону. Находясь в больших городах - Нью-Йорке или Л.А., мы могли позволить небольшой ночной отдых после изматывающих выступлений. Так состоялось первое знакомство с Бобом Марли (Bob Marley) и The Wailers' в течение их первого турне по Штатам в маленьком клубе The Roxy. Тогда едва ли кто слышал о Бобби Марли. Тогда ещё не было открыто главное течение Америки – регги. Я всегда был большим поклонником Боба и Рудокопов. Я знал все их ранние альбомы, но «вживую» никогда не слышал. Это было потрясающее выступление, на моей памяти таких немного. Место набито – яблоку негде упасть, непонятным образом, преимущественно британцами и атмосфера соответственно взрывоопасная. Марли был очень хорош. Мне бы хотелось выглядеть не хуже. Это просто подарок – заходить и быть

зрителем в таких концертах.

Америка оказалась очень волнующей, но и одновременно выматывающей – просто живодёрня! Каждое утро по 6-7 интервью для радиостанций, после обеда ещё больше для прессы. Я ничего не мог поделать акцентом, непонятным для янки. Как называется ваша группа? Мы отвечаем 'Slade' - 'Slide'?, нет - 'Slade', ах значит 'Slide?' да, да так вас и так! Они считали нас австралийцами, наш «диалект» нравился, но оставался непонятным. Шутки по поводу нашего и их произношения не прекращались весь тур.

Как коллектив, мы очень много трудились, но в Америке работа оказалась сверхтяжелой. Это был не прекращающийся бизнес, 24 часа в сутки. Даже вечера после шоу, становились продолжением выступлений. Режиссеры звукозаписи, люди музыкального бизнеса, радиожокеи, приходили на вечеринки и считали, что мы должны отрабатывать продолжение выступления, в любом состоянии, даже обессиленными. Мы не представляли, как много Америка требовала от нас, какие колоссальные масштабы этой страны. Прибывая в страну, мы не были настолько наивны, чтобы ждать немедленной любви американцев, её нужно заработать. Чес постоянно пытался подбадривать нас, видимо чувствуя нашу усталость и угнетенность. Он подпитывал уверенность коллектива фразами: «Вы самая лучшая группа из всех мною слышанных», или - «Нодди, ты величайший певец». Никогда ранее до поездки в Штаты он таких слов не говорил.

Из этой поездки мы вернулись много мудрее. Наши шоу также претерпели изменения и стали более выразительными. Мы обновили все оборудование, усилительные системы и свет. Каждая группа, побывал в Штатах, поступала таким образом. Я помню пришел посмотреть на Mott The Hoople в Уолверхемптоне, до нашего посещения Штатов. После возвращения из Америки, я понял откуда позаимствованы новые идеи. Также поступили Free и Status Quo. Мы все хотели эмулировать американские группы в отношении звука, делая его сильнее и лучше.

Мы уже были шумной группой, но с новыми усилителями стали просто шокирующе громкими и расплющивали публику. В это время на каждое выступление выходили с песней *'Hear Me Calling'*, кавером Ten Years After. Наша версия оказалась мало похожей на оригинал. Начиналась она очень тихо и спокойно. Это идею я подслушал у The Spencer Davis Group, и тоже получил замечательный эффект. Я стоял у края сцены и играл на гитаре в спокойной манере первые несколько минут. Это затягивало людей, я и Джим начинали первый куплет очень негромко. На лицах публики читалось изумление – куда у парней делся звук? Внезапно мы втроем взрывались в унисонном рифе, сильный свет

усиливал эффект внезапности. Удар валил публику с ног. Британские залы ещё не обладали такими усилительными системами и такой микрофонной обвязкой, которые применили мы и опять, оказались на вершине экстравагантности.

Таким образом мы открывали наши выступления годами. Мы даже записали *'Hear Me Calling'*, но в студийном варианте нужный эффект не достигается, это нужно слышать только вживую. Позже, мы гастролировали с Ten Years After и их певец Alvin Lee рассказал, на нашей записи он заработал денег больше, чем со своей группой. Он был чертовски доволен нашим подарком, хотя Ten Years After были в Америке очень большой величиной.

Следующими синглами оказались *'Mama Weer All Crazee Now'* и *'Gudbuy T' Jane'*. Вторая из них оказалась песней наиболее легкой для записи. Мы находились в студии, подрабатывая некоторые дорожки, как вдруг образовалось окно в полтора часа. Чес ненавидел пустую трату времени: - «Есть другие песни к записи?». Мы положим на дорожку базовый вариант любой вещи, которую сможете подготовить. У меня с Джимом не было ничего, кроме наметок песни о девушке Джейн, которую повстречали в Сан-Франциско. Другие участники и этого не слышали. Мы наиграли Чесу, что имели, ему понравилось и он дал нам 30 минут на запись. Пока Джим знакомил с мелодией Дейва и Дона, я, по дороге в туалет, закончил стихи. Я четко знал о чем написать, потому что это история из жизни.

Джейн была потрясающе красивой девушкой, помогающей вести ток-шоу на ТВ Сан-Франциско. Ей едва ли исполнилось 16 и, на экране она ничего не делала. Всё интервью вел парень. Джейн сидела рядом и трогала свои роскошные волосы, не говоря не слова. Незадолго до встречи она потеряла «дорожные ботинки 40-х», которые были обычной платформой. Она думала, что купила оригинальную, антикварную вещь и отдала кучу денег, парню, который, её явно надул. В Британии такой антиквариат можно купить во многих обычных магазинах. Она поставила всех на уши, убеждая, что шоу не может начаться, пока ботинки не найдены. Строчка - получи под зад ботинком 40-х, связана с тем, что когда она всё-таки нашла их, я получил под зад. Эта девушка была образцовой помешанной, настоящая хиппи Сан-Франциско.

Мы записали песню за два захода, к полудню работа закончилась. На следующий день добавили побольше гитары и фонового вокала, Чес прописал всё вместе. «Парни, это следующий хит!» - услышали от него. Название «Прощай Ти-Джейн» придумал Джим. Мой вариант начинался «Здравствуй», но Джим всегда оставался непробиваемым пессимистом. Техники дали ему прозвище «Мидлендское Несчастье». Я был его полной

противоположностью.

'Gudbuy T' Jane' всем понравилась, но не стала прорывным хитом первой позиции. Чес тщательно разрабатывал свой план и на следующий год у нас появилось 3 сингла, которые сразу, с момента появления шагнули в первые позиции чартов.

В 1973 мы выполняли второе турне по Соединенному Королевству. Нашими открывающими артистами стали Suzi Quatro. Они только прибыли в Британию и никогда здесь раньше не выступали. Никто не знал о Сьюзи. Ее заметил в Дейтройте Mickey Most, а поскольку он ранее записывал The Animals' и был дружен с Чесом, то попросил взять её в турне, дабы она почувствовала игру перед аудиторией на краешке сцены. Второе отделение. должны были работать Thin Lizzy, которые уже имели хит *'Whisky In The Jar'*, затем мы.

Это был самый бурный гастрольный цикл, сумасшедший с начала и до конца. Сьюзи жаловалась, что ей дали мало времени в нашем выступлении, однако наработанных песен у неё оказалось не много, а наши поклонники были известны особым пристрастным отношением к открывающим артистам. И не имело значения, кем был артист – мужчиной или женщиной, неизвестным или уже крупной величиной. Если наши слушатели полюбили исполнителя, то они любили его, а если нет, публика всегда показывала своё отношение.

Сьюзи неплохо действовала в этих обстоятельствах. Я думаю, что 20-и минутный период был выбран правильно. Спустя годы Сьюзи подтвердила это, вспоминая, как много у нас научилась. Она поняла, как управлять аудиторией, как сделать зрителей вовлеченными в процесс концерта. Phil Lynott говорил тоже самое. Все участники Thin Lizzy каждый вечер стояли у кромки сцены и наблюдали, как мы работаем. После этого я убеждался в нашем влиянии, наблюдая их последующие выступления.

Thin Lizzy уже тогда являлась великолепной группой, играющей ярко выраженный ирландский рок. Сьюзи, в основном, исполняла каверы. Вскоре, вышел её собственный сингл *'Can The Can'*, ставший №1. Без сомнения, мы сильно её подтолкнули. Тогда же нашли ей мужа. Мы свели Сьюзи с Ленни Туки, первым гитаристом. Как-то я заметил Сьюзи в смятенном состоянии, Ленни ей понравился, но сделать следующий шаг она не решалась и попросила моего совета. Я посоветовал не нервничать и быть посмелее. Несколько днями позже после выступления в Плимуте они оказались вместе на вечеринке, и вскоре поженились. В 90-х они расстались, Сьюзи снова вышла замуж, а Лени сейчас является менеджером Дейва и Дона.

В то турне мы стали очень дружны с Филом Линотом. Он был

просто «сумасшедшая голова». Позже он стал знаменит своим неукротимым и необузданным поведением, но уже тогда он был большой любитель покурить и выпить. Фил умер 10 лет спустя, от передозировки, оставшись чемпионом по женщинам, выпивке и наркотикам.

Несколько следующих лет мы выступали с Thin Lizzy в Британии и Штатах. В 1974, после начала турне у Фила обнаружился гепатит, причем контактная форма. Нас охватила паника. Каждый из участников тура прошел обследование. Мы вошли в лабораторию, встали в длинную цепочку и спустили штаны. Зрелище не из приятных, мы поклялись припомнить это Филу.

В один из вечеров этого турне я написал слова *'Cum on Feel The Noize'* («Почувствуй этот шум»). Когда мы были на сцене, звук публики оказался так громок, что я едва мог различить свой голос. Место выступления имело замечательный эффект эхо. Первоначальное название песни было *'Come on Hear The Noize'* («Услышь этот шум»), но вернувшись мыслями к прошедшему выступлению, решил, что «почувствуй» это наиболее подходящее слово.

Ещё до выхода сингла, мы почувствовали, что надвигается хит-монстр. Мы его сыграли несколько раз на концертах, и всегда следовал неистовый взрыв аудитории. За дни, непосредственно предшествующие выпуску пластинки *'Cum on Feel The Noize'*, поступил заказ на 300.000 штук, в последующую неделю еще на 200.000. Сингл сразу ударил по первой позиции и оставался там ещё 2 недели, удерживая на позиции №2 Болана с *'20th Century Boy'*, что особенно порадовало Дейва. Меня Болан не волновал. Меня волновал факт, что мы повторили успех The Beatles. Когда поступил предварительный заказ, мы были почти уверены в успехе и все-таки испытали чувство счастья , когда узнали наверняка. План Чеса сработал, но и песня неплоха. *'Cum On Feel The Noize'* была перепета множеством групп. Это оказалась просто отличная рок-н-рольная вещь.

В тот день, когда мы выстрелили в №1 проходило выступление в Манчестере. Атмосфера волнующая. Все знали, нашу позицию сингла и просто ожидали исполнения песни. В эту же ночь Манчестер Юнайтед выиграли большой кубок и весь город был на улице и праздновал. Выступление получилось одним из самых ярких из всех, которые я помню. После этого наш профиль изменился. Мы не могли подъезжать и уезжать с места выступления без полицейского автобуса.

Ещё такое же запоминающееся выступление в Гринс Плайхаусе в Глазго. Нам пришлось прятаться в полицейском

автобусе. Мы прождали несколько часов, прежде чем нас смогли доставить в отель. Голодные, усталые, замерзшие мы жевали чипсы в автобусе. Такую жизнь вряд ли можно назвать гламурным стилем. Прежде чем улица не очистилась мы не попали в отель. Множество поклонников разыскивало нас, сотни человек дежурило и подлавливало, узнавали наш лимузин и засекали наше место. Фанаты гонялись за нашей машиной, пока мы сидели в полицейском грузовичке.

Мы знали, что войдя в шоу-бизнес мы должны были нести некоторые обременительные обязанности. Нам нравилось поклонение, но быстро наступило разочарование. Нас лишили возможности просто сходить в театр, кино и это тяготило. Даже Дейв обнаружив второе дно. Единственным местом, где мы чувствовали себя в норме, оставался район Мидленд (Средняя Англия). Там нас знали десяток лет и никто нас не напрягал.

После выхода *'Cum on Feel The Noize'* мы стали притягивать множество настоящих чокнутых. К счастью мы редко встречались с ними лицом к лицу. К тому времени гастроли становились очень беспорядочными и за сценой мог оказаться любой человек. Произошло несколько случаев с реальной угрозой. Тысячи поклонников кочевали за нами, сопровождая прибытие или отъезд. Они бросались на крышу автомобиля, не думая о своей безопасности. Мы часто их сталкивали, прорубаясь через толпу. Это пугающий опыт. Когда тысячи подростков беснуются вокруг машины, мир вокруг кажется шатким, непрочным. Сегодня артистов завозят прямо на сцену, через задние охраняемые парковки. В Штатах, да и в Британии, ко входу на сцену вели маленькие проходы, хорошее место для засады фанов. Парни заскакивали и на крышу, и на капот, прыгали и топтались, стряхнуть их было почти невозможно. Мы часто думали, что автомобиль не выдержит натиска и расплющится под напором молодёжи. В общем это походило на военную операцию по проникновению на сцену и в отель и исчезновению с наименьшими потерями.

Неистовое поведение поклонников подтверждало нашу бешеную популярность. Но в этой круговерти, мы буквально в течение двух лет ничего не знали, что творится с внешним миром. Наше мироощущение ограничивалось рамками гримёрок, отелей, автобусов и самолетов, ТВ и радиостудий, концертными залами. Но всё равно здорово. Путешествия первым классом, множество выпивки и женщин, и города о которых едва слышал. Мы потеряли приватность, это минус, но занимались любимым делом, это плюс. Мы собирались делать это настолько долго, насколько позволят обстоятельства.

▲ *Look to the future now, it's only just begun...*

Смотри в будущее, всё ещё впереди!

▶ *Daddy's girls! Charisse and Jessica at my 50th birthday party.*

▼ *The three teachers from* The Grimleys *TV comedy–drama series. Me as music teacher Mr Holder, with Amanda Holden as Miss Titley and Brian Conley as Doug Digby.*

GRANADA TELEVISION

Папины девчонки. Джессика и Черисси на 50-летнем Юбилее

Три учителя из сериала The Grimleys. Я – мистер Ходер, Аманда

Холден, в качестве мисс Титли и Брайан Конли, как Дауг Дигби.

Сумасшествие турне 8

В середине всего хаоса хитов, турне и поездок по Штатам, я купил свой первый дом. Он располагался в Саттон Голдфилд, пригороде Бирмингема, в шикарном месте, недалеко от парка, в котором раньше юнцом бывал с дружками. Это было точно в том месте, в которое я стремился и обещал себе купить дом, если заработаю достаточно денег. Я намерено выбирал дом в этом районе. На самом деле, я не очень нуждался в жилище. Когда тянуло вернуться в Мидланд, я всегда мог остановиться у родителей. Я никогда не жил там несколько лет подряд. Приезжал на пару недель, а мои родители присматривали за хозяйством. Они приезжали не больше, чем на неделю, делали уборку и ухаживали за садом.

Дом был построен городским архитектором Бирмингема, который некоторое время в нем жил, но вскоре продал свое имущество. Я как раз угадал момент. Стиль определялся, как бунгало, скандинавское шале. Многочисленные окна обеспечивали обилие света. Задняя стена представляла собой сплошную стеклянную панель, кошмар для процесса чистки. Вид был очень странный, особенно в те дни. Этот вид произвел странное впечатление, но я подумал, что именно в таких домах должны жить поп звезды. Внутренний дизайн озадачивал отсутствием стен, треугольные формы сочетались с наклонными потолками. Это не было владением в общепринятом смысле, но так поразило меня, как никакое другое. Внутри было много канадского дерева, включая деревянные полы. В общем, я сразу понял, что это моё.

С некоторых пор соседи меня невзлюбили. До меня сад был открыт и обращен на дорогу. Мне в целях безопасности пришлось построить изгородь, что отгородиться от назойливых поклонников. Они перелезали забор и тащили из сада всё, через проломы изгороди и пугали соседей.

Тогда у меня ещё не было постоянной девушки. Будучи постоянно в разъездах я не мог позволить постоянные отношения. Я встречался с уймой женщин, но не имел возможности завести хозяйку дома. Джим был женат, у Дейва и Дона были девушки в Уолверхемптоне. Дейв купил дом вскоре после Джима, затем женился и до сих пор остается со свой женой. Дон купил квартиру в Уолверхемптоне, но затем со свой девушкой расстался.

Мы становились успешнее, но и наш график становился более

напряженным. Мы постоянно записывали и выпускали синглы, без передышки отрабатывали туры. Мы совершали набеги на Штаты каждые 4-5 месяцев. Между этими поездками мы выступали в Британии, Европе, Японии и Австралии.

Первый австралийский тур состоялся в начале 1973. Мы выступали в одной связке со многими командами и объездили всю страну. На каждом шоу присутствовало 30-40 тысяч зрителей. Мы были в первой линии, вспомогательными артистами выступали Status Quo, Lindisfarne и Caravan, которые являлись стоящими представителями прогрессивного рока и пара местных групп. Мы не представляли масштабы нашей популярности. Оказалось, *Slade Alive* первую позицию в течение 6 месяцев. Он только что ушел на вторую позицию, а выбил его наш следующий альбом *Slayed* . Теперь мы начали осознавать, что и как.

Все британские артисты летали одним и тем же рейсом, который длился 28 часов, приходилось крепко выпивать. К концу полета мы здорово надирались. Выйдя из самолета мы заметили толпу корреспондентов, которые снимали наше прибытие. В качестве продвинутой шутки они прикатили полную тачку лагера, но пить мы были уже не в состоянии. Так мы спустились на австралийскую землю.

Выступления оказались похожими на фестивали в Британии. Мы застали период, когда страну заливали дожди, всё было затоплено. Только в Мельбруне повезло с хорошей погодой. Когда на сцену вышли Status Quo, солнце оказалось слишком сильным. Они не надели защитные очки и вообще никак не побереглись. К концу выступления они здорово обгорели. Ужасный ярко-красный цвет лиц остался до конца тура, а солнца уже не было, везде, куда бы мы не приезжали, шли проливные дожди. У всех немой вопрос, где же всё-таки ребята успели загореть?

Quo были прекрасной группой и отличными попутчиками. И они, и мы, и Lindisfarne оказались не дураками выпить и вокруг нас постоянно присутствовала обстановка мятежа. Перед самым отбытием я записал сотню трейлеров для местных радиостанций для поддержки выступлений. Каждое утро нас мучило похмелье, потому что после каждого выступления следовал фуршет или вечеринка. Мы сидели с затуманенным взором, повесив головы, и тут водитель автобуса включал радио. Первое, что все слышали, был мой радостный голос и эти трейлеры. Quo просто стонали: «Нодди не надо, пожалей нас». Невозможно передать то веселье старых времен. Нас снимали с рейса за то, что в самолете мы кидались друг в друга куриными ножками. Постепенно хаос турне захватывал нас. Мы попутали пару городов, и приехав на место обнаруживали, что нас здесь совсем не ждут.

Чес единственный из нас, который никогда не расстраивался из-за запрета лететь. Он ненавидел перелеты, а австралийские пилоты оказались просто ужасными летчиками, настоящими камикадзе. Они плюхались на посадочную полосу так, что пассажиры разлетались во все стороны. После одной особенно «удачной» посадки Чес вскочил со своего места ворвался в кабину и, схватив пилота, тряс его, готовый выпустить дух. Он на весь самолет орал, что убьёт «факинного» ублюдка, мы сидели и наслаждались зрелищем.

Мы пытались вести сдержанный образ жизни и старались не пить до выступления. Бутылка пива, чтобы успокоить нервы, не более того. Но после концерта воздержание заканчивалось и мы крепко набирались. Дон начал попивать шампанское, или что-то в этом роде и заканчивал в худшем состоянии, чем мы. Денег на ветер перевели без числа, не очень заботились о последствиях. Это оказалось определенным перебором, но мы наслаждались жизнью так, как раньше и мечтать не могли.

Другой значительный опыт - это наше оборудование. Это оборудование путешествовало по всем странам, где довелось выступать. Многие группы практиковали у местный лизинг аппаратуры. Мы же хотели предстать только в лучшем свете и таскали оборудование за собой. Наше оборудование включало здоровенные усилительные системы и световую экипировку. Мы знали, что в Австралии не найдем подходящего стандарта. В конечном счете, нам пришлось купить дублирующий комплект оборудования, потому что шипинг оказался весьма дорог. Такой же ход мы использовали в Штатах. Другие музыканты считали нас сдвинутыми расточителями, но мы придерживались мнения, что качеством звука жертвовать нельзя.

После австралийского путешествия наступила очередь Японии. Мы прибыли сюда в первый раз и наше оборудование прибыло следом. Одна из британских фирм снабдила нас новейшим оборудованием. Предполагалось, что мы опробуем новую разработку в деле. На японских концертных площадках действовало единое правило, которое заключалось в том, что монтировать аппаратуру разрешалось только местным техникам. На первом концерте наши ребята показали, как это делается, и работа проходила совместно. Через день японцы разобрали всё до винта, а потом всё собрали и погрузили на грузовик за 40 минут. Я ещё не видел такой сноровки. На втором концерте мы уже внимательно присматривали за ними. Они снимали крышки усилителей и делали массу фотографий. Для нас стало очевидно, что японцы поражены увиденным. Я спросил: «Ну что? У вас таких штуковин нет?» - «Нет. Но скоро будут!».

Японская аудитория нас изумляла. Охрана вела себя жестко, вставать на сиденья строго запрещалось. Это плохо подходило к нашему шоу. С первых минут мы подбадривали народ встать с кресел. Мы стремились к мятежу каждую ночь. Ребятки получили шанс нарушить правила и восстать из послушания. Конечно, сразу возникли трения с промоторами. Большинство местечек не имело подобного опыта разгильдяйского отношения музыкантов.

Мы никогда прежде не были в Японии, но сразу её полюбили. Каждый старался выказать своё сердечное отношение, они жертвовали всем, лишь бы убедится, что мы довольны пребыванием в их стране. После одного из выступлений промотор устроил экскурсию в дом гейш. Дейв пойти отказался, ссылаясь на неподходящую еду. Где бы мы не находили шикарный ресторан, Дейв искал собственный путь к любимым Королевским бургам и Макдональдсам. Но насчет дома гейш он прогадал. Восхитительные женщины вводи вас в волшебный тропический сад и струящиеся водопады. Другой мир.

Японцы не любили западников, за отсутствие понимания их тонкой культуры. Целый пласт страны скрывался под туманной завесой. Нам дали местного водителя, который отвозил нас на все выступления. Однажды, насытившись туристическими видами города, по возвращению в отель мы попросили его отвезти нас в такое место, где отдыхают одни местные. Нам надоели дорогие рестораны и сверкающие дискотеки, мы хотели увидеть другую сторону Японии. Нам интересно увидеть обыденную жизнь людей. Парень заколебался, мотивирую отказ возможным увольнением. Мы пообещали начальству ничего не рассказывать, а если он не согласиться, то его одежда будет разорвана на кусочки и выброшена в окно. Бедняге ничего не оставалось, как согласиться. Мы попали, куда хотели. Сразу стало понятно, что здесь никогда не видели людей с Запада. Все сидели вокруг выпивки, место напоминало игорный притон, всё очень тонко, но полно криминала. Место затихло, как только мы вошли. Мы оказались не просто западниками, но ещё длинноволосыми чудаками в цветастых рубашках. Кроме того, мы были немного нетрезвы, потому как без обеда и напробовались саке.

У нас приняли заказ на спиртное, мы сели. Через несколько минут вся барная стойка сосредоточилась около нас. Группа трансвеститов переодетая в женские одежды устроила шоу специально для нас. Они очень обрадовались нашему появлению и исполнили мимические танцы под песни Shirley Bassey, но на японском языке. Мы и слова не поняли, но зрелище вышло потрясающее. В этом притончике мы зависли до 7-ми утра.

Я влюбился в японских девчонок, впрочем, как и остальные.

Это были очень смешные девушки и одну я особенно запомнил. Она была прислана, как подарок басиста The Faces, по имени Tetsu. Девушка пришла в тот же день, как мы прибыли в Японию. Когда я открыл дверь она сказала, что Tetsu прислал мне подарок. «Отлично! И где же он? – Это я». Больше ни слова по-английски она сказать не могла. Она оказалась чудесной девушкой. Я возил её с собой всё турне. Мы отлично проводили время несмотря на языковый барьер. Мы разработали свою коммуникацию. Просто потрясающая девушка!

Несколько наших вещей стали хитами, но огромной популярности не состоялось. Японцам нравился наш яркий стиль, но в музыкальном отношении мы никого не удивили. Они предпочитали тотальный тяжёлый рок или ярко выраженный поп. Мы не являлись ни тем, ни другим. Они не смогли нас распробовать. Странным образом успех выпал на кавер *'Cum on Feel The Noize'* исполненный местным аналогом Cliff Richard. Версия попала на позицию №1, но еле походила на наш оригинал. Если бы нам не сказали, что это наша песня мы бы никогда не догадались. Этот парень убил всю тяжесть и песня стала бесцветной.

После Японии мы опять вернулись в Штаты. Первое выступление состоялось в Нью-Йорке и прошло великолепно. В New York Times вышла рецензия на наш концерт, мы в жизни не читали более смешной нелепицы. Там говорилось, что на сцену вышли четыре ужасных англичанина. Певец продемонстрировал голос, который напоминал звук ногтя, скребущего по классной доске. Подумайте, когда-то англичане прислали нам The Beatles, а теперь подарили вот ЭТО! Все серьезные газеты отзывались о нас в этом духе, но нас такое отношение не задевало. После того, что о нас писали в Британии во времена скинхедов, это детские игрушки. Нас всегда и ругали, и хвалили, реагировали в основном на наши сценические костюмы. Иное дело музыкальная пресса. Они понимали, что мы пытались сделать и обычно придерживались позитивных высказываний. Мы привыкли к возможной реакции прессы и на вкладках *Slade Alive* поместили отрывки статей о нас самой различной направленности. Мы вызывали полярное отношение слушателей, одни нас полюбили раз и навсегда, другие раз и навсегда возненавидели.

Годами позже нам стало известно, что Kiss тоже присутствовали на том Нью-Йоркском шоу. Группа ещё не существовала. Очевидно, мы произвели сильное впечатление, они оценили наш подход к делу и пошли ещё дальше до вершин направления. К их чести, позднее, они признали, что многое позаимствовали именно у нас. К тому времени, когда Kiss вышли

на площадки Штатов, это было, что надо. Мы предлагали тоже самое, раньше, видимо, просто слишком рано.

В рамках этого турне мы в первый раз выступили на американском фестивале в Фресно. Это местечко на западном побережье, где мы хорошо прижились. В афише доминировали Sly & The Family Stone, и для нас выступать вместе оказалось необычным опытом. Я являлся их горячим поклонником и предвкушал долгожданную встречу, хотя они имели очень плохую репутацию, из-за манеры опаздывать на концерты и производить беспорядок.

Мы выступали непосредственно перед ними и к концу нашей программы они ещё не объявились. Их промотор стоял около сцены и делал знаки рукой, чтобы мы продолжали выступление, поскольку Sly & The Family Stone ещё не появились. Мы вкалывали уже около часа и, чтобы продержаться, извлекли из сундука вещи, посыпанные нафталином, которые мы не исполняли несколько лет. Пошел третий час наших мучений, публика недоумевала, собираемся ли мы вообще сойти со сцены. Наконец голубчики прибыли и их шоу стало моим самым большим разочарованием в жизни. Мы никогда не видели их живьём и зрелище оказалось ужасным. Эта происходило на закате карьеры, и их окаменелость не уступала хаотичности музыки. Если бы они добавили капельку здравого смысла, они смотрелись хорошо. После выступления мы встретились в баре и пытались наладить контакт, но контакт с инопланетянами не состоялся.

Мы возвращались в Фресно несколько раз и познакомились со многими местными жителями, нашими поклонниками. Они увидели нас в Сан-Франциско, затем летели за нами в Фресно. Как-то раз мы подвозили в лимо до аэропорта девушек. Наш американский менеджер Peter Kauf спросил, есть ли у них другие стремления, кроме, как послушать музыку и секса. Девушки ответили, что нет, но такая жизнь им нравится. Эти девушки часто сопровождали нас, и их присутствие скрашивало жизнь на чужбине. Мы брали их на ужин, они таскали нас по клубам и барам. Встречая знакомые лица, не так скучаешь по дому.

Когда наши туры в Штаты легли на постоянную основу, я начал собирать полицейские значки. Я думаю корни этого увлечения лежат в детстве, когда впечатления формировались американскими фильмами, в которых полицейские всегда выглядели внушительно. Мне нравилось примечать, как они важничают на наших концертах, этакие ковбои с блестящими бляхами. На выступлениях я часто заводил разговор о том, о сём а потом выпрашивал значок, а иногда плащ или шляпу. Поначалу получал отказ, но пообещав бутылочку виски из гримерки, я

добивался своего. Они стали применять хитрость и врать начальству, что амуниция исчезла при наведении порядка в неравной борьбе с бессовестными зрителями. Я получал вожделенный значок, коп получал желанную бутылочку.

Я познакомился с одним копом и встречался с ним много лет. Он присутствовал на большинстве наших концертов. В первый раз встреча произошла в клубе Asbury Park, который находится в городе Springsteen штата New Jersey. Мы поболтали в гримерке и он подарил мне значок. Нареченный именем Officer Dibble, подобно полицейскому из *Top Cat*, он принял прозвище с благодарностью. Он также говорил и также двигался, как известный герой, и когда заходил навестить нас, возникала взаимная симпатия.

После проявления дружеского отношения, я замахнулся на значок федеральной службы. Задача оказалась тяжёлой, потому что власти строго следили за сохранностью знаков и неохотно выпускали новые изделия. Поэтому Dibble не мог отдать свой, но как-то принёс мне желанную вещь неизвестно откуда. Оказалось, он написал письмо президенту Соединенных Штатов, которым являлся Никсон, и попросил один экземпляр для меня. Никсон прислал. Я был в шоке. Снимите шляпы перед Officer Dibble, парень, что надо!

Я также начал собирать полицейские патроны, которые они снимали с поясов. Не знаю, почему я этим занялся. Зачем люди начинают собирать что-либо, это просто хобби. Мне нравилось видеть, как много вещиц я собрал.

Полиция часто приходила за сцену, проверить нет ли травки. Они редко что-нибудь находили, мы не были глупцами. Тогда они шли в ряды молодежи, чтобы компенсировать свой провал. Потом притаскивали траву за сцену и курили. Эта было их любимым приемом. В одной поездке, на большом выступлении в Филадельфии, множество копов фланировали за кулисами. Я находился вместе со Свином в костюмерной, где также присутствовали наш менеджер и шотландец Робби Вилсон, член технической команды. Двое ушли и я решил сыграть шутку. Я попросил копа подыграть мне и привязать к двери, якобы за обнаруженную травку. Когда парни вернулись и увидели это, их лица исказились. Свин воскликнул: «За что вы его арестовали?». Полицейские заявили, что нашли траву. Он проведет ночь в камере. Свин и Робби растерялись, Чес находился в отъезде, связаться с ним не представлялось возможным. Остальные участники группы были в курсе происходящего и сдерживались, чтобы не рассмеяться. Свин и Робби отвели полицейских в сторонку и стали предлагать взятку, чтобы меня отпустили.

В тот вечер мы провели замечательное шоу, по которому я скучаю. Мы закрывали выступление, в афише которого были The Eagles, Стиви Вандер (Stevie Wonder) и Лу Рид (Lou Reed). Последний выступил фантастично, если так можно сказать о плохом выступлении. Он просто слетел с катушек. Его вынесли на сцену, свалили на стул и дали гитару. Парень успел сыграть две песни, до того момента, когда его отнесли обратно, потому что он просто сваливался со стула. Это было ужасно, он не мог вспомнить слов песен. Все происходило в Филаделфия Спектрум, который вмещал 20 тысяч зрителей, и выступление считалось важным, престижным. Лу оказался настолько замороженным, что когда его уносили вместе с табуретом, он пытался продолжать петь, чудесно! Парень даже не понял, что перед ним уже нет аудитории.

Часто на гастролях в Штатах нашими открывающими артистами были Iggy Pop. Игги был чудак из чудаков. В то время он злоупотреблял наркотиками. Мы глазам не могли поверить, какие штуки он выделывал на сцене. Каждый вечер он прыгал со сцены в публику и предлагал пырнуть его ножом. Никто не соглашался. Иногда ему всё же удавалось уговорить кого-то ударить его стулом по голове. К концу шоу он становился похож на черный синяк. Когда Игги возвращался в гостиницу, следовали очередная доза и дальнейшие безобразия. Потом приезжала скорая помощь. Постепенно мы к этому привыкли, и когда сидя в баре слышали сирену, понимающе кивали – это к Игги приехали.

Несмотря на эти проблемы, мы любили гастролировать с Игги. Мы часто оказывались с группами, которые совсем не подходили нашим фанам. Однажды мы выступали вместе с Santana, и получился отличный концерт. Казалось, что может быть худшим сочетанием Slade и Santana, и мы заранее настраивались на провал. Мы оказались неправы. Santana завел наших фанов, мы заштормили его почитателей.

Другим странным концертом оказалось совместное выступление с King Crimson и The Strawbs. Strawbs начали первыми и отыграли неплохо, хотя и без блеска. В штатах их почти не знали и многого они не ожидали. Следующими выступали King Crimson. Я хорошо знал фронтмена Роберта Фрида, который был потрясающим артистом, но очень эксцентричным, несмотря на внешность старого английского джентльмена.

Музыка King Crimson представлялась сложной и осмысленной. Роберт сидел на табурете со своей гитарой. Публика оказалась 50/50 их и наша. Во время выступления наша публика шумела - 'Буги, Буги.' Это был признак веселья и желания

позадирать артиста. Но после пары песен Роберт не вытерпел и подойдя к микрофону роскошным голосом произнёс: «Мы не собираемся буги-ровать». Так родилась самая удачная шутка. Зал был в нокауте. Вот такой этот Роберт.

В Штатах с нами постоянно случались необычные происшествия. Наверное, это следствие огромной территории. Мы умудрялись вляпываться в истории даже в Канаде, в этой образцовой и ухоженной стране. Во время одних гастролей я способствовал спасению жизней двух девушек. Это случилось в один из выходных вечеров. Свин и я зашли в бар, в котором находилась дальняя комната для игры в бильярд. Вдруг, в середине игры против двух местных прозвучала пожарная сигнализация. Мы переглянулись и спросили местных уж не пожар ли. Те спокойно ответили, что не нужно обращать внимания, она часто срабатывает на сигаретный дым.

Пятью минутами позже в комнату повалил дым. Помещение горело, а мы застряли в этой комнате. Все схватили одежду и бросились к выходу. Продираясь через огонь, я услышал крики из женского туалета. Пришлось вернуться и выбить дверь. За дверью оказались две девушки, которые не могли оттуда выбраться. Пришлось открыть все краны и облиться с головы до ног. После этого я потащил их к выходу. На следующий день все канадские газеты описывали мой благородный поступок. Моя слава достигла Британии, и местная пресса подробно описала случившееся. Я до сих пор храню множество тех газет. В знак свой благодарности обе птички подарили мне по пёрышку, так что стоило их спасать.

Ещё одну девушку я спас в Нью-Йорке, хотя выбора и не было. Она являлась большой поклонницей Slade и кочевала вслед за нами по всему восточному побережью. После Филадельфии мы переместились в Нью-Йорк, здесь находилась наша база. Вернулись в отель поздно, я сразу пошел в номер. Когда вошел, увидел девушку, сидящую на крае кровати. Я узнал её, поскольку много раз видел и разговаривал с ней на концертах. Она выглядела чудесно, но мы не были близкими друзьями. Я спросил, что она здесь делает и как попала в номер, получил ответ, что помогла невнимательность горничной. Девушка попросила разрешения немного посидеть, но я сильно устал и хотел спать. Я объяснил, что ей лучше уйти. Тогда она попросилась в туалетную комнату, я разрешил. Прошло десять минут, никакого движения, я забеспокоился. Дверь заперта, ответа нет. Я привлёк Свина. Мы взломали дверь и увидели, что девчонка лежит на туалетном сидении со вскрытыми венами, на полу лужи крови. Вызвали скорую. Её перебинтовали и увезли.

Больше я её никогда не видел.

Многие люди доставляли нам много хлопот, и в первую очередь наши техники. Самые беспокойные были Джи-Джи, Чарли, Хаден и Робби Вилсон. Вилсон особенно крепкий орешек, настоящий уроженец Глазго и большой любитель алкогольных напитков. В Штатах его постоянно забирали в каталажку. Однажды, когда мы очень торопились, он так надерзил полицейским, что те свезли его прямо в суд. Это произошло в Лос-Анджелесе. Судья разрешил ему продолжать турне, но всякий раз он должен был возвращаться в Лос-Анджелес и отрабатывать свою несдержанность.

В Новом Орлеане мы первый раз наблюдали перестрелку, которая случилась на улице посреди дня. Все попадали на землю, мы же были ещё зелены – стояли и смотрели, чем закончится дело. Питер Кауф был с нами и первым бросился на асфальт, крича нам немедленно ложиться. Мы остолбенели и могли пошевелиться. Казалось, это фильм, а не жизнь.

Мы прибыли в Штаты после длительного европейского турне, где рысью отыграли 18 шоу без единого дня отдыха. В Далласе или Хьюстоне, точно не помню, мой голос выдохся. Проблемы с голосом появились в первый раз. Я не мог разговаривать, не то что петь. Это явилось последствием перенапряжения и усталости. Записывающая компания посоветовала позаниматься с тренером связок. Но я отверг предложение. Я пел горлом, как большинство рок музыкантов. Тогда они порекомендовали мне специалиста в Нью-Йорке. Прошло немного времени, и мой голос немного поправился, но компания настаивала на посещении врача, опасаясь серьёзных последствий. Я то знал, что это пустая трата времени, но подчинился. Сидя в приёмной, я услышал пение одной из пациенток. Это была певица из *West Side Story* шоу, большая примадонна с Бродвея. Она прошлась по всем регистрам и звучала не очень хорошо. Когда она ушла, наступила моя очередь. Доктор напоминал чокнутого профессора. Он был очень стар, с седыми волосами. Доктор сказал: «Вы, кажется, имеете проблемы с голосом, мистер Холдер. Вы должны продемонстрировать образец голоса, которым пели прежде и скажу в чем состоит ваша проблема». Я попросил взять Ля на фортепьяно и исполнил открывающий такт из *'Get Down and Get With It'*. Это в самом деле резкое роковое вступление и я с рёвом выдал его в атмосферу. Когда я закончил, доктор некоторое время сидел беззвучно, затем стал стрястись прежде, чем с его губ стали слетать слова. «Сколько времени вы поёте таким образом, мистер Холдер?» - спросил он, - «Тринадцать лет.» Он сказал, что если я так пою тринадцать лет, то уже ничего сделать нельзя. – «Идите с

богом и больше, пожалуйста, никогда ко мне не приходите.»

В июле 1973 мы отработали самый большое турне в Британии. Как всегда весьма хаотичное. Мы только что выпустили *новый сингл 'Skweeze Me, Pleeze Me', который последовал за* 'Cum on Feel The Noize'. Он также прямиком занял позицию №1. В ту поездку нашими открывающими артистами стали Sensational Alex Harvey Band. Мы знали их давно, с совместных выступлений в Шотландии во времена 'N Betweens. Ребята были настоящей концертной группой, но Алекс, певец группы отличался террористическими наклонностями. Он скитался по рок группам годами и хорошо знал, как себя вести в качестве открывающего артиста. Публика всегда склонна выражать своё недовольство. Наша публика особенно отличалась этим качеством. Если группа не нравилась, это давали понять с самого начала. Алекс не давал сесть себе на шею. Он перекрикивал и оскорблял зрителей, доводя их до исступления. Казалось, что ему нравится восстанавливать людей против себя. Визуальный ряд группы был ярок и безупречен. Если вы видели их шоу, хотя бы раз, то вряд ли могли забыть его. Тремя неделями позже они записали первый хит и смягчили поведение.

Было два места, в которых Алекс выступал с нами очень неохотно. Первое – наш городок Уолверхемптон. Зря беспокоился. Концерт прошел более успешно, чем в его родном городе Глазго. Но они считали это шоу ужасным. Публика их не устраивала, почему не понятно. Другое место – Лондон. Нас подрядили на выступление в Earl's Court, который являлось выставочным центром. Здесь до нас ещё не выступала ни одна рок группа. Но David Bowie опередил нас, он заказал место позже, а выступил на несколько дней раньше. Эти концерты оказались самыми крупными выступлениями под открытым небом в Британии.

Ночью, Алекс и я спрятались за сценой и наблюдали заполнение площадки. Там скопилось 18 тысяч зрителей, одетых в стиле Slade. Наблюдалось множество шляп с зеркальцами и серебряных париков, как у Дейва. Можете себе представить, что творилось в Лондоне, когда эти ребята на метро и автобусах пробирались через город. Я думаю, если бы в ту ночь поблизости приземлились марсиане, они бы быстро вернулись на корабли и дали с Земли дёру. Никогда не забуду, что сказал Алекс: «Если меня сегодня освищут, этот свист будет иметь самое громкое исполнение, когда и где-либо происходившее.» Чувство юмора не подводило Алекса в любых обстоятельствах.

Ко времени выступления в Earl's Court, *'Skweeze Me, Pleeze Me'* всё ещё оставалась №1 и концерт прошел великолепно. Это был пик нашей популярности, и мы чувствовали себя на вершине

мира. Через два дня судьба вернула нас на землю. Я вернулся в Мидленд навестить мать и отца. В четыре утра зазвонил телефон. Это был отец Дона. Голос его дрожал, он еле сдерживал слезы. Я узнал, что Дон попал в ужасную автомобильную катастрофу и по мнению докторов ему оставалось жить только сутки. Больше я не заснул, а утром с братом Дона Дериком отправился в госпиталь.

Случилось так, что Дон и его девушка Анжела попали в аварию на белом Бентли Дона. Он забирал Анжелу из клуба в Уолверхемптоне, где она работала. Это происходило в два часа ночи. Они направлялись домой, в пригород. Никто не знал точно, что произошло. Машина вылетела с дороги и врезалась с огромную стену ограждения школы. Обоих выбросило через переднее стекло. Анжела умерла мгновенно. Несколькими днями позже я увидел разбитый автомобиль, он наминал гармонику. Эта модель была сделана, как танк, но разбилась в лепёшку.

Когда мы пришли в госпиталь, Дон находился в реанимации. От всего тела отходили трубки. На побритой голове зияла открытая рана, тело было покрыто порезами и огромными синяками. Он постоянно терял сознание, видя такое состояние, было непонятно, как он ещё держится. Мы вышли из палаты и разрыдались. Говорить не смогли. Это ужасно, видеть близкого человека на пороге смерти. Мы были уверены, что ему остались считанные часы.

Невероятно, но шесть недель спустя Дон был на ногах. Свершилось магическое выздоровление. Через 24 часа после аварии, вместо ухудшения, дело пошло по другому сценарию. Появились признаки изменения состояния в лучшую сторону. Физически он был по-настоящему силен. Не будучи крепко скроен, но постоянно играя на барабанах Дон был натренирован и обладал хорошей физической кондицией. Он потерял «короткую» память, также, как и чувство вкуса, и обоняние. Даже в эти дни он не чувствует вкуса вещей и не может нюхать. Его память ведет себя странным образом, но уже не так плохо, как в те дни.

Его «длинная» память не пострадала. Он мог вспомнить мельчайшие детали из детства, но, ближайшие годы оказались стертыми напрочь.

Только спустя несколько дней после несчастного случая, Дейв уехал в отпуск. Быть точным, в свадебное путешествие. В нашем расписании образовалось недельное окно. Никто не знал, но Дон и Анжела, также как и Дейв со своей девушкой запланировали поездку в Мехико. Они собирались сделать двойную свадьбу.

Когда все собрались после отпуска, нужно было решить, что делать с группой дальше. Во первых мы не знали, сможет ли Дон

продолжать играть. Если он не сможет, то я был готов немедленно прекратить деятельность группы. Заменить его было невозможно. Без него Slade не останутся тем же коллективом. Я не знал, что по этому поводу думают другие, мы никогда этого не обсуждали. Я то настроился вполне определенно – нет Дона, нет Slade, конец истории.

К осени мы должны были вернуться Штаты. Но сначала предстояло отыграть два концерта на острове Мэн. Я не был уверен, нужны ли нам эти выступления, но Чес настоял на их проведении, уверяя, что это поможет нам пережить случившееся и доказать себе самим, что это не конец. Поскольку Дон не мог выступать, привлекли младшего брата Джима. Он играл в одной из групп и знал все наши песни. Публика оценила наше стремление выполнять свои обязательства, но в зале чувствовалось некоторая напряженность.

Через шесть недель, по совету доктора, Дон вернулся в студию. Док решил, что это будет наилучшим лечением. У нас скопилось несколько песен, и мы собирались записать их, до отъезда в Штаты и посмотреть, как Дон справиться с задачей. Нам казалось, понадобятся многие месяцы, прежде чем Дон сможет исполнять свои партии, также хорошо, как и прежде, но все ошиблись. Дон задействовал какие-то тайные внутренние ресурсы организма и отчаянно хотел играть, хотя до сих пор ходил с палочкой и бритой головой. Главной проблемой оставалось память. Он не мог вспомнить несколько мелодий. Когда мы записывали новые песни, откатав свою партию, я помогал Дону, подсказывая в наушники, где переход барабанов, где партия басового инструмента и т.д. Он четко выполнял нужный ритмический рисунок, но сыграв единожды, тут же все забывал и опять нуждался в подсказках. Примерно тоже история со старыми хитами. Если с самого начала Дон не получал целеуказаний, то мог заспешить и дать неправильный ритм.

Пару лет работать с Доном было сущим кошмаром. Он постепенно возвращался к старым кондициям. Но постоянные инциденты с памятью всех расстраивали. Он звонил ночью и спрашивал, во сколько мы убываем на гастроли. Я говорил, через десять минут все повторялось. Почему то, я был единственный человек в группе, который всегда знал, куда и когда мы едем. Все звонили мне узнать, как и что, я привык к этому, но в случае Дона звонки доводили меня до трясучки. Я честно пытался вложить в его бедную голову нужную информации, используя резкие слова. Все бесполезно. Дон, не только не помнил, во сколько выезжаем, но и то, что он звонил полчаса назад, а до этого еще раз десять. Он всегда извинялся за забывчивость,

казалось, выхода нет. Но мы его нашли.

Мы приучили Дона всё записывать. Прежде чем лечь спать, мы записывали: «Дон, ты находишься в Манчестере. Сегодня мы все встречаемся в 8 часов утра в коридоре. Ты должен собрать вещи, потому что мы убываем в Лондон…» Когда Дон утром вставал, он первым делом обращался к дневнику за нужными подсказками. Так он жил в течение многих лет.

Я старался удерживаться от грубости по отношению к Дону. Мы нахлебались с его забывчивостью, но сами старались помнить, как неизмеримо хуже приходится самому Дону. Его независимость испарилась. Он зависел от других людей 24 часа в сутки. До несчастного случая, Дон являлся самым пунктуальным человеком, из когда-либо встреченных мною. Теперь он приходил на час раньше. Он не только потерял девушку, но и всю память о ней. Он не мог узнать Анжелу на фото, пока кто-то не подсказывал. Родители девушки считали его виновным в происшедшем и возненавидели его. Однако, есть свидетельства, что вел не Дон. Точно установить не удалось, поскольку обоих выбросило из автомобиля. Один таксист видел у клуба, как за руль села женщина, а мужчина сел на пассажирское место. Сам Дон ничего не помнил, хотя к нему даже применяли гипноз. Из Калифорнии специально приезжал специалист, но много не добился.

Касаясь всего, что пришлось испытать Дону, было невероятно, что он вообще выжил, и способность играть на барабанах не имела значения. В конце концов, всё пришло в норму, но для группы эта история прошла, как серьёзная встряска. Все газеты пестрили статьями, предрекающими наш скорый конец. Наверное, так бы и случилось, если бы Дон быстро не пришел в приемлемую форму.

Несколько недель мы привели в студии, давая возможность Дону, как следует реабилитироваться. Здесь всё получалось неплохо. Теперь наступила очередь проверить Дона в турне, ведь подходил срок поездки в Штаты. К окончанию турне Дон играл почти также блестяще, как до аварии. Но мы всё равно ему помогали. Пока я объявлял песню, Джим быстренько объяснял Дону ритмический рисунок предстоящей мелодии.

После возвращения из Штатов, мы тут же начали очередное европейское турне. Дон полностью окреп и обрел нужную уверенность. Он даже начал шутить по поводу своей памяти. Годами позже Дон стал пользоваться отсутствием памяти, как преимуществом. Если он назначал свидание девушке, а потом не хотел с ней встретиться он вспоминал плохую память, жалобы на голову и т.п. Теперь нужно было следить за Доном внимательнее,

искренен он, или нет когда говорит, что-то забыл.

Случай с Доном, показал нам насколько зыбок и непрочен мир вокруг нас. Мы достигли вершины успеха, но все легко могло разрушиться. Феноменальный успех в Earl's Court и последующие события, научили нас ценить, что имеешь. Необходимо было подумать о будущем. Если мы собираемся поддерживать наш сегодняшний статус, это потребует больших усилий, а не проще ли быть просто группой-трудягой и довольствоваться достигнутым. Пока ничего нерешено. После шести месяцев все как-то само-собой утряслось и мы временно сняли поставленные вопросы, но всё вещи вокруг стали другими и простого возврата к старому мироощущению произойти не могло.

Я готов закрыть лавочку
9

В сентябре 1973 пока мы работали в Штатах, Полидор выпустила *'My Friend Stan'*, как следующий сингл. Это была одна из песен, записанных сразу после аварии Дона. Мы не претендовали на сингл, это была дорожка для альбома, но Чес настоял на скорейшем выпуске очередной вещи. В это время Полидор предложила нам написать песню к рождественским праздникам. 'My Friend Stan' была необходимой проходной вещью, чтобы выиграть время. На этой песне закончилась традиция с искажением произношения и начертания заглавий песен. Она также закончила традицию прямого захвата позиции №1, хотя и заняла вторую позицию чартов, чего мы никак не ожидали.

Прежде мы никогда не делали Рождественских песен. К тому времени были на слуху и хорошо продавались *'Coz I Luv You'* и *'Gudbuy T' Jane'*. Когда Полидор пожелал выпустить пластинку в середине декабря, мы решили, что это будет праздничная запись. К тому времени выпуск песен привязанных к календарю не практиковался. В 50-е такая практика существовала, но к 70-м традиция умерла. Ряд артистов имел опыт по выпуску рождественских хитов: Rolf Harris - *'Two Little Boys'*, Benny Hill - *'Emie'* и Little Jimmy Osmond - *'Long-Haired Lover From Liverpool'* и все они становились №1.

Мы с Джимом сели за работу. Джим предложил воскресить старую песню, которую я написал в 1967. Не знаю, почему он вспомнил о ней, главное, что припев там звучал празднично. Это была первая в жизни мелодия, которую я сочинил. Я разродился этой вещью во время нашей стадии, как хиппи, но тогда мы не записывали наш материал. Мы использовали припев и часть песни, получилось весьма психоделическое звучание. Оригинальные слова были очень туманные и тоже наркотно-радостные. Куплет был далек от коммерческого варианта, Джим сделал модификацию. Мы использовали куплет от другой песни и вживили в оригинал, мы обрубили лишние детали и подогнали обе части к друг другу. Джим был прекрасным музыкантом. Он мог наскочить на основу мелодии, развить до темы и носить в себе месяцами, а затем выдать готовую прекрасную мелодию песни. Очень часто к нам прицеплялись кусочки чужих мелодий, без всякой задней мысли мы могли использовать эти небольшие фрагменты, но мы честно работали и развивали материал, пришедший из «воздуха».

Когда я вернулся домой, отец и мать спали. Мне не спалось, и я решил попробовать записать слова песни. Стола не было. Я сидел на краю кровати и стал делать наброски в записной книжке. Карандаш, клочок бумаги и бутылка виски. Кровать была очень старой с провисом посредине. Когда-то на ней спали мать и отец, теперь куплена новая вещь, а эту переместили в мою комнату.

Я начал записывать ассоциации рабочего паренька, здесь отсутствовали снежные картинки и рождественские колокольчики. Откуда-то взялся северный олень, дед мороз, развешивающий носки с подарками, твои бабушки и тётушки, прибывшие на праздничный ужин. Потом я поработал с припевом. Вскоре нашлась линия: «Вот и наступило Рождество, всеобщее веселье…» Я понял, что сегодня и закончу. Как только припев был готов, я принялся за куплет, и опять получилось неплохо: « Ну а ты повесил свой подарок на стену, каждый Санта не должен оплошать…». Осталось написать фразу для ритмической аккордовой восьмерки. Фраза пришла сама собой: «Что подумает отец, видя маму, целующую Санту…» В семь часов утра я закончил. Ночь оказалась очень продуктивной.

На следующий день я представил стихи Джиму, они понравились. Слова очень оживили мелодию. Мы показали нашу продукцию группе и Чесу. Восторг! Мы ещё знали, в какой манере провести запись, но потирали руки в предвкушении большого хита и первой позиции в чартах. Но мы не предполагали, что песня сохранит очарование и через 25 лет и станет наиболее известной нашей вещью.

Мы не успели провести запись до отъезда в Штаты, просто не хватило времени. В Лондоне мы успели сделать на пленку лишь грубый набросок. В Нью-Йорке мы посетили студию Рекорд Плант для того, чтобы завершить дело должным образом. Местечко оказалось очень своеобразным. Компания располагалась в небоскрёбе, но занимала только часть здания, всё остальное – обычные офисы. Запись потребовала затраты пяти дней. Это являлось необычным делом. Ранее, больше 2-х дней на один сингл мы не тратили. Альбом занимал две-три недели. Дело в том, что прослушав первоначальную запись, мы остались недовольны. Запись оказалась хаотичной, нужно было акцентировать основную тему, но не перебарщивая с романтическим уклоном. Мысль заключалась в том, что хорошо бы оставить одну кость, и затем по новой нарастить на ней мясо. Пришлось применять не шаблонные формы записи. В первый раз мы отказались от одновременного звучания всей группы. Теперь все партии записывались раздельно. Сначала ударные, затем бас,

далее гитара. В последнюю очередь вокальные партии. В те дни такая техника была хорошо разработана и широко применялась, но мы использовали её в первый раз.

Напоследок было необходимо добавить нашей фирменной шероховатости, и выбор пал на ритмичное подхлопывание. Студия не обладала достаточным эхо и мы вынесли микрофоны на лестничную площадку. Четверка стояла на лестнице и мощными голосами прославляла рождество, громко хлопая в ладоши. Мимо оторопело пробегали американские клерки. День был жарким, влажным и душным. Они постеснялись спросить, что происходит. Однако, люди оголтело поющие рождественскую песню в сентябре, в разгар рабочего дня, внушали большие подозрения.

Результат нам понравился. Песня включала элементы поп и была более коммерческой, чем всё, что мы выпускали ранее, но вместе с тем, она не казалось слезливой и не несла налет традиционности. Нет никаких колокольчиков, только несколько клавесинных аккордов и радостное звучание текста. Во Франции песня стала №1 на следующую Пасху. Видимо французы не разобрали о чем песня, просто она им понравилась.

Чес закусил удила. Он не мог остановиться, и задался целью дать песне то место, которое она заслуживает. Он специально прилетел в Англию из Нью-Йорка, чтобы продемонстрировать вещицу Полидор, и это при его «любви» к самолетам! Мы ничего не говорили Полидор о подготовке нового хита. Когда они услышали её звучание, кровь ударила в голову, также как и Чесу. Была разработана тщательная стратегия продвижения. Начало компании должно начаться, как только *'My Friend Stan'* вылетит из списков, но не позднее 2-х недель до Рождества. Полидор обладала хорошими специалистами, и мы им доверяли.

После американской поездки последовало европейское турне, затем мы начали подготовку к рождественским гастролям по Соединенному Королевству. *'Merry Xmas Everybody'* начала звучать на радио за две недели до выпуска пластинок. Наши поклонники уже ждали новинку. Это была просто жизнерадостная песня и оказалась антителом для процессов, которые происходили в стране. Начался политический кризис, массовые сокращения служащих. Половина рабочих была готова к забастовкам. 'Merry Xmas' оказалась той своевременной подбадривающей вещью, которая частично снимала напряжение. Может за это многие её полюбили.

Нас наградили серебряным диском ещё до выхода пластинки. Предварительный заказ на неё составил 500.000 штук, для того времени просто феноменальный результат. Через день был

сформирован дополнительный заказ на 300.000 штук. Через два для хит пробил позицию №1. К Рождеству было продано более миллиона копий. Ни один сингл быстрее ещё не продавался. Сигл продержался No.1 ровно месяц. Наш имидж поднялся до конька крыши, никто в Британии не был значительнее нас.

Когда вы достигли вершины профессиональной деятельности, возможен только один вариант продолжения пути. *'Merry Xmas Everybody'* стала нашим последним хитом №1. В тот момент никто не смог бы утверждать этого. Как и большинство групп, находящихся на вершине успеха, мы думали, что так будет продолжаться вечно. Мы не сразу теряли благосклонность публики. В течении следующих 18 месяцев наши хиты достигали 3-ей позиции, но успеха *'Merry Xmas Everybody'* мы уже достичь не смогли.

С 1974 начались перемены и не только для нас, для всего глэма. Направление доживало последние дни. Сцена начала меняться очень сильно и так быстро, как растет и взрывается пузырь жевательной резинки. Наши наряды больше не удивляли, а звук не поражал своей новизной. Что касается прессы, то она первой отвернулась от нас и стала отчаянно искать новые, не заезженные темы для статей. Болана прикончили первым. Его карьера покатилась вниз, в течение 6-ти месяцев ни одного его хита не вошло даже в десятку. Мы ещё почивали на лаврах, но чувствовали, но следующие будем мы.

В апреле мы выпустили первый сингл после *'Merry Xmas Everybody'*. Это была баллада *'Everyday'*. Она появилась на альбоме и носила характер наших концертов. Это одна из популярнейших песен из нашей программы. Мы в первый раз сделали медленную песню, как сингл. Эта была попытка отойти от шаблонов и попробовать что-то новое. Наш музыкальный опыт содержал множество ударных рок хитов, или легких песен, как *'Look Wot You Dun'* и *'My Friend Stan'*. На концертах мы часто играли чужие баллады, и публика относилась к ним одобрительно, так почему же не выпустить балладу Slade.

Музыкальная идея пришла от хозяйки Джима. Она баловалась за фано, скорее не наигрывая, а выстукивая неопределенные ноты. Что-то проскочило. Джим дернул головой. Не такой парень Джим, чтобы пропустить намек на интересную мелодию. В первый раз наша песня была записана на пианино. Мы оставили пианино в первом куплете, мягко подпевая инструментальной партии.

'Everyday' не стала №1 в Британии, только второй, но возглавила списки многих стран, многие группы, включили её в свой сценический набор, после завершения карьеры Slade. Может

она не поднялась выше, потому что альбом *Old New Borrowed And Blue*, куда она входила, занял №1 среди альбомов несколькими месяцами раньше. Думаю, что это была ошибка выпускать синглы, вдогонку вышедшим альбомам.

Поклонникам *'Everyday'* нравилась, но они недоумевали, зачем нужно выпускать такую умеренную вещь в виде сингла, они привыкли к нашим «гвоздям». Но мы «отковали» их множество и, чтобы не зациклиться, постоянно экспериментировали, обязательно включая необычные дорожки.

Мы размышляли, чем заняться дальше, но наша путеводная звезда - Чес опять подкинул новую идею – снять фильм. Идея понравилась, мы рассчитывали показать другую сторону Slade. В принципе мы согласились сразу же, но поставили условие, что окончательное соглашение дадим, только прочитав сценарий. Мы не хотели играть фарс и быть клоунами. нам был нужен настоящий сценарий со стоящим сюжетом. Мы ранее нигде не снимались, но считали, что сняться в фильме поддержки нам по силам.

Весной 1974 начал искать сценариста. Мы решили, что будем делать комедию. Идея принадлежала помощнику Чеса, бывшему барабанщику The Animals Джону Стиллу. Предполагалось, что рабочее название фильма будет «Странный эксперимент». Планировалась пародия на научно-фантастический фильм 50-х *The Quartermass Xperiment* и мне была заготовлена роль сумасшедшего профессора. Все загорелись и с нетерпением ожидали начала съемок. Все, кроме Дейва. Проблема состояла в том, что монстр съедал Дейва впервые полчаса фильма. Оставались только волосы Дейва, прилипшие ко рту монстра. У нас набрался ещё десяток таких полоумных идей, всем казалось, что будет очень смешно. Дейв не находил это смешным, ничто не могло изменить его мнение. Так Дейв завалил всё дело.

В конце концов, мы нашли сценарий, который устроил всех, даже Дейва. Сценарий написал Эндрю Биркин и основная фабула развивалась около группы с названием «Пламя» (не путайте с клоном «Самоцветов» - прим.авт.пер.) Это был взгляд за кулисы шоу бизнеса. Пока никто такого не делал. Группа, которую мы представляли в фильме, была похожа на нас, но это не история о Slade. Это был собирательный образ множества групп, с которыми мы встречались на путях дорогах. Сюда вошли истории о том, как нас обжуливали, о столкновениях с криминалом, всяческие проделки и т.п. Мы рассказали Эндрю множество интересных случаев, но когда он дал финальную версию сценария, мы оказались разочарованы. Эндрю ничего не знал о шоу бизнесе. Ни одна из историй, не казалась правдоподобной.

Лучшее, что мы могли сделать, это взять Эндрю с собой в турне. Мы так и сделали. Подошли гастроли в Штатах и мы прихватили с собой Эндрю и директора картины Ричарда Лонкрейна. Это сейчас Ричард известная величина, а тогда был начинающим продюсером. Мы рассчитывали, что протащим их по городам и весям, и они пробудут с нами шесть недель. Парни никогда не были в такой дороге. Испробовав на себе пытку спиртным, шумными пирушками, ранними подъемами и марш-бросками к новым местам выступлений они сдались и после двух недель нашей гонки сказали, что им срочно нужно домой. Правда, мы грузили их по полной программе. Каждый день происходило множество встреч и передвижений. Эндрю и Ричард просто оказались переполнены событиями и впечатлениями.

Но поездка оказалась очень полезной. Эндрю приехал в Англию и переписал сценарий, он стал много лучше. Там появилась правда жизни, то, что действительно происходит с группами. Дали зеленый свет. Как всегда за организационную часть взялся Чес. Он убедил владельца компании «Золотой крест» Девида Пэтнама взяться за производство фильма. Его компания выпустила *That'll Be The Day* с Дэвидом Эсексом (David Essex), так что у него имелся опыт производства фильмов с участием рок музыкантов.

Вместе со студией Чес разработал расписание съемок. Летом, через шесть месяцев фильм был закончен. Джим и я сочинили несколько песен для саудтрека. Было написано двенадцать дорожек, в манере Slade, но для вымышленной группы Flame. Сложность состояла в том, что с экрана не должны звучать Slade, хотя и под другим именем. Это должно быть немножко другое. Но, поскольку песни написаны нами, нам пришлось их сыграть.

Первой песней стала *'Far Far Away'*, которая прежде выпущена, как сингл. Это должно было служить, поддержкой фильма. Мы также пошли на то, чтобы включить в саундтрек пару песен, которые уже стали хитами. Я написал набросок *'Far Far Away'* во время нашего последнего турне по Штатам. Мелодия упала с неба. Всё произошло после выступления в Мемфисе, когда мы с Чесом выпивали на балконе его номера. Мы смотрели на Миссисипи и проплывающие каноэ. Накатила тоска по дому, я говорил про то, как скучаю и вдруг мелодия просто влетела в мою голову. Я начал нетрезво напевать её Чесу. Он послал меня в комнату, чтобы немедленно записать мелодию: «Закончи мелодию сегодня, пока она крутится в твоей голове.» Этой ночью, я закончил куплет и основную часть припева. Песня должна была стать рядовой репертуарной песней, но стала главной песней фильма.

Вероятно *'Far Far A way'* является моей любимой песней Slade. Когда она вышла, то заняла лишь второе место и не стала выдающимся хитом. Но именно с этой песней и 'Everyday' большинство людей связывает наш образ. Песня стоит особняком в ряду наших хитов. Из-за необычной мелодии она использована, как музыкальное вступление тысячу раз по всему миру. Одна германская группа сделала кавер и туже получила хит.

С сочинёнными и записанными песнями мы смогли посвятить себя съёмке. У нас было шесть недель не больше. Впереди маячило турне в Штаты, так что надо было укладываться. Пока мы с Джимом трудились над песнями, остальные придумали название - *Slade In Flame* и провели кастинг остальных участников. Остановились на прекрасном актёре Томе Конти, сыгравшего одного из менеджеров. Это оказалась его первая роль в кино. Никто ещё не слышал о нём. Также был приглашен Кен Колли, ныне широко известный актер. Джонни Шеннон, который отличился в *Performance* с Миком Джагером, сыграл первого криминального менеджера Flame. Он показался так убедителен, что впоследствии получил массу подобных предложений. Джонни был родом из Восточной Стороны Лондона, практиковал занятия боксом и был из «трудных» подростков и очень подходил на эту роль. Роль второго менеджера досталась Тому Конти, он продолжил дело Джонни, когда группа стала успешной. Он не являлся профессионалом и занимался торговлей бобами и кукурузными хлопьями, считая, что законы рынка бобов приемлемы к рынку музыкальной продукции. Кен играл помощника, на ведущую женскую роль, подругу Дейва, приглашена Сара Кли.

Другая важная роль исполнялась Аланом Лейком, который был мужем Дианы Дорс. Он был известен, как выдающаяся личность в актерских кругах, а кроме того как большой бузотер.

Когда началась съёмка, его только что выпустили из тюрьмы. Ему составил компанию певец Липи Ли, который в 60-х выпустил хит «Маленькие стрелы». Алан был яркой, незаурядной личностью, но явно, ударенный по голове пыльным мешком. Алкоголь причинял ему и окружающим много неприятностей. Его ролью являлась история первого певца Flame. Я появлялся в фильме не сразу, первоначально там присутствовали Джим, Дейв и Алан. По сценарию я находился в другой группе под названием «Гробовщики». Потом Алана из группы увольняли, а я занимал его место.

Съёмка оказалась тяжелой работой, особенно для нас, не имевших подобного опыта. Мы вставали в 6 утра и заканчивали в 7 утра следующего дня. Множество сцен снималось в разных

местечках страны. Первые две недели это были Лондон, Шеффилд и Брайтон. Первый день съёмки проходили в Mayfair, по сценарию танцзале, а на самом деле стриптиз клубе. Я находился на площадке, хотя по сценарию это был день Алана. К обеду Чес уволил его.

Прежде мы не были близко знакомы с Аланом, за исключением коротких встреч, но он всегда оставлял приятное впечатление. Утро прошло хорошо, но к обеду Алан начал выяснять отношения с менеджером, с настоящим, не из фильма. Он затеял драку, хотя повод для разногласий оказался пустяковым. Когда в него проникало некоторое количество спиртного, глаза начинали сверкать и он становился неуправляемым. В трезвом состоянии он был добр, как пирожок, просто воплощением остроумия и притягательной личности. Чес сразу после инцидента сказал, что ему не место на площадке. Расписание съёмок было очень жестким и мы не посмели выразить свое несогласие. Алан вылетел из фильма за минуту.

В этот вечер к нам пришла Диана Дорс, она обещала присмотреть за Аланом и умоляла дать ещё один шанс. Нет алкоголю, хотя бы на площадке. В конце концов мы согласились. Мы любили его, и к тому же найти замену за короткий срок было непросто. А главное, Алан хорошо играл роль, ведь он изображал такого ненормального, каким был в и жизни.

Благодаря Диане Алан оставался сухим до окончания съёмок. Мы радовались, что удержали его в работе. Алан постоянно находился рядом и развлекал нас рассказами о своих криминальных связях, отсидке в тюрьме и дружках наподобие Krays. После первого недоразумения всё шло исключительно гладко. Когда мы увидели черновой материал фильма, то остались довольны. Учитывая нашу неопытность в этой сфере деятельности, мы оценили сделанное, как хорошую работу.

Slade In Flame получился не очень легким фильмом. Он рассказывал о непростой жизни групп и влияния неудач на текущую жизнь. Окончательной версии фильма цензоры хотели присвоить X сертификат, мы должны были удалить сцены жестокости, чтобы получить сертификат A, аналог сегодняшнего PG. Мы не могли получить U сертификат, не вырезав половину фильма. Мы сожалеем, что это явилось препятствием для просмотра фильма наиболее молодой аудиторией, но есть предел компромиссам, ведь мы хотели серьёзного отношения к нашей работе. Даже после некоторого смягчения фильм выбивал из колеи, многие были шокированы.

Заслуга *Slade In Flame* в том, что фильм показал закулисную сторону сцены, абсолютно неизвестную широкой публике. Теперь

наблюдается такой интерес к поп культуре, что известно буквально всё. Теперь всё упорядочилась. Сама индустрия сильно изменилась. Фильм скорее представлял коллекцию поздних 60-х, чем 70-х. Все одеты по моде 60-х, тогда всё было интересней, проворнее и непредсказуемым. Даже к середине 70-х многих артистов «причесали», но до этого происходил буйный период, его то мы и захватили.

Когда настало время премьеры поклонники и обычная публика находились внизу, на балконе расположились трудяги. Две группы людей смеялись в абсолютно разных местах. Посвященные понимали куда мы клоним и кто является прообразом героев. Но основная масса не имела ключа к пониманию отдельных сцен. Лучшие места не нашли отклик у всех зрителей.

Наша четверка прибыла на премьеру на огнедышащем паровозе. Это идея нашего спеца по рекламе повергла прессу в настоящий шок. Такое появление как нельзя лучше подходила к нашему фильму. Пламя присутствовало во многих эпизодах. Экран располагался в огромном кинотеатре на Виктория Стэйшен. Собрались все участники фильма, включая Алана Лейка и Тома Конти, и съёмочную группу. Из известных групп пришли Сюзи, Thin Lizzy, Sweet, в общем все. Многие давали идеи для сценария, иногда и неумышленно. Некоторые истории происходили с нами, другие базировались на легендах, которые мы слышали годами.

Первая сцена рассказывала нашу версию одного случая, который произошел с Screaming Lord Sutch. Меня ещё нет в составе Flame, я в «Гробовщиках». Я появлялся в похоронной одежде – черном плаще и шляпе – но с белым гримом на лице. Это реальная сцена, когда то я появлялся на сцене из взрывавшегося гроба. В фильме герой Алана прибивал крышку и я не мог выбраться из гроба. Эту историю нам поведал наш техник, ранее работавший с Screaming Lord Sutch. Они постоянно использовали трюк с появлением из гроба. В одно из выступлений новичок персонала поставил гроб крышкой к стене. В течение выступления звучал взрыв, но ничего не происходило. Все ожидали появления Screaming Lord Sutch, а он не мог вылезти из гроба, потому что крышка находилась напротив стены. Публика была разочарована, вместо восторгов – свист.

Другая сцена была посвящена нашему приключению на борту корабля с пиратской радиостанцией. В 60-е пиратские станции были обычным делом. Они располагались на шхунах, дрейфующих вдоль побережья, и пренебрегали определенными ограничениями в вещании. Однажды мы слышали историю, как

одного владельца такой станции застрелили в Лондоне, из-за раздела сфер пиратского вещания. В фильме Flame продвигается при помощи пиратской станции, расположенной в устье Темзы. Томми Венс играл Ди Джея. Во время интервью шхуна подвергалась обстрелу. Мы должны были вскарабкаться на мачту по веревочной лестнице. Погода оказалась ужасной, дул ветер и на море была внушительная зыбь. Номер пугающий и чертовски опасный. В конце нас должен был поднять вертолет, потому что это оказалось проще обратного возвращения на палубу. Дейв возненавидел эту сцену, пару раз он чуть не сорвался в море.

Slade In Flame ожидал неоднозначный приём. Критики были в восторге. Даже крупные критики из серьезных изданий дали хорошие рецензии. Это сильно поразило нас. Мы ожидали разгрома. Со зрителями сложнее. Почитатели фильм приняли, так как в нем присутствовали мы, но были поражены. Они хотели иного и ждали веселого, легкого фильма. Смешного оказалось много, но настрой фильма не располагал к радостному восприятию мира. В фильме, как только группа Flame стала успешной, между её участниками возникли разногласия и борьба. Они распались, печальный и темный конец.

Сегодня, большинство зрителей понимает, что к чему. Фильм постоянно упоминается, как лучший фильм о роке, когда-либо сделанный. Национальный Кинотеатр в Лондоне демонстрирует его каждый год. Когда-бы его не показывали, меня просили сопровождать демонстрацию лекцией. До настоящего времени такой возможности не было. В субботний показ я не работал и такая возможность представилась. Я немного тревожился, потому что раньше никогда такими вещами не занимался. Я не смотрел фильм 20 лет, и никогда не на большом экране. Я не знал, как построить рассказ, ничего не планировал. Мне было необходимо увидеть публику. Я оказался взорван вместе со сценой, когда вышел на неё. Вся аудитория вышла из под контроля.

Я сказал несколько слов о процессе съёмки, затем сел в зал. Я забыл о тяжёлом впечатлении, которое производил фильм. В конце просмотра все встали и аплодировали. Мне пришлось вернуться на сцену и отвечать на вопросы. Я предполагал затратить 20 минут. Прошло два часа, но я всё ещё стоял на сцене. Не передать того чувства, сейчас умудрённая публика понимает всё. Тогда очень мало.

По выходу *Slade In Flame* мы выпустили главные музыкальные темы, как сингл. Это называлось 'How Does It Feel' (Как это всё себя осознаёт, чувствует и понимает). Этот лозунг являлся сущностью фильма и нёс главное содержание. Большого хита не получилось. Была достигнута позиция №11, хотя сейчас эти песни

позиционируются, как наши наиболее лучшие и осмысленные песни. Они не работали, как поп продукция. Это были песни с кинематографическим уклонам и соответствующим звучанием, мы в первый раз использовали секцию медных духовых и это, было удачное решение.

Пошла волна предложений. Единственное, которое нас заинтересовало, оказалось от Ронни Бейкера и Ронни Корбета. Заключалось в том, что мы должны были прикрывать шпионскую историю, спрятанную в наше оборудование. Много людей поверило в эту историю. Мы были в сжатом графике съёмок и гастролей, поэтому не могли потратить ещё один период на съёмки нового фильма. Целый год мы потратили на запись саундтреков. Впереди маячили очередные гастроли и мы должны были выступать, как настоящие, а не киношные Slade.

К началу 1975 мы оказались в той же позиции, что в течение 1974. Мы не были уверены в своём положении. Нужно было принять решение, а оно ещё не сформировалось. Единственным рынком оставались Штаты, там мы решились остаться на 18 месяцев. Мы выполнили прощальный тур по Европе, затем прилетели в Нью-Йорк. Планировали вернуться, чтобы выполнить наши местные обязательства, но подчинили график расписанию гастролей в Америке.

Переезд в Америку оказался свежим ветром на наши проблемы. Мы много двигались и работа начала оказывать благоприятное действие. Нашей базой оставался Нью-Йорк, отсюда мы совершали поездки по всей стране. Я снимал многоместный номер в Мейфлаур, остальные также занимали апартаменты. Нам удалось хорошо познакомиться с городом, в котором располагалось множество клубов, и в каждом из них кто-то да выступал. Появилось множество хороших знакомых.

После шести месяцев пребывания Дейв и Джим пригласили в Нью-Йорк своих жен провести отпуск. Перед отъездом жена Дейва родила ребёнка и он отчаянно хотел видеть свою семью. Я поддался общему настроению и пригласил свою девушку Леандру. Мы уже пару лет встречались, но по-настоящему сблизились во время съёмок фильма. Нас познакомил Свин. Вне группы наиболее часто я общался с Доном или Свином. Свин встречался с девушкой по имени Сандра из Олимпик Стэдион. Зайдя к ним в гости я познакомился с Леандрой. Она и Сандра оказались подругами и соседями по лестничной клетке. Когда мы увидели друг друга в первый раз, я не понравился Леандре. Она занималась разработкой одежды и оказалась большой поклонницей Болана и Боуи. Вот так раз! Нашу четверку она считала кучкой тощей шпаны и ненавидела музыку Slade. Когда

же мы разговорились, обнаружилось, что неплохо ладим и стали по-другому смотреть друг на друга. Во время съёмок мы стали встречаться часто, поскольку я постоянно находился в Лондоне.

Леандра прибыла вместе с жёнами Дейва и Джима. Поначалу они лететь не хотели и думали, что здесь очень опасно, даже пройти по улице. Они предлагали прилететь в любой другой город, только не в Нью-Йорк. Мы убеждали, что это чепуха и проявление действия рекламных трюков. В Нью-Йорке не больше проблем, чем дома. Мы это хорошо знаем, после шести месяцев пребывания.

В первый день проезди девушки пошли в банк поменять деньги. Мы не могли поверить, но спустя две минуты после них зашёл грабитель. Он уткнул всех в пол, точно как по-киношному сценарию. Жена Дейва была с маленьким. Подъехала полиция и началась перестрелка. Женщина, лежавшая рядом с Леандрой, была ранена отрикошетившей пулей. Никто из девушек не пострадал, но они были ужасно напуганы. В тот день у нас проходило выступление, мы увиделись только вечером в баре и их просто трясло. Они начали кричать на нас, что предупреждали о таком опасном месте, как Нью-Йорк, что мы ни черта не понимаем в местной обстановке и т.д. Боевые подруги не могли дождаться времени отлёта.

Между турне мы выпустили новый альбом. Запись проводилась в Рекорд Плант в Нью-Йорке, там же, где выпускалась *'Merry Xmas Everybody'*. Мы делили студию с Джоном Ленноном. Мы работали днем, ночная смена принадлежала Леннону. После нашего отъезда, Чес задержался на микшировании и встретил Леннона. Чес знал его достаточно хорошо, он всех знал хорошо. Однажды, Леннон услышал нашу дорожку, с которой работал Чес и спросил, чей это голос, который ему понравился. «Он звучит, как мой» - сказал метр. Много людей и прежде сравнивали мой голос с голосом Леннона, но я так никогда не думал. Услышав, его мнение, я горячо принял его к сердцу. Самый лучший комплимент за всю карьеру, хотя и не довелось услышать своими ушами.

Мы назвали его *Nobody's Fool*. Этот материал сильно отличался от ранее сделанных вещей. Здесь получился такой задушевный звук, хотя смешаны дорожки разного характера. На некоторых мы использовали черную вокалистку, вокал заднего плана и секцию медных.

Многие песни написаны под влиянием музыки, которая слышалась по радио, за время наших странствий по стране. Мне кажется, альбом получился и я до сих пор получаю удовольствие, когда прослушиваю его. Альбом не завоевал большого

коммерческого успеха, особенно дома. Песни получились не очень роковыми, фаны не в восторге.

Сингл *'Nobody's Fool'* вышел в Британии в апреле 1976. Мы прилетали пару раз домой для поддержки и продвижения песни, и всегда я оставался с Леандрой. В одну из поездок она забеременела и сообщила мне по телефону. Я обрадовался, хотя время оказалось не очень удачным. С другой стороны, если ждать удачного времени, можно прождать всю жизнь.

Мы вернулись в Британию в середине 1976. Мы всё ещё не пробили Штаты в национальном масштабе. Мы пришли к выводу, что есть города в которых просто невозможно добиться успеха. Нужно другое время, тогда обстановка может измениться. Мы были в преддверии изменений, но в Штатах, в отличие от Британии, музыкальная мода каждые два года не меняется. Да и гигантские просторы страны требовали методичной обработки. Успех медленно, но неуклонно приближался и мы были готовы сражаться за неё.

В конце августа я женился на Леандре. Стояло тёплое лето и день выдался необычайно жарким. Широкой огласки не делали, опасались прессы. Всё совершилось скромно и быстро в регистратуре Личфилда. Из всех гостей присутствовали наши семьи, группа и несколько друзей. Группа осталась недовольна, тем, что я не предупредил раньше. Это очень удивило, ведь я не был приглашен ни на одну свадьбу. Когда я спросил, а много ли приглашений они мне прислали, парни утихли.

Моим свидетелем стал Свин, когда женился Свин, то я оказался его свидетелем. До начала церемонии мы хватили виски и были немного навеселе. День был чудесным, хотя и жарким. Все знали, что Леандра беременна, к этому времени прошло 5 месяцев. Я был вынужден, признаться её родителям. Они не очень огорчились, потому что любили меня, хотя сначала приняли меня осторожно, ведь я болтался в группе. Но Леандра постоянно вращалась в музыкальных кругах, она проектировала одежду для музыкантов и групп.

На следующий день я вернулся в Лондон, мы должны были смикшировать несколько новых песен. Студия заказывалась на короткий срок, на время нашего возвращения и отменить запись было невозможно. Для медового месяца времени не нашлось. Леандре не очень хотелось путешествовать по причине беременности. Живот уже был большой а везде стояла невозможная жара. Я думаю Леандра не расстроилась из-за такого поворота дел. Много позже мы съездили на неделю в Париж, но настоящего свадебного путешествия так и не было.

Наш первый ребенок Черисси родилась 27 декабря. Она

должна была появиться на Рождество, но опоздала на два дня. На праздниках я не выпил не грамма, потому что возил жену в больницу. Имя пришло от голливудского актера и танцора Cyd Charisse, потому что ребенок, ещё не родившись колотил ногами в живот. Мы жили в Лондоне, в большой квартире у реки в Челси. Я ещё оставался владельцем дома в Мидленде и изредка туда наезжал. Посреди недели проходила работа в студии, если не было гастролей.

В 1977 мы постоянно выезжали в Штаты. За время нашего отсутствия в Британии произошёл взрыв течения панк. Мы ожидали такое развитие в музыкальном бизнесе и наблюдали его подготовку в прессе, но не думали, что всё это так сильно ударит по нам. Наш статус сразу же изменился. Ещё случались хиты в Европе, но это были всего лишь попадания в первую десятку, больше не получалось пробить позицию №.1, или войти в первую тройку. Панки оттолкнули нас на обочину и все думали, что наши дни сочтены.

Что Бог не делает, всё к … 10

Пока мы болтались в Штатах, какой-то наш поклонник написал «Всё, что случилось со Slade» в виде огромного письма и выполнил это произведение на одном из мостов Темзы. Эта штука оказалась примечательным образцом граффити в течение нескольких лет. Мы пришли посмотреть и история нам понравилась. Мы как раз только что записали второй альбом и решили его назвать *Whatever Happened To Slade* и использовать панораму моста на обложке диска. Компания грамзаписи приняла название, но отвергла идею обложки. Вместо задуманного нас изобразили стоящими на улице. В четырех постерах размещались четыре картинки с нашими снимками в скинхедовские времена.

Whatever Happened To Slade обладал более роковым звучанием, чем *Nobody's Fool*. Мы вернулись к первоначальному звуку. Было предпринято турне по Британии, все билеты оказались проданы, ведь мы не выступали здесь два года. Наше звучание улучшилось. В Америке мы не могли положиться на имя группы, здесь мы были мало известны и недостаток имени приходилось навёрстывать улучшенной музыкой и тщательным исполнением.

Создание и запись песен продолжались, но они перестали быть большими хитами. Проблемой оказалось продвижение песен по радио, мы стали старой шляпой. Нужно было решать: продолжать выступления или назвать вещи своими именами и прекратить деятельность. Каждому необходимо пройти через выбор. Мы сели и поговорили об этом. Нам хотелось продолжать. До сих пор удавалось наполнять зрителями большие площадки, записи на наш взгляд также были неплохи. Давайте продолжим и посмотрим, как будет складываться обстановка далее. Пока мы действовали удачно. Многие группы хотели бы такого успешного и устойчивого положения. Наши недоборы по деньгам могли не устроить только наши внутренние стандарты. Но мы достигли уровня крупнейшей мировой группы и оставаться на этом уровне всегда просто невозможно, лучше принять неизбежное. Это случается со всеми коллективами. Когда вы перевалили через вершину горы, нужно подумать как приспособиться к жизненным условиям плато. Если бы мы начали писать дрянные песни, то тогда уход был бы оправдан, но мы чувствовали, что производим хороший музыкальный материал, просто не подходящий к новым веяниям.

К 1978 мы вернулись к основной деятельности. Выступления

проходили в любое время и в любом месте, сегодня в концерном зале, завтра в университете, потом театры и клубы. И всегда выступления проходили успешно, потому что за плечами оставалось множество старых хитов, которые люди слушали с удовольствием. Но мы не позволяли спекулировать на ностальгии, постоянно выходил новый материал, который тоже воспринимался хорошо.

Пройдя через 1978 и 1979, вдруг обнаружили, что хиты испарились, и наш ручеёк из радио полностью засох. Нам пришлось переносить концерты в кабаре клубы, поскольку наполнять большие залы становилось всё труднее. Но если принято осознанное решение, его нужно выполнять. Нам казалось, что сделанные наработки выйдут в свой час, в нужное и удачное время и мы совершим повторный большой прорыв. В глубинах сердец мы действительно верили в это и не переставали надеяться.

Европа оказалась сильной поддержкой в это трудное время. Здесь нам удавалось заполнить крупные площадки. Провели тур по Польше. Главным образом выступления проходили на стадионах и даже на арене Гитлера, построенной для нацистских съездов и митингов. Единственными западными группами, выступавшими до нас, были Procol Harum и ABBA. Но они отыграли только в Варшаве, мы первые сделали тур по стране. Шёл 1979. Во время нашего пребывания умер Папа. Я хорошо помню реакцию людей. Другая запомнившаяся вещь - это еда. Она оказалась ужасной, просто несъедобной. Везде нам предлагали куриный суп с толстым слоем жира. Но самой курицы не было, присутствовал бульон и потроха. Поляки утверждали, что такая еда помогает согреться, и предлагали запивать водкой каждую порцию еды. По-моему, это убивало бактерий и уменьшало вредоносность пищи.

Наиболее часто мы исполняли *'Mama Weer All Crazee Now',* наш первый номер на бис. Позади сцены располагались кучи с туалетной бумагой. Когда начиналась песня наши помощники бросали рулоны в публику. Они разматывались и давали эффект огромных лент. Каждый вечер мы тратили не менее сотни рулонов. Люди в публике должны были бросать их обратно. Мотки бумаги должны были перемещаться из-за сцены в публику и обратно за сцену, разматываясь больше и больше. Всегда получалось весело, присутствовала атмосфера карнавала. В Польше туалетная бумага была большой ценностью. Когда мы бросили рулоны в зрителей, обратно они не вернулись. Рулоны распихивались по карманам пальто. По-видимому с бумагой было совсем плохо и наш номер развалился.

Вернувшись в Британию, мы не обнаружили перемен. Пришлось играть в местах наподобие Бейлис в Уотфорде. Мы наполняли место семь вечеров в подряд, но это совсем не наша площадка. Я не сильно расстраивался и совсем не депрессировал. Я всего лишь играл, сочинял и выдавал новые идеи. Никто из группы не был в восторге от сложившейся ситуации. Но мы оставались на сцене и это главное.

Мы перестали носить глэмовские штучки – платформы и тому подобное, наш вид стал скромнее. Панки ненавидели старые группы, а на самом деле ненавидели всё. Так они рассказывали о себе прессе. Правда состояла в том, что ранее эти ребята приходили на наши выступления. Мы много раз играли в Камден Пэлас в Лондоне и Bob Geldof и The Damned всегда находились среди публики. Geldof являлся большим почитателем Slade, и частенько заходил в костюмерную поболтать с нами. Он высказался в том духе, что никогда не сделает, как мы, и не вернётся играть в малых залах. И что получилось? Спустя пять лет The Boomtown Rats повторила наш путь. Многие группы в своей карьере прошли по этому пути. Они должны были следовать по такому пути, альтернативой являлся распад группы.

Очень странно, но большинство музыкантов, которые поносили нас в прессе, оказывались весьма любезными при личной встрече. Обычно они говорили, что именно наши записи заставили их петь, или взять гитару. Нас очень любили The Stranglers, они использовали *'Gudbuy T' Jane'* в своей концертной программе. На публике звучали другие слова. Панки всех задирали и относились к предшествующим музыкантам оскорбительно. Мы понимали, что движет ими и посмеивались над их неопытностью в бизнесе. Они очень гордились текущими успехами и вели себя так, будто успех завоеван навечно. Мы уже прошли через это, многие группы прошли. В конце концов панки сошли со сцены гораздо быстрее, чем мы. Оставшиеся в «живых» семидесятники подобные Elton John и Rod Stewart редко отмечались хитами в Британских чартах в 80-е. Им пришлось долго ждать, чтобы снова стать модными и востребованными.

После двух лет скитаний по небольшим залам мы опять призадумались над будущим. Радио по прежнему игнорировало нас, а без него нельзя вернуться на большие площадки. Только на Рождество мы могли заполнять площадки подобные Хаммерсмит Одеон. Другой проблемой стали деньги. Мы не получали много от продажи пластинок и турне. В конце 1979 мы с Джимом поддержали группу из наших гонораров за песни. Наша парочка находилась в лучшем положении, чем Дейв и Дон, потому что получали авторские вознаграждения от старых хитов.

Никто из нас не видел света в конце туннеля. Выходили небольшие хиты и случались странные выступления в Top Of The Pops. Но наши записи уже не подходили к двадцатке. Мы не представляли, что делать дальше. Не знал и Чес. Прежний опыт касавшийся The Animals и Hendrix, заключался в том, что они закончили карьеру на пике популярности. Мы ждали от Чеса подсказки, но он был и сам озадачен.

Дело разрешилось само собой. Однажды Чес вызвал нас с Джимом в офис и сказал, стараясь быть дружелюбным, что я и Джим должны покинуть группу и образовать новый коллектив. Я сразу сказал нет. Если и придется прекратить деятельность Slade, то моё дальнейшее проявление может выразиться в сольной карьере, но организовывать другую группу я не собираюсь. У меня было множество предложений выпустить сольный альбом, но я сохранял преданность группе и никаких сольных пластинок не будет, если Slade продолжит свою карьеру.

Этот разговор обернулся первым гвоздем в крышку гроба дружбы с Чесом. Немного смущало обстоятельство, что мы не делали самостоятельных шагов в музыкальном бизнесе. Меня охватило возмущение, и хотя я из всех нас был наиболее дружен с Чесом, я немедленно отправился к Дейву и Дону рассказать нынешний расклад. Поступить по-другому я не мог. При всем моём уважении к Чесу, я остался предан своим товарищам.

Как вы можете представить, Дейв и Дон восприняли новость безрадостно. Дейв явно сомневался, что делать дальше. К этому моменту мы постепенно уменьшили число выступлений и записей. Никто из нас не осмелился сказать, что Слейд закончились, мы просто немного выдохлись. Джим частично занялся сольной деятельностью и с участием брата собрал группу The Dummies, которая выпустила сингл. Казалось, Дейв не заинтересован в продолжении выступлений. Дон склонялся к продолжению, но не искал каких-то путей. Мы приближались к развязке.

Единственный плюс от такого неопределённого положения группы заключался в том, что я смог позволить себе проводить больше времени с семьёй. Моя вторая дочь – Джессика родилась в 1978. Гастроли проходили вдалеке от дома, и я начал тосковать по детям. Леандра уговаривала меня покинуть Лондон и перебраться в Мидленд. Мы продали дом в Саттоне Голдфилде, так как Леандре место не понравилось. Я постоянно болтался на гастролях, а она не завела здесь друзей и чувствовала себя в изоляции. Леандра знала многих людей в Уолверхемптоне и хотела, чтобы наши дети ходили в местную школу.

Я отправил жену выбрать дом по душе и она нашла

подходящий вариант, прекрасное местечко в окрестностях города, настоящий сельский район. Я наслаждался перерывом в работе, когда неожиданно пришло приглашение на выступление в Ридинг Фестивал. Шло лето 1980-го. Мы предлагали свои услуги двумя годами раньше, но промоторы не проявили заинтересованности. В этот год первыми в афише значились Whitesnake, а Ozzy Osbourne шел вторым. Он покинул Black Sabbath и организовал Blizzard Of Ozz. Они оказались неготовы к выступлению и за два дня до начала вылетели из афиши. Организаторы предложили нам выступить на замену.

Приглашение застало врасплох. Мы исполнили все текущие обязательства по выступлениям и студийной работе и распустили нашу техническую команду. Мы уже несколько месяцев не играли стоящего концерта. Предложение пришло от Чеса. Он знал, что мы не играем, но всё же предложил отработать выступление. Я хотел этого выступления, но Дейв был под большим вопросом. Чес не должен был вмешиваться в виду своей явной заинтересованности. Уговаривать Дейва пришлось мне. Я сказал ему, что остальные хотят отработать концерт. Дейв заявил, что больше не хочет иметь дело со Слейд. Как всегда выручил Чес. Он приехал в Уолверхемптон и поговорил с Дейвом. Что он сказал я не знаю, но Дейв сломался. Думаю, что Чес говорил о красивом финале и громком уходе Слейд. Группа не должна умереть как согбенная старуха, мы должны умирать громко и весело.

Мы провели одну репетицию, только для того чтобы почувствовать свою уверенность. Это как езда на велосипеде, навык внутри вас. Пятнадцать лет вместе чего-то стоят, много времени нам не потребовалось. Когда мы прибыли на Ридинг, то припарковались на общей стоянке, выгрузили наши гитары и пошли на сцену через публику. К счастью охрана хорошо нас знала и позволила беспрепятственно пройти на сцену.

Томми Венс исполнял роль ведущего Ди-Джея. Мы были знакомы по выпуску фильма и работе на Радио 1. Он подошел и сказал, что у нас есть шанс заштормить площадку, поскольку всё проходит довольно скучно и мы единственная группа слова песен которой все знают и могут подпевать.

Наша позиция в афише была третьей. Def Leppard должны были выступать до нас, но они заартачились и захотели выступать после нас. Наступили сумерки. Как только мы начали публика начала неистовствовать. Реакция публики просто невероятная, а ведь многие видели нас впервые. Даже пресса у кромки сцены, которая игнорировала нас несколько лет, поддалась общему настроению.

Мы играли смесь старых хитов и новых песен. Нас вызывали

на бис ещё и ещё. Нам пришлось даже отыграть в разгар лета *'Merry Xmas Everybody'*, потому что из публики долго вызывали исполнение этой песни. Когда мы всё таки покинули сцену, везде проносился гул восхищения. Мы испытали состояния счастья. Когда я вошел в наш уголок позади сцены, там находилась Брит Экланд. Если она заходила поболтать к вам, то это был вернейший признак успешного выступления. Вся пресса и парни из записывающих компаний, которые четыре года упорно нас хоронили, набились в наше место и поздравляли с потрясающим выступлением.

Reading получилась поворотной точкой в нашей жизни. Мы опять воскресли. Всю следующую неделю мы красовались на передовицах всех музыкальных изданий. Произошло примерно тоже самое, как после выступления на Линколн Фестивал. Мы снова оказались в обойме и хотели закрепить положение выпуском нового альбома. Мы занялись серьезным делом, снова работа, это, что надо.

Наши отношения с Чесом начали охлаждаться. Я продолжал говорить и встречаться с Чесом, но атмосфера между ним, Дейвом и Доном оставалась далеко не лучшей. Дейв не мог забыть попытки Чеса отделаться от него и Дона. Время немного загладило этот эпизод, но былого доверия не осталось. Начались трения между Чесом и Джимом. Джим вместе с братом Фрэнком при участии Чеса создали собственную торговую марку, под названием Cheapskate. Я точно не знаю подробностей дела, но Джим и Фрэнк обижались на Чеса из-за несоответствующего к себе отношения. Обстановка всё ухудшалась и закончилась скандалом, после которого они перестали разговаривать.

Хотя у меня тоже скопились вопросы, я продолжал сохранять лояльное отношение. Когда 1980 наши гастроли приостановились, нам пришлось распустить команду техников. Но мы сохранили ядро, 4-5 человек на условиях предварительного гонорара. Они работали с нами с 70-х. Такие люди, как Свин и Чарли действительно являлись членами группы, а Свин был ещё и моим закадычным товарищем. Мы держали их и платили по мере возможности, но когда выступления прекратились пришлось расстаться и с ними. Я чертыхался, но именно мне выпало провести эту грязную работу.

Другая проблема поздних 70-х – переход по крыло другой звукозаписывающей студии, которую основал Чес. Он уладил формальности с Полидор и мы перешли в Barn Records. Полидор вложила деньги под наше имя. Мы ничего не знали и считали, что просто продвигаем новый бренд.

Вскоре после Ридинг все решили, что Чес не может

оставаться нашим менеджером. Джим придерживался такого же мнения. Он сам получил некоторый опыт продюсирования, работая с другими артистами. И опять грязная работа - сообщить об этом Чесу выпала мне! Но я знал насколько это непростое дело.

Я позвонил Чесу и попросил о встрече. Он по-видимому подумал, что я собираюсь покинуть группу. У меня было немало предложений на сольную работу. Несколько раз он удерживал меня от такого шага. Чес спросил, все ли мы хотим его видеть, я сказал, что только я. Встреча произошла в лондонском офисе. Когда я вошел, то постарался быть осторожным. Чес являлся взрывным человеком и когда выходил из себя, то был страшен. Мне приходилось выдерживать неприятные разговоры ранее. На следующий день обычно всё забывалось и мы оставались хорошими друзьями. Я сразу выложил суть дела. Чес молчал. Он конечно чувствовал назревающий разрыв но никогда не пытался обсудить это с нами, что вообще для него не характерно. Чес никогда не сдавался без борьбы. Я сказал, что мне очень жаль, но поправить уже ничего нельзя. Мы всё обдумали и не намерены менять своё решение.

Нужно отдать должное Чесу, ведь до распада группы он сильно помог нам. Как жест доброй воли, он организовал наши отношения с RCA, которые давно к нам прицеливались. Формально он имел право настоять на нашем продолжении под его торговой маркой, но не стал делать этого. Более того, он тут же выпустил наши сингл и альбом под названием *We'll Bring The House Down.* Сингл много крутили по радио, он стал заметным хитом в Британии и Европе. Это была жесткая вещь, в стиле старых гимнов Slade.

Летом 1981 нас пригласили выступить на Монстерс оф Рок Фестивал в Кастл Донингтон. Открывали фестиваль AC/DC. Мы почти повторили успех Ридинг. В результате вышел сингл *'Lock Up Your Daughters'*. Он достиг позиции №3 в Британии и Европе. К этому времени подошла новая волна металлического рока, и здесь и в Штатах. Наши жесткие гимны опять вошли в моду. Хотя мы играли тяжелый рок, но не металл, волна фанов металла подхватила нас.

Мы не могли похвастаться постоянными хитами, но дела шли неплохо. Мы даже возобновили гастрольную деятельность. Первый тур прошел с большим успехом. Мы открывали шоу с быстрой песней *'Rock'in'Roll Preacher'* первой дорожкой с альбома *Til Death Do Us Part.* Длинный темный сюртук и плоская шляпа делали меня похожим на священника. Я читал проповедь о рок-н-роле, а потом взрывался свет и звук. Публике очень понравилось.

Это был возврат к образу викария 60-х. Мы никогда не забывали наших старых номеров, но постоянно модернизировали их. Мы избегали излишества пиротехники, наши эффекты были по-проще, но нашей коронкой являлось соединение шоу, звука и света. Это приковывало взгляды к сцене, так достигался определенный эффект напряжения публики.

Снова всё закрутилось. Мы выпустили новый альбом - весьма роковую запись - *The Amazing Kamikaze Syndrome*. В 1983 американская группа Quiet Riot выпустила кавер *'Cum On Feel the Noize'*, который очень напоминал оригинал. Десять лет назад, когда мы его выпустили, он едва зацепился за местные чарты. Теперь же Quiet Riot оказались с огромным хитом. Было продано 7 миллионов копий пластинки. Никто прежде не слышал об этой группе, теперь они стали знамениты. На волне этого успеха к нам поступили запросы от американских компаний на наши новые песни, а ведь мы не выступали там уже 6 лет.

В конце 1983 мы решили выпустить новую рождественскую запись. Джим написал шикарную вещь. Он всегда хотел сделать морскую песню и наконец осуществил своё желание. Я написал слова и мы назвали вещь *'My Oh My'*. Песня была записана на моей маленькой демо-студии в Тотенхем Коурт Роуд. Там же мы записали *'Run Run Away'*, напоминающую шотландскую жигу, довольно резкую по звучанию с партией Джима на электроскрипке.

Мы передали пару песен и они остались довольны. Руководители фирмы считали, что обе вещи будут большими хитами, но предложили записать их под управлением стороннего продюсера. Раньше мы этого не делали, в этой роли выступали Чес или мы сами. Так появился Джон Пантер, который много работал с записями Roxy Music и Queen. Ему понравилась *'My Oh My'* и мы немедленно приступили к работе. Он заставил записать наши партии по отдельности, что мы делали крайне редко.

'My Oh My' вышла в канун Рождества. Она постоянно крутилась по радио и вознамерилась добиться вершин. Мы ожидали чудесного события через десять лет второй хит Slade должен был занять первую позицию. Ни у кого из групп такого результата не было. Но *'My Oh My'* немного не дотянула и остановилась в позиции №2, оставаясь в этом качестве несколько недель. Нас обошли Flying Pickets. В Европе мы к каждой стране заняли №1. Следом подошла *'Run Run Away'* и заняла место в десятке. Мы снова в деле!

После выхода хита Quiet Riot нас пригласила в Америку компания CBS (Си-би-эс). Они выпустили *The Amazing Kamikaze Syndrome* под другим названием. Продажи пластинок прошли

хорошо и CBS захотела с нами поработать. Когда они услышали новые песни, то остались очень довольны звучанием, особенно *'Run Run Away'* за роковый запал. Парни планировали выпустить её ранее чем *'My Oh My'*. Мы уже давно выпускали видео ролики, но никогда не тратили на них много денег. 'Run Run Away' имела кельтские мотивы и мы решили сделать съёмку в замке. Американцам это затея понравилась. Уже вовсю крутилось MTV и несмотря на наше долгое отсутствие в стране песня стала значительным хитом. Мы вошли в первую десятку американских хитов. Время брало своё. Металлический глэм вошел в моду и местные группы были одеты, как мы в 70-е.

Мы расстались с Чесом и сами продюсировали себя. Я взял на себя эту работу, а Колин Ньюмен занялся нашими финансовыми делами. Мы приглядывались, к специалистам на замену Чеса, но считали, что пока лучше нас никто не знает нашу концертную программу. Определённо я был вовлечен в проблемы бюджета, организации гастролей и других сторон карьеры. Когда вернулись в Штаты жена Ози Осборна, Шарон предложила свои услуги по менеджменту. Мы являлись старинными друзьями, кроме того Ози также имел контракт с CBS. Шарон была путеводной звездой Ози и спасла его жизнь после ухода из Black Sabbath. Она проводила хорошую работу и пользовалась огромной известностью в Штатах.

Шарон знала музыкальный бизнес изнутри, она выросла в этой среде. Её отец был известным агентом и менеджером ещё с 50-х годов. Он пропустил через свои руки множество крупнейших групп таких, как Electric Light Orchestra, The Move и The Small Faces. Это был крутой характер, известный в музыкальных кругах «Крёстный Отец». Я несколько раз зависал на вечеринках в его доме в Уимбледоне. Дон устраивал фантастические вечера. Ози мы знали по Мидленду. Black Sabbath тогда были Brummies и мы часто выступали вместе в начале карьеры. Ози был хорошим товарищем, но раньше 80-х наше знакомство не являлось близким, потому что Sabbath постоянно проводили время в Америке.

CBS очень хотелось организовать наши гастроли в Штатах, поэтому мы привлекли Шарон. Первое, что она сделала – пригласила нас в качестве особых гостей на предстоящее шоу Ози. Мы должны были потратить 6 недель и отыграли шесть горячих шоу до нашего собственного выступления. Мы играли в зале средней величины в южном штате и всё шло хорошо. Первое шоу с Ози успешно проходило в Сан-Франциско, но когда мы закончили и сошли со сцены обнаружилась болезнь Джима. Он неимоверно устал и ничего не мог есть. Доктор поставил диагноз

– гепатит. Нам пришлось отменить тур. Оставшееся время я потратил в попытках уменьшить наши финансовые потери и спасти оборудование. Затем все вернулись в Англию.

Это оказалось наше последнее турне. В планах стояло другое турне по Британии, но я не хотел выполнять его. В ходе нашего предыдущего тура по Британии стали обнаруживаться разногласия. Но обстановка в группе изменилась. Мы уже не справлялись с разрушающим эгоизмом, как бывало раньше. Споры начали возникать на пустом месте и в студии и в поездках. Я предложил другим отдохнуть от турне и все согласились. Я не хотел покидать Slade. У меня была пара предложений от ТВ и я уже поучаствовал в двух комедийных постановках. Но я был счастлив студийной работой и выполнением записей песен.

К тому же появились проблемы личного характера. Я проходил процесс развода с Леандрой. Вместо гастролей в Штатах, я должен был провести отпуск вместе с женой. Мы не отдыхали вместе несколько лет и она потратила много сил на подготовку нашего отдыха. Отмена отпуска оказалась последней каплей. Мы не ссорились, а просто фактически жили отдельно. Даже когда гастролей не было, мне приходилось исполнять роль менеджера группы и это поглощало всё свободное время.

В добавок ко всему Джим начал наблюдаться у психиатра, Дейв подался в «Свидетели Иеговы», Дон впал в запой.

Дон знал свою проблему. В конце концов он завязал и воздерживался алкоголя 10 лет. Первую попытку завязать они предприняли вместе с Ози и посещали «Анонимных алкоголиков». Ози отведал все спиртные напитки известные человечеству. В 80-е мы с Доном частенько наблюдали его в Лондоне. Все трое употребляли, но Ози ходил на встречи «Анонимных алкоголиков» и неожиданно срывался с них, мотивируя уход тем , что через час все заведения закроются. Обычно, в баре он обходил с огромной кружкой стойку, смешивал всё, что вытекало из бутылок, затем выпивал и начинал новый обход. Посещение клиник также не давало успеха.

Прогулки с Ози всегда получались очень весёлыми, он был очень остроумный парень. Сначала было слово, и нет забот, как оно отзовется. Обычно, отзывалось неприятностями. Однажды мы собрались на концерт Iron Maiden в Хамерсмит Одеон. Ози сказал, что нам нужно одеться соответствующим образом. Он затащил меня в антикварный магазин, где продавали старое оружие и сувениры. Ози выбрал германскую каску и одел её. Затем, в другом магазине, мы купили костюмы балерин и натянули их на себя. В таком виде мы появились на концерте. Мы стояли в этом прикиде на Вест Энд и только через час нашелся смелый таксист,

который согласился нас подвезти на выступление. Публика на концерте встретила нас и наши костюмы с большим оживлением. Таков эта чума Ози. Но, несмотря на безбашенность, он всегда был весёлым и верным товарищем. И при всей своей задиристости он и мухи не обидит. Сейчас он живет в Лос-Анджелесе в особняке за 3 миллиона фунтов, но говорит и ведет себя как парень из Бирмингема. Он очень хорош, настоящая звезда.

Когда мы вернулись из Штатов наш контракт с RCA ещё действовал. Мы продолжали вести студийную работу, но улучшения дел не наблюдалось. Удалось втолкнуть *'All Join Hands'* в десятку, однако всё начало разваливаться. Мы всё реже встречались для работы и каждого из нас потянуло в свою сторону. Джим пытался расширить своё влияние в студии. Дейв начал писать песни и обижался, почему мы их не записываем. Я думаю песни были неплохие, но компания имела своё мнение. Если же мы не проводили запись, Дейв не мог получить авторских денег, а то перерастало в большую проблему.

Начались проблемы с продюсированием. Мы продолжали работать с Джоном Пантером, который выпустил *'My Oh My'*, *'Run Run Away'* и альбом *Rogues' Gallery*. Но RCA для работы над новым альбомом *You Boyz Make Big Noize* предложила нам Томаса Бейкера, который жил в Америке. Он помимо прочих групп занимался с Queen и являлся большой величиной 80-х. Томас прилетел со своим звукорежиссером. Идея заключалась в том, что 5 дорожек будет делать он, остальные 5 – Джим. Перед началом работы мы объяснили, что хотим сохранить своё суровое звучание, но с применением записывающих технологий 80-х. Он согласился.

Затем он потратил 4 дня на запись ударных. На установку Дона было размещено 22 микрофона. Кроме этого микрофоны размещались на потолке, полу, везде. После двух недель работы мы проели бюджет диска, а записали всего одну вещь. Такой темп не подходил нам, выбивал из колеи и я предложил, что то в консерватории поменять. Дейв и Дон не могли позволить такого расточительства. Даже RCA согласилась с нами, и остаток альбома мы дописали в большой спешке. «Но пасаран» Томасу Бейкеру!

Я поделился с коллегами своими планами заняться другими вещами. Они не обрадовались. Дон тоже не хотел гастролировать, но Дейв и Джим хотели продолжать. Я не мог поверить. Именно они больше всех стонали из-за неустроенности поездок. Я предложил им найти другого певца. Множество групп поступают таким образом. Тогда можно продолжать насколько вас хватит. Я

не хотел оставлять остальных без работы и предложил выход, заключавшийся в моём добровольном уходе. Но всё же это случилось. Контракт с RCA был закончен. Никто из нас не хотел продолжения жизни группы в прежнем качестве. Мы просто закрыли группу.

Никогда официально мы не объявляли о распаде Slade. Мы оставили дверь открытой на тот случай, если появится неожиданный интерес. Все занялись своими делами. В 1983 я и Джим продюсировали группу Girlschool с альбомом *Play Dirty*. Это неплохая запись, но отработать её оказалось сущим кошмаром. Девушки не признавали дисциплины и без предупреждения разбегались по магазинам. Мы запирали их в студии, чтобы добиться хоть какого-то результата. Сильно мешали знакомые парни, вино и наркотики. Но когда удавалось отсечь мешающие факторы, получалась хорошая, работоспособная группа.

Я начал работу в рекламе. Я сочинял закадровую музыку, но больше пел и занимался озвучиваем видео ряда. Одна работа проводилась для Пепси в Америке, и тогда же я познакомился с работой на радио. Как то я оказался на BBC и Поль Локит, продюсер Пикадили Рэдио в Манчестере, поинтересовался, не хочу ли я сделать что-нибудь в стиле 70-х. Проба оказалась удачной и получил собственную 6-ти недельную серию передач. С тех пор я там. Моя передача представляет тематику соул и поп 70-х. Я переехал из Мидленда в Манчестер, частично по соображениям работы на радио и ТВ, но главным образом из-за возможности быть поближе к детям, которые там находились.

Следующая встреча со Slade состоялась в 1991. Polydor до сих пор обладала правами на наши старые записи и задалась целью организовать ТВ рекламу альбома *Greatest Hits*. Они попросили две новых песни и вознамерились выпустить сингл. Джим и Дейв записывали и выпускали собственные вещи, я даже сделал вокальную партию на одной из песен Дейва. Я просто сделал это в знак хороших отношений, потому что мы остались товарищами. Это был кавер Everly Brothers называвшийся *'Crying In The Rain'* и он подогрел интерес Polydor.

Мы решили выпустить две песни для альбома *Greatest Hits*. Проблема состояла в выборе песен. Джим написал *'Radio Wall Of Sound'* и она очень понравилась Polydor. Зато вторая - *'Universe'* оказалась перегруженной оркестровкой струнных и совсем была не похожа на всё, что группа до сих пор выпускала. Мне *'Universe'* понравилась именно своей непохожестью на традиционный подход. Дейв также предложил несколько песен и компания согласилась разместить их на второй стороне сингла. При записи *'Radio Wall of Sound'* мы с Джимом должны были разделить

вокальную партию на двоих. Для меня это вновь. Песню много крутили по радио, потому что радиостанции любили в названиях песен слово «радио». Когда вышла *'Universe'* взорвалась бомба. Никто не ожидал от нас работы в таком стиле. Эта наша последняя вещь, сделанная как песня группы Slade.

Дейв и Дон сформировали Slade 2 с новыми музыкантами. Я до сих пор не побывал ни на одном выступлении. Вначале Джим воспротивился использованию нашего имени, считая это компрометацией оригинала.

Вперёд в Линолиум!
11

Мы всегда имели значительное количество поклонников и даже прекращение концертной деятельности не уменьшило их числа. В апреле 1991 фанклуб организовал специальный вечер в честь 25-й годовщины первого выступления в действующем зале Уолсалл Таун Нолл. На стене этого зала располагается мемориальный диск, напоминающий о первом выступлении. Нарп Лагер расположил диски в нескольких точках страны. В Уолсалле была открыта вторая, а первая расположена на железнодорожной станции Виднес, где Пол Саймон написал *'Homeward Bound'* (Путь домой).

В день юбилея городской зал был заполнен родственниками, друзьями, поклонниками. Царила прекрасная атмосфера, где каждый мог пропустить по стаканчику и весело провести время. На сцене была задействована группа, мы должны были появиться на сцене с Секретарем клуба Малкольмом Скелингтоном, но план оказался нарушен. Я предчувствовал, что когда мы появимся, людям захочется, чтобы мы сыграли. Мне не хотелось этого. У нас не было оборудования и наших гитар, мы не проводили совместных репетиций несколько лет. При таких условиях выступление выглядело бы несчастьем.

Вспомнился случай, сразу после болезни Джима в последнее американское турне с Ози. Мы должны были возвращаться домой, но только после живого появления для радиостанции в Кливленде. Нам представлялось, что это будет небольшое выступление перед небольшой публикой. К ужасу мы обнаружили, что будем выступать в огромном зале магазина на пять тысяч при полном стечении народа. Живое выступление под фоновую запись. Было похоже на возвеличивание караоке. Всё делалось крайне неаккуратно. Техники включали запись с опозданием или обрывали её слишком быстро. Не имело значение, что всё происходило на скорую руку. Slade никогда не халтурили и вынужденное позорное выступление просто повергло нас в шок. Мы в подавленном настроении сели в лимузин. Я сказал остальным, что больше мы никогда не выйдем на сцену, без её надлежащей подготовки, чего бы нам не сулили. Никогда больше такого унижения над собой Slade не допустит. Я поклялся, что более такого фиаско не повториться. Не для того мы двадцать лет тяжёлым трудом зарабатывали свою репутацию. Если люди будут видеть Slade на сцене, то увидят нас в достойном качестве

или не увидят вовсе.

Но публика в Уолсалле не понимала, почему Дейв, Джим и Дон так упорно противятся взять инструменты. Они всё-таки ждали чуда. Вдруг я обернусь и скажу, что мы возвращаемся на сцену, но я знал, чуда не произойдет!

Мы всё-таки согласились исполнить один номер *'Johnny Be Good'*, старый рок-н-рол, который мы могли сыграть даже в бессознательном состоянии, но не более.

Публика пришла в исступление, когда мы вышли на сцену. Нарастал гулкий шум и крики. Мы исполнили номер на инструментах приглашенной группы и тут же сошли со сцены. Публика разошлась и не хотела нас отпускать. Но я то знал, что эти яростные фаны, слушавшие нас годами являются самыми строгими критиками исполнения давно известных вещей. Мы не могли испортить впечатление, я ещё никогда не пожалел, что выполняю свою клятву, после злосчастного вечера в Кливленде.

Ночь принесла ностальгические воспоминания поездок. Мы покидали зал при помощи полиции. Я помню замечание Дона: «Как в старые времена!»

После того вечера прошло десять лет и люди до сих пор спрашивают меня , почему я не возвращаюсь в группу. Я понимаю, что им хочется увидеть нас вместе на сцене, но 95% за то что этого не будет, было бы слишком смелым сказать это с уверенностью в 100%, но чёрт возьми, это ближе к правде.

Некоторые убеждали дать хотя бы один ретро-концерт в Бирмингем NEC, но они не понимают, сколько времени, труда и денег это может потребовать. Они вероятно думают, что достаточно просто выйти на сцену и начать выступать. На самом деле этому должны предшествовать многочисленные репетиции, сопровождающее обслуживание техников, груды аппаратуры, световое оборудование и многое другое. После старта нужно отыграть множество концертов в течение месяцев и тогда, может быть, появится практический смысл всего этого и финансовая жизнеспособность.

Я объяснял это несметное количество раз, но всё равно находятся и будут находиться люди, задающие подобные вопросы. Когда я выступаю по радио, я обычно спорю с организатором передачи, что такой вопрос обязательно поступит. Я всегда выигрываю, потому что спрашивают буквально через минуту эфира. Я скучаю по живым концертам, но это не является преградой для моей активной деятельности. Мир необъятен. Много вещей мне бы хотелось сделать и во многих местах побывать.

Я веду мою постоянную передачу на Пикадили Рэдио в

Манчестере, и получаю свою порцию музыкального общения. Я полюбил радио с детских лет, но своё призвание к радио почувствовал в середине 80-х во время турне по Штатам.

Я делал интервью для радиостанции в Лос-Анджелесе, загрузившись этим делом, пока мы ждали поправки Джима до нашего перелета в Британию. Мне предложили сделать 3-х часовое шоу по направлению музыки соул. Я с жаром взялся за дело и серьезно подготовился к передаче. Но тщательно разработанные планы разрушились во время перелёта в Лос-Анджелес. Новости сообщили, что Marvin Gaye был застрелен своим отцом в нескольких кварталах от студии. Организаторы попросили меня изменить направленность передачи и почтить память Marvin. К счастью я был большим поклонником Marvin Gaye. Я вытянул из себя всё о его жизни, работе, музыкальном материале и нашел верный тон передачи, которая явно удалась. Тогда я почувствовал прилив адреналина, нужно было быстро собрать и перестраиваться на ходу. Да, я смог и могу делать это. Этот опыт не прошел даром. Годами позже, получив работу на Пикадили Рэдио, я понял, что это подарок небес. За десять лет работы на радио пришлось познакомиться со многими выдающимися характерами, это было продолжением рок-н-рольной игры, продолжением музыкального бизнеса.

Джеймс Станидж вел прямой телефонный ночной эфир в течение ряда лет. Он был первым шокирующим ведущим и преуспевал упражняясь на населении Манчестера. Джаспер Кэрот рассказывал о манере Джеймса ведения передач в 70-х. Он оказался на гастролях и слышал ночной эфир, который проходил примерно так. Обычно Станидж ввязывался в спор, потом в эфир неслись ругательства: «Ты - старая глупая толстая корова! Вместо головы задница, а вместо мозгов – навоз!» Звонки продолжали поступать, следовательно поступали и ответы!

Я был дружен с другой ведущей Пикадили – Мишель Стивенс. Она производит множество работ для ТВ и радио, включая участие в моей передаче *Noddy's Electric Ladyland* в качестве капитана команды. Мишель яркая, эффектная блондинка с южной манерой говорить, растягивая слова. Она родилась в Штатах, в Литл Рок, Арканзас. Это также родина Билла Клинтона. Мишель провела детство, как сельский житель, живя в лесной хижине, стреляя оленей и обдирая белок. Она могла дать фору любому мужчине, если речь шла о выпивке, шоферских ругательствах и завиральных историях. Я втянул её в радио дело. Однажды она рассказала историю, как сбила оленя в Шотландии, на пути к другу. Не теряя, времени она загрузила оленя, привезла домой, освежевала, разделала и зажарила. Эту история рассказывалась в

баре в присутствии членов совета директоров. Упоминание «дорожный убийца» повергало её в ярость. Много других ведущих на Пикадили, такие как Майк Свинни, ветеран музыкальной сцены Манчестера, были дружны со мной.

Джеймс Риви и Дейв Уорд хорошо известные персонажи в округе Манчестера. Мы часто отправлялись вместе на карри в Рашхолм. Два величайших эксцентричных человека, когда-либо встречавшихся мне в этой жизни – Пит Митчел и Геоф Лойд. Сейчас они работают на Вёджен Рэдио в Лондоне, но до сих пор встречаемся. Крис Эванс перетащил их с собой на лондонскую станцию, и я не удивлен, что он с ними не расстался. Они очень быстро реагируют на ситуацию в эфире, остроумны и хорошо знают музыкальный материал. Работая на Пикадили они умели организовать передачи с чередой самых разноплановых звезд от Ноеля Галахера до Спайс Гёлс, и все приходили, хотя знали, что на передаче будет много острых вопросов.

Джорж Майкл выбрал Пита и Геофа для своего первого интервью. Спустя 10 лет Пит и Геоф решили повторить его посредством допуска слушателей на открытую линию Джорджа и пошутить над его телефонными расходами. Парни частенько шутили по поводу моего возраста. Они говорили, что сегодня в студию заявилась 70-и летняя рок звезда, на кресле каталке. Тут подключался я и говорил, что находясь в Доме престарелых попстарс зарезервировал место и для Джорджа. Джордж воспринял шутку с должным пониманием. Я продолжал, что если он хочет выпустить рождественский хит, то у меня на примете есть хорошая песня из которой можно сделать кавер! Пит и Геоф два огромнейших таланта радио. Я провел вместе с ними много чудеснейших передач на «каталке» или без неё.

Работая на Пикадили и Гранада ТВ в Манчестере, я познакомился и работал с множеством чудесных людей. Двое из них, ведущий Рэдио Уан Марк Радклиф и Марс Рили попросили меня представлять 13 серийную передачу по глэм року названную *Glitter and Twisted*. Передача захватывала такие имена, как Iggy Pop и New York Dolls, а также артистов, определивших направление T-Rex и David Bowie. Я также познакомился с Крейгом Кэш, который был партнером Кэролин Эйхерн. Приходилось сталкиваться с Тери Кристиан, актером из *Coronation Street,* а также множеством начинающих групп Манчестера.

Два величайших комика Британии Вик Ривс и Боб Мортимер в ТВ сериале постоянно выпускали пародии на выступления Slade. Перед выходом материала в эфир они направляли его мне и спрашивали моё мнение. Я думаю, что это были веселые передачи. Очень близкие к нашему стилю, только с чрезвычайно

преувеличенными деталями поведения. Наш акцент, наша манера держаться были очень похожи. Самый смешной момент шоу-стрижка Дейва. В передаче действие совершалось после того, как на голову Дейва надевали жестянку. И в самом деле, именно так выглядела прическа Дейва. Пародии прошли очень успешно и пришлось делать второй сериал. Великолепные парни!

Я поучаствовал в их ТВ шоу Shooting Stars, Там была подмечена Ульрика Джонсон.

Мы выступили вместе на Бирмингемском шоу перед пятитысячной аудиторией, незабываемый и весёлый вечер.

Пару лет назад Oasis выпустили кавер *'Cum On Feel The Noize'* и дали хиту новую жизнь. Я был очень удивлен их интересом к нашему материалу, но они не испортили песню. Меня пригласили на выступление на стадион Мэйн Роуд в Манчестере и я был приятно удивлен реакцией нового поколения слушателей на песню, соавтором которой довелось оказаться 20 лет назад.

Знаю, что мы оказали влияние на многие начинающие группы. Когда многие из них давали интервью, они сталкивались со мной и рассказывали, как в своё время доставали записи и пластинки Slade. Почти все просили совета. Что я мог посоветовать - иметь хорошего адвоката и хороший счет в банке.

За прошедшие годы многие группы по всему миру сделали множество каверов наших вещей. Канадская группа Bran Van 3000 недавно выпустила свою версию *'Cum On Feel The Noize'*, совершенно разнящуюся с нашим исполнением, но несмотря на это, очень удачный вариант. Французы сделали выпуск *'Merry Xmas Everybody'* в стиле Les Negresses Vertes. Мне кажется, когда музыканты искренне стараются привнести своё видение материала получается здорово.

Первый раз за много лет Дейв, Джим, Дон и я собрались в одном месте. Это было в 1996 на похоронах Чеса. Его смерть поразила нас. За месяц до этого мы виделись на моем 50-летнем юбилее, и он выглядел отлично. Несколькими годами раньше он пережил инфаркт. Я приезжал навестить его в госпитале Ньюкасла и он был неузнаваем, очень худ и измотан. Мне казалось, что он не выживет, но он выкарабкался. Чес вернул былую физическую форму и никто не мог сказать, что он серьезно болен. На дне рожденья мы душевно поговорили, а месяц спустя он умер. На похоронах меня попросили сказать несколько слов. Церковь была наполнена друзьями, даже отец Хендрикса прилетел. Я произносил речь при огромном стечении народа и это оказался труднейший момент в моей жизни. Я рассказал историю, как Чес прошел через бумажную стену в отеле Сан-Франциско. Я подумал, что этот образ человека, оставляющего

свой отпечаток, в любых жизненных проявлениях, более всего подходит для памяти Чеса. Мне не хотелось торжественности и официоза. Чес был не такой человек. Это большой жизнелюб и выдающийся характер.

Мои родители долго не воспринимали мой успех со Slade. Моя мама не представляла этого, пока я не появился в передаче *This Is Your Life*. Тогда она и тётушки были на седьмом небе. Сейчас ей 80, отца с нами больше нет. Это не явилось неожиданностью, его сопровождало множество болезней. Он выдержал два инфаркта средней тяжести, не отставали диабет и артрит, спутник работы на улице в любую погоду. Отец с мамой только единственный раз побывали на концерте Slade. Это сучилось в 1973 в Уолверхемптоне. Они ни когда небыли на рок концерте. Размах шоу, обилие публики, атакующая музыка и реакция людей поразили их.

Мать и отец никогда не соотносили меня с артистами сцены. Я увидел их на следующий день и почувствовал, что отношение ко мне изменилось. Они всё ещё надеялись, что я покину группу и найду более респектабельную работу. Внезапно они осознали, что я делал все эти годы, но сердцем принять этого не могли.

Сейчас матушке 83. Она до сих пор живет в том доме, где я вырос. Она прожила здесь 45 лет. Территория разрослась и застроилась. Больше нет полей и прудов, где можно ловить рыбу. Теперь это глубоко внутренняя часть индустриального города, но мать не хочет покидать это место. Этого не желал и мой отец. Матушке комфортно среди соседей и сестер отца. Они вместе ходят поиграть в бинго и присматривают друг за другом, когда кто-то заболеет. Я не могу оборвать эти корни.

Последний раз вреча с Дейвом, Доном и Джимом произошла на рождественском выпуске ТВ *This Is Your Life* в 1996. Я не много общался с ними, и не подозревал, что Майкл Аспел готовил сюрприз. С моих друзей и семьи была взята подписка секретности. Меня пригласили, как гостя Mrs. Merton's. Я приехал на BBC, администратор программы встретил меня и пригласил быстро без подготовки пройти в студию. Я не имел возможности даже переодеться в костюм. Меня вывели на сцену и я почуял неладное, потому что огромная студия оставалась подозрительно тихой. Внезапно я увидел всех людей, и одумал, что какой-то идиот оставил публику слишком рано без внимания. Внезапно Майкл Аспел появился перед мной – я был лакомый кусочек. Обычно, когда приглашали автора хита, он имел возможность пару часов привести в порядок свои чувства. Мне пришлось, ретироваться в гримерку, переодеться и выпить пару порций водки, чтобы успокоиться и продолжение последовало

незамедлительно.

Это была незабываемая ночь. Здесь оказалось множество друзей, которых я не видел несколько лет. Здесь были Roy Wood, Brian May, Samantha Janus, Vic Reeves и Bob Mortimer, Caroline Aherne and Craig Cash, Suzi Quatro, Toyah, Alan Freeman, Keith Chegwin и Mark and Lard от Рэдио Уан. Должен был прибыть Ози, но как всегда опоздал на самолет в Лос-Анджелесе.

Вик и Боб рассказали прекрасную историю. Все думали, что она придумана, но она произошла на самом деле. Это случилось сразу после переезда в Манчестер. Мы пошли отпразновать это событие в Отель Британия. Когда мы проходили вращающиеся двери по пути в бар , то увидели пару ног свисавших с потолка. Этот парень был на дежурстве и кто-то по ошибке запер его в комнате для подсобных принадлежностей. Он страдал клаустрофобией, его охватила паника и он начал пробивать себе путь ногами в пол и пробил!

Боб рассказал другую историю о том, как Алекс Хиггинс напугал его до смерти. Это случилось в следующий вечер. Алекс зашел в бар и был очень зол на то, что Боб отказывается заказать ему выпивку. Он был оскорблен и целый вечер угрожал в самых скверных выражениях, потому что Боб без видимой причины отказал ему в насущной потребности. Я знал Алекса 20 лет и мог представить происходящее. Алекс ангел, когда трезв, но очень страшен, если хоть немного выпьет.

Все истории оказались не выдуманными, хотя звучали, как невероятные события. Последним гостем был мой сынок Джанго, ему только что исполнилось два года и он не понимал, что происходит, но внёс свою лепту в происходящее. Рождение сына оказалось важнейшим событием 90-х. Он назван в честь Джанго Рейнхарда, цыганского джазового гитариста, выступавшего со Стивеном Граппели в парижском The Hot Club Quintet в 30-х и 40-х.

Он всегда был моим кумиром и я поклялся, что если у меня когда-либо будет сын, то я назову его Джанго, в память о деде, который боготворил этого артиста.

Ему сейчас пять и он слепок старого бродяги. Я никогда не думал, что в сорок буду напоминать отца, но это чертовки здорово. С парнем всегда иное чем с девчонками, да простят меня Черисси и Джессика.

Вечеринка после шоу удалась на славу, все говорили мне об этом (впрочем это наверное говорится каждому). Мы завалились в отель V&A под утро, чтобы продолжить празднование, начавшееся на BBC, Оксфорд Роуд, Манчестер. Меня до слёз тронуло появление старой команды техников Slade. Они не

тратили зря время и посоревновались с Roy Wood и Samantha Janus в дегустации напитков. Старые времена уже ничто не изменит! Мы отгорланили несколько песен под фортепьяно. Тим Нейли дирижировал пинтой пива и отбивал ритм по подносу на своей голове. Действительно примечательный вечер.

Я живу в Манчестере в доме на окраине города и делю его с моей партнершей, Сьюзен, писательницей и сценаристкой ТВ. Мы уже 10 лет вместе.

Я не забываю Slade, но это время так далеко. Я слишком занят и увлечен множеством интересных дел. Приоритет радио, затем ТВ. Поступают и другие предложения, спасибо Господь! Узнаёте ли мой голос в рекламе?

Появляюсь во многих ТВ передачах, но не о всех хочется упомянуть. Но я очень трепетно отношусь к приглашениям принять участие в *Top of the Pops*. Никогда не думал, то после появления в составе группы мне доведётся там выступать в ином качестве.

Поступает много предложений об участии в различных викторинах. Я был капитан команды в шоу *Roll With It* с ведущей Кейт Чегвин и выступал против другого Мидлендовского гуся - Toyah Willcox. Нам прокручивали 12 отрывков различных групп и мы должны были подогнать слова одного отрывка под музыку другого - не простая задача, попробуйте сами!

Самое удачное выступление было с Луиз Нёрдин, мы умудрились пропеть слова *'Postman Pat'* на мотив 10cc's *'I'm Not In Love'*, фантастически трудно, но мы это сделали.

Я также принял приглашение выступить в спутниковом ТВ шоу под названием «Элвис только что покинул дом», такое же чумовое, как и название. Шоу было смешным и имело большой успех.

После «Элвиса» я стал выпускать собственную 30-ти серийную ТВ передачу называвшуюся Нодди Электрик Ледиленд. Сьюзен была приглашена продюсировать этот проект. Она знала, как использовать мои таланты. Это оказалось сплошной анархией и записывалось вживую. Мы хотели отличаться от вереницы викторин, поэтому пригласили двух ярчайших девушек в капитаны команд. Ими оказались Мишель Стивенс, моя американская подружка с опытом радио и способностью немедленно выстрелить нужным словом и сексуальная черная красавица Феми Оук, которую Сьюзен и я давно знали. У меня была гуру и её роль исполняла Емма Мортон Смит. Мы задирали друг друга и все получали удовольствие от происходящих столкновений. В студии всегда присутствовала живая группа и мы разносили её в пух и прах. Гости всегда просились придти ещё

раз для большего разгрома, потому что всё делалось легко и непринужденно.

ТВ сериал *The Grimley* ещё одна веха на телевидении. Она основана в Dudley 70-х и точно уловила настроение Чёрной Страны. Передача напоминала мне о доме. Я погрузился в новый мир драмы-комедии. Великолепный писатель Джед Меркурио написал для меня роль – старомодного учителя классической музыки по прозванию мистер Холдер. Он где-то прочитал, если бы я не стал музыкантом, то стал бы учителем. Такой роли от меня никто не ожидал. Отличная находка - дать персонаж в страстном желании следовать своим несбыточным мечтам, вокруг этого накручивалось много комичных сцен. В пилотном варианте сериала лидирующие партии исполняли Даг Дигби и Джералдин Титли. Они исполняли роли Jack Dee и Samantha Janus. Потом Гранада решил продолжить сериал и пригласил на эти роли Брайана Коли и Аманду Холден.

В первый раз я встретил Брайана Коли во время ожидания начала съёмок на площадке фильма. Мы немного поболтали и он спустил брюки, показать на заднем месте татуировку «не входить». Он сказал, что в шоу бизнесе, каждый нуждается в таком напоминании. Работать с ним – сплошная хохма.

Аманда Холден тоже сплошной юмор. Она немного помешана на здоровом образе жизни и каждый день изобретала полезные напитки из соков, где бы она не была. Как прирожденный командир она заставляла меня пить эти напитки здоровья каждое утро для бодрости на съёмках. Бодрость то они давали, но мы постоянно пукали на площадке, что нарушало обстановку гармонии с остальными участниками съёмок.

Настоящей звездой съёмок был Джеймс Брэдшоу, исполнявший роль Gordon Grimley. По сценарию он попадал под акции учителя садиста Р.Е., которого играл Брайан. Бедняга Джеймс провёл много времени под водой, подвешенный за ноги, его пришпиливали к гимнастической лесенке и заталкивали в него сомнительные медицинские пилюли. Он все-таки выжил, благодаря врожденному чувству юмора. Я думаю, что если бы такое вытворялось с человеком меланхолического склада, он бы не выдержал этих съёмок. Это настоящий характерный актер и его ждёт великое будущее.

Шоу имело грандиозный успех и принесло всем актерам заслуженную известность. Моя роль учителя классической музыки подтолкнула к мысли записать старые вещи Slade в новой интерпретации. В планах появился проект сольного акустического альбома.

Я горжусь своей работой в сериале. При встречах люди теперь

спрашивают не о Slade, а о Grimleys. Когда мне довелось приехать в Штаты на день Святого Патрика в аэропорту Ньюарка толпа мальчишек спрашивала о том, что будет в ближайшее время с мисс Титли.

Последние десять лет оказались переходным периодом, временем жизненных вызовов.

После длительной работы в коллективе единомышленников я стал работать в стиле соло, но эта работа также оказалась многогранной и интересной. Я счастлив достигнутыми результатами. По моему мнению, Slade мог выпустить ещё пару альбомов, но выйдя из наезженной колеи мы пошли в разные стороны. В начале Миллениума (или «линолеума», как говорит моя матушка, благослови её Господь!) я был очень удивлен награждением MBE за заслуги в области музыки прочитав об этом в новогоднем списке представленных к награде. Когда я получил приглашение из Дворца, то подумал, что теперь моя персона стала объектом претенциозного завершения.

Когда подошла дата моего официального представления, стало известно, что Королева улетела в Австралию и меня будет награждать Принц Чальз. Я представлял встречу с будущим Королём прохладной. Я уже встречался с Королевой в школьные годы и не очень огорчился.

Сьюзен и Джанго прибыли вместе со мной во Дворец и парнишка был ошеломлён видом гвардейцев и офицеров флота во всех регалиях. Он никогда не видел столько блистающих палашей, кортиков и копий, блаженство для мальчишки!

Целый день явился большим событием и я постарался получить максимум удовольствия. Я был спокоен, но прошло довольно много времени ожидания приглашения в огромный зал для получения медали. Это время я скоротал в разговорах с другими приглашенными к награждению – широчайший набор профессионалов во многих областях. Нас познакомили с протоколом встречи с Принцем. Протокол включал обязанности говорить только отвечая на вопрос, обращаться «Ваше Высочество» и затем сэр и, когда произойдет рукопожатие, нужно отступить назад и удалиться.

Из уважения к такому событию я приоделся в длинный сюртук, весёленький жилет и, что не характерно для меня, одел нарядный галстук. Когда провозгласили моё имя- «Мистер Невилл Холдер за заслуги в области музыки» я занял место подле Принца Чарльза и он водрузил медаль. Первое, что он сказал:«Среди гостей Вы одеты наилучшим образом». С быстротой молнии ответил: «Я предпринял специальные усилия для того, чтобы порадовать Вас сэр». В ответ он весело рассмеялся и затем

мы несколько минут хорошо поболтали. Уходя я подумал, что за прекрасный парень, а как звучит! Просто бриллиант!

После официальной церемонии нас сфотографировали во внутреннем дворике Дворца. К нам троим присоединились Джессика, Черисси с её мужем Дареном и мы закатились в ресторан. Вот это день!

На следующее утро я должен был записываться на BBC в Shepherd's Bush для нового сериала *Question of Pop*. Это такой же формат, как и *Question of Sport* только с вопросами о музыке. Всё это безобразие ведет Jamie Theakston и здесь будет много интереснейших людей. Я хорош в вопросах о 60-х, 70-х, 80-х, но частенько обращаюсь к молодым членам команды, если вопрос оказывается заковыристым.

После тридцати лет работы в рок группах сейчас волнующе и интересно делать иные вещи. Кто знает, что в будущем? Я прожил весёлые времена и невозможно описать все забавные случаи в одной книге. Следите и оставайтесь на рок волне!

Keep On Rockin' ребята!

'Cum on feel the proze' THE MIRROR

As the flamboyant lead singer of Slade, Noddy Holder was one of Britain's best loved rock stars in the 1970s, always easily recognisable by his electrifying singing voice, his thick Midland's accent – and his shiny mirrored hat. In *Who's Crazee Now?* he tells his fascinating life story for the first time.

Famous for rocking a generation of parties with *Mama Weer All Crazee Now*, *Cum on Feel the Noize* and of course, *Merry Xmas Everybody*, Slade challenged the likes of Gary Glitter, Elton John and Sweet for the biggest hits and most garish outfits of the glam 1970s.

Success in America in the 1980s brought some of their biggest ever hits and tours with Aerosmith, Santana and Sly and the Family Stone.

But after two decades in the limelight Noddy left Slade to enter TV and radio and in 1999 he was awarded an MBE in the Millennium Honours list. Audiences now recognise Noddy as the affable Mr. Holder in the TV series *The Grimleys*. Noddy plays a music teacher who was once in a band – but they never made the big time. Just imagine if they had, what a story it would be!

'Raucous, riotous... compelling' UNCUT

'Excellent' THE SUN

EBURY PRESS

Autobiography

£5.99

ISBN 0-09-187503-X

9 780091 875039

Front cover photography:
© MEN Syndication

Back cover photography:
© Rex Features

www.randomhouse.co.uk

P.S. автора перевода.

Мой сынулька не равнодушен к музыке, как и я. Поощряя его стремления, купил кассетный плеер. Парню 12 лет и однажды он, восхищённый, приносит послушать папе *«I was made for loving you baby»* Kiss в исполнении задрипанной немецкой группы «Скутер». Даже они не смогли испортить динамики и заряда песни, и хотя я не большой поклонник Kiss, возмутился и понял, что есть упущения в музыкальном образовании сына. Не поленился, сходил в «Московский» и на втором этаже разыскал кассету с оригинальным исполнением. Вот, как это звучит от мастеров. А потом подпихнул Slade. Результат правильной работы не заставил себя ждать.

Прошёл год. Грянуло событие о котором в 80-х в нашем бедном Советском Союзе не мог мечтать ни комсомолец, ни хулиган. Благодаря своевременной информации старинного товарища – Миши Грона, я не пропустил это событие. Мало того протащил на концерт сына, которому было всего 13 и пришлось решать проблему, как провести сынульку на вечерний концерт.

По дороге в Лужники наблюдаем картину. Два солидных мена в костюмах и галстуках вылезают из навороченной тачки и тут же, на глазах проходящего народа раздеваются до трусов и надевают кожаки в заклёпках – они не чокнутые, просто они идут на концерт Slade! Где вы такое увидите?

Если убрать впечатления от «Коррозии металла», то концерт прошел очень хорошо. Хотя отсутствовал наш «Мидллендский соловей» были сильный, яркий, напористый и агрессивный жёсткий звук, старые хиты, бросание маек, молниеносные перемещения Дейва с тумбочкой с одного края сцены на другой. Звучала незабвенная *«Every day»* и парнишка отсветил моей зажигалкой всю песню и испытал чувство единения с залом.

На концерте встречались старые друзья, которые не виделись много лет, заеденные текучкой и борьбой за хлеб насущный, а концерт всё же соединил. Встретился и я. После концерта с Мишкой и его компанией мы нашли укромное местечко в виде странного кафе. Нам предложили крепкие напитки, пиво и люля-кибаб. Мой паренек был изумлен. В кафе набилось много людей с концерта. Взрослые дядьки чудили, а один ходил с наколкой Slade на нижних фалангах пальцев и все одобрительно покрикивали ему. С моим пареньком обращались, как со взрослым. Были предложены люля и пиво. От пива парень отказался, а люля пошел за милую душу. А как иначе? Ведь он был участником концерта Slade, хоть и в качестве зрителя.

Сейчас парню 21. Он по-прежнему много слушает и за месяц прослушивает столько, сколько я не слышал за всю жизнь. Разные стили от фолк до рока и классической музыки. У него несомненно есть вкус. Именно он познакомил меня с музыкой Garbage и не последнюю роль в этом сыграло знакомство со Slade.

Когда рядом кто-то произносит слово Slade мы обмениваемся понимающим взглядом и ничего не говорим. Всё сказано и никто этого удовольствия не отнимет.

Подозреваю, что творческая плодовитость Нодди могла привести к рождению ещё одной книги. Если так, дайте текст и я поработаю. Пишете в ящик ovchinna@yandex.ru

А это билетик на концерт, который храню с 1999г.